

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

№

СЛАВЯНСКОЕ ВЕДЕНИЕ

г.

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

6
2002
НОЯБРЬ •
ДЕКАБРЬ •

Накануне нападения Германии: Внешняя и внутренняя политика СССР в первой половине 1941 года. Материалы "круглого стола" 3

СТАТЬИ

Из словаря "Славянские древности" 40
Березович Е.Л. (Екатеринбург). Гегографический микромир и макромир в русской народной языковой традиции (к изучению культурных коннотаций русских топонимов) 60
Младенова Д. (София). "Глаза" и "зрение" небесных светил: Связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре 72
Белова О.В. (Москва). Межкультурный диалог в свете этнолингвистики: Материалы из регионов Восточной Славии 87
Вельмезова Е.В. (Москва). Об именах персонажей чешского лечебного заговора 94

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Стыкалин А.С. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. 102
Мороз А.Б. Е.Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте 110
Мельников Г.П. Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи 114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вельмезова Е. Международная конференция "Философские эпистемологические и идеологические основы дискуссий о языке в СССР в 1917–1950 гг." 118
Новые издания Института славяноведения РАН 122
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2002 году 124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.Е. ВЕНЕДИКТОВ**,
Р.П. ГРИШИНА, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, **Б.Н. ФЛОРЯ**, **В.А. ХОРЕВ**, **Т.В. ЦИВЬЯН**

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории)

Зав. редакцией *Е.В. Пономарева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

РУКОПИСИ ПРЕДОСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ: СТАТЬИ – ДО 24 МАШИНОПИСНЫХ СТРАНИЦ ТЕКСТА ЧЕРЕЗ 2 ИНТЕРВАЛА, КОМПЬЮТЕРНЫЙ НАБОР – 14 РАЗМЕР, ПОЛУТОРНЫЙ ИНТЕРВАЛ, ШРИФТ TIMES, WORD 6/95; СООБЩЕНИЯ – ДО 16 СТР.; РЕЦЕНЗИЯ, ЗАМЕТКИ О НАУЧНОЙ ЖИЗНИ И Т.Д. – ДО 6–7 СТР. ЖЕЛАТЕЛЬНО ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ ДИСКЕТЫ С ПРЕДЛАГАЕМЫМ МАТЕРИАЛОМ. РУКОПИСИ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ УКАЗАННЫМ ТРЕБОВАНИЯМ, К РАССМОТРЕНИЮ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ. РУКОПИСИ НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

© 2002 г.

НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ: ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 ГОДА. МАТЕРИАЛЫ "КРУГЛОГО СТОЛА"

28 февраля 2002 г. в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) состоялся очередной "круглый стол" в рамках серии исследований "Восточная Европа и Вторая мировая война". Он был посвящен внешней и внутренней политике Советского Союза в первой половине 1941 г. В его работе, организованной Отделом истории славянских народов периода мировых войн, приняли участие научные сотрудники институтов РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института военной истории МО, ряда других научно-исследовательских учреждений (всего более 30 человек).

Вступительное слово ведущего "круглого стола", канд. ист. наук *С.З. Случа* (ИСл РАН) было посвящено значению внешней политики Советского Союза в первой половине 1941 г. для мировой и европейской истории, особенно планов, замыслов советского руководства и конкретного их осуществления Кремлем. Эти планы представляли собой переплетение самых различных тенденций, мотивы которых все еще остаются не совсем ясны. Основные усилия внешней политики СССР в первой половине 1941 г. были связаны с балканским регионом, с советско-германскими, советско-японскими, а также с очень непростыми советско-английскими отношениями.

Нынешнее положение с источниками по всем этим вопросам неоднозначно. С начала 1990-х годов в России опубликовано более десяти сборников документов, в которых в той или иной степени отражены события первой половины 1941 г. Это – немало, и крайне важно, что упомянутые сборники были изданы, поскольку ситуация в отечественных архивах, связанная с доступом к документам советской внешней и военной политики этого периода, ныне, к сожалению, заметно ухудшилась. Многие документы, которые были еще несколько лет тому назад доступны, вновь закрыты. За последние два года российская историография пополнилась несколькими работами, в которых затрагиваются проблемы, связанные с внешней и военной политикой СССР в 1941 г. [1]. Нельзя не отметить и ряд зарубежных работ по этой проблематике, вышедших в это же время [2].

Как известно, проблемы, связанные с внешней и военной политикой СССР в первой половине 1941 г., стали на протяжении последнего десятилетия предметом острой дискуссии, прежде всего в российской историографии, которую не в последнюю очередь инициировали книги В. Суворова [3], а также введение в научный оборот некоторых документов Генштаба РККА [4]. Существует мнение, что эта дискуссия была российским историкам навязана, что неверно. Во второй половине XX в. мировая историография столкнулась с несколькими острыми дискуссиями, вышед-

шими за рамки национальных историографий. Одни из них серьезно обогатили мировую историческую науку¹; другие были в большей или меньшей степени бесплодными, как например, "Historikerstreit" ("Спор историков") в ФРГ во второй половине 1980-х годов [7], вылившийся в очевидную перебранку и наклеивание ярлыков, хотя и имевший определенный политический резонанс.

К сожалению, состоявшаяся в Москве в мае 2001 г. международная конференция, посвященная 60-летию нападения Германии на Советский Союз, также не отличалась конструктивностью. Организаторы превратили ее в формальное мероприятие, о чем свидетельствует и опубликованный отчет о проведении этого форума [8. С. 204–212].

Далее С.З. Случ обратился к задачам проводимого "круглого стола". Были предложены следующие проблемы для обмена мнениями: развязка на Балканах и поражение советской внешней политики; советская внешняя политика и пропаганда; вермахт и Красная Армия в 1941 г.; аномалии внешней политики СССР.

С сообщением "Развязка на Балканах и поражение советской внешней политики" выступил Л.Я. Гибианский (ИСл РАН).

Он счел необходимым предварить свое выступление замечанием относительно источниковой базы. Хотя в последние годы стал доступен довольно большой массив новых документов из российских архивов, однако мы по-прежнему лишены, во-первых, материалов о том, как анализировалась поступающая информация и делались те или иные выводы в Кремле; во-вторых, подготовительных материалов на уровне НКВД, где давались бы оценки событиям и могли выработываться предварительные предложения; в-третьих, значительной части документации о деятельности советской дипломатии в отношении Балкан. Не говоря уже, в-четвертых, о недоступности документов Генштаба и разведывательных органов. Это ведет к большой фрагментарности имеющейся картины.

Другое предварительное замечание: за несколько последних лет не появилось новых документов, которые вносили бы сколько-нибудь существенные изменения в представления о советской политике на Балканах в первой половине 1941 г. по сравнению с теми, что были использованы авторами монографии "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг." (М., 1999). Поэтому, не вдаваясь в детали, которые представлены в упомянутом труде, докладчик охарактеризовал общие направления политики СССР в этом регионе.

К началу 1941 г. Балканы оставались почти единственной сферой советской внешнеполитической активности в Европе. Все остальные направления либо были утрачены, либо закрыты, либо представлялись таковыми руководству СССР. Например, на британском направлении в действительности ничто не было закрыто, но советская внешняя политика здесь не могла двигаться в силу самоограничений, наложенных Кремлем.

Чего добилась Германия к рубежу 1940–1941 гг. на Балканах? С одной стороны, довольно многого, представ перед Балканскими странами как наиболее влиятельная и мощная сила на Европейском континенте, армия которой стояла уже не только на границах региона, но находилась внутри него – в Румынии. С другой стороны, поставленная Берлином цель присоединения этих стран к Тройственному пакту на правах подчиненных была достигнута только в отношении Румынии. А все остальные, путем различных дипломатических маневров, от подобного шага пока уклонялись. Правда, Болгария уже достаточно далеко продвинулась в направлении присоединения к пакту, но и в этом случае дело по-прежнему ограничивалось переговорами. А на самом юге региона Италия, захватившая Албанию еще в 1939 г., терпела катастрофическое поражение на греческом фронте.

Вместе с тем перед Германией открывались на Балканах весьма неплохие перспективы, и не только благодаря ее военной мощи, но и вследствие того, что у нее

---

¹ Речь идет прежде всего о дискуссиях вокруг книг западногерманского историка Ф. Фишера [5] и работы английского историка А.Дж.П. Тейлора [6].

отсутствовали там серьезные противники. Сами балканские страны были разобщены и найти какую-либо форму объединения для защиты своих интересов не могли, особенно ввиду традиционных территориальных противоречий. Каждая из них искала возможности избежать втягивания в конфликт между великими державами или, по крайней мере, найти сильного покровителя, под защитой которого можно было бы пережить трудные времена. Разобщены были и великие державы, заинтересованные в том, чтобы противостоять Германии и Италии на Балканах, а основным фактором этой разобщенности являлось представление СССР о враждебности ему Великобритании и США. Все попытки англичан на протяжении второй половины 1940 г. наладить контакт с Москвой для противодействия германо-итальянской экспансии на Балканах ни к чему не приводят, наталкиваясь на негативную позицию Кремля. Не вступая в обсуждение того, была она оправдана или нет, замечу, что на этот вопрос ответ давно дала история. Как только такая позиция после 22 июня 1941 г. претерпела изменение, причем в резко ухудшившейся для Москвы ситуации, Запад, при всех возможных оговорках, оказался достаточно надежным союзником СССР на протяжении войны.

Поскольку Англия на рубеже 1940/41 гг. не предпринимала активных шагов для военного вмешательства на Балканах, а военного присутствия СССР там не было, то для Германии в регионе оставалось большое поле деятельности. К началу 1941 г. там ей противостоять серьезно никто не мог. Что касается советской политики, то она потерпела поражение на Балканах уже в конце 1940 г. То, что произошло на протяжении нескольких недель после переговоров В.М. Молотова в Берлине, означало только одно: как только СССР выступил со своими претензиями в отношении Болгарии и проливов, он объективно из положения державы, претендовавшей на роль партнера-соперника Германии в регионе, был отодвинут на маргинальную позицию. Берлин даже не удостоил Москву ответом. Болгары же на предложения СССР ответили отказом.

На этом международном фоне начинается 1941 г., события первых трех месяцев которого развиваются по тому же сценарию. С начала января развертывается мощное немецкое политико-дипломатическое наступление в отношении Болгарии. Запад и СССР, не согласовывая свои действия, а, скорее, мешая друг другу, пытаются этому противостоять, но безрезультатно. Советские демарши, включая заявление ТАСС от 13 февраля, попытки Молотова в беседах с германским послом в Москве графом Ф.В. фон Шуленбургом заявить о том, что советское правительство рассматривает Болгарию как сферу своей безопасности, а появление любых иностранных войск на ее территории – как нарушающее интересы этой безопасности, Берлин игнорирует. Болгары также не обращают особого внимания на действия Москвы, хотя они еще пытаются как-то смягчить возможную реакцию СССР, опасаясь, вероятно, его вмешательства. Впрочем, как известно из немецкой записи беседы премьер-министра Болгарии Б. Филова с Гитлером в начале января 1941 г., последний заявил, что не следует бояться советского вмешательства, поскольку "русские знают, что в таком случае конфликт расширится на всю протяженность германо-русской границы" [9. Bd. XI. 2. Dok. 606. S. 851].

Западные демарши в Софии тоже тщетны. Миссия эмиссара президента США полковника У. Доновена, которая в литературе обросла немалым числом мифов, дала нулевой результат.

1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту, и группировка вермахта численностью почти в 700 тыс. человек оказалась на ее территории. Это кардинально меняет всю ситуацию в регионе – Германия становится господствующей силой на Балканах. Такого положения не могут компенсировать ни последовавшая затем высадка английского ограниченного контингента в Греции, ни неудача итальянского наступления против греческой армии в марте. Судьба Балкан решена.

Почти то же самое (до переворота 27 марта 1941 г.) повторяется и в случае с Югославией. Однако есть и отличия. СССР не принимает активного участия в пре-

дотвращении присоединения Югославии к Тройственному пакту. Активно действует Англия, пытающаяся не допустить перехода Югославии в лоно "оси". У Лондона гораздо более сильные позиции в Белграде, чем в Софии, да и во главе Югославского государства стоят сторонники проанглийской ориентации. Но у англичан ничего не получается, так как чего-то реального Югославии они не могут предложить.

Что касается советской позиции на югославском направлении, то тут есть одна неясность, связанная с так называемой миссией Б. Симича, человека не официального, отставного полковника. Вокруг этой истории нагромождено немало мифов. В книге "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным" была предпринята попытка развеять эти мифы, используя документы югославского военного атташе в СССР полковника Ж. Поповича, с которыми Гибианский ознакомился в архиве Гуверовского института в Стэнфорде. На сегодняшний день остается неясным, предлагало ли советское руководство в начале марта Симичу, находившемуся в Москве, заключить с Югославией военно-политический пакт. На взгляд докладчика, это весьма сомнительно, потому что, когда югославское правительство после переворота 27 марта выразило желание заключить подобный пакт, то это не удалось именно из-за советской позиции. Нельзя исключать, что зондаж в этом направлении мог предприниматься, возможно, даже делались какие-то заявления не слишком обязывающего характера, чтобы удержать югославов от присоединения к Тройственному пакту. Однако советские документы на сей счет не известны или на сегодняшний день недоступны. На основании югославских документов ничего определенного сказать нельзя. На поверхности лежит совсем другое: СССР явных действий на югославском направлении не предпринимал. Более того, все попытки югославских дипломатов, прежде всего посланника в Москве М. Гавриловича, побудить советское руководство хотя бы к минимальным шагам, подобным заявлению в связи с вводом немецких войск в Болгарию, но превентивного характера, не имели успеха. Кремль на это не идет. Чем это можно объяснить? Если исходить из логических рассуждений, то, по-видимому, преваляровала столь типичная тогда оглядка на Берлин, боязнь нарушить систему отношений с Германией, чтобы раньше времени не оказаться вовлеченным в военный конфликт. Это умозрительные, хотя, очевидно, и справедливые соображения. Однако механизм принятия решений в советском руководстве в данном случае, как и во многих других, остается совершенно не ясен.

Но германская политика на Балканах дала осечку в связи с переворотом 27 марта в Белграде. На короткое время Югославия оказалась в центре международной политики. И здесь начинается область сплошных загадок. Известно, кто принимал участие в перевороте, хотя неизвестно, кто им руководил, так как документы, связанные с переворотом, отсутствуют. Официально его возглавил командующий югославскими ВВС генерал Д. Симович, но, если судить по некоторым мемуарам, реально – заместитель Симовича генерал Б. Миркович. По сей день в югославской литературе идет дискуссия по поводу событий того времени, но в качестве аргументов выступают только свидетельства мемуаристов, а это – крайне ненадежный источник, особенно, если он единственный.

Для нас более важно другое: какие внешние силы стояли за переворотом? Согласно традиционному взгляду, это была британская операция. А по свидетельству П.А. Судоплатова, опять-таки мемуарному, переворот был организован по инициативе и при участии чуть ли не руководства советских спецслужб – как военной разведки, так и зарубежной разведки НКГБ [10. С. 136–137; 11. С. 129, 130]. Была ли это параллельная акция британских и советских спецслужб, или каждая из них приписывала постфактум себе заслугу в организации или участии в перевороте, остается неясным. Сами участники переворота, причем абсолютно все, утверждают, что он был организован только ими, что ни с какими иностранными спецслужбами они не были связаны.

Сейчас нам определенно известно следующее. Во-первых, сразу после переворота начинаются интенсивные советско-югославские переговоры. Из их содержания стано-

вится очевидным, что новое югославское руководство, вопреки всему, что писалось ранее в отечественной и югославской историографии, не проводило проанглийского политического курса. Оно смертельно боялось, что Лондон ввергнет Югославию в войну с Германией. Отсюда следовал вывод: поскольку СССР союзник Германии, необходимо ориентироваться только на него, что позволит удержать немцев от нападения на Югославию.

Во-вторых, новые документы позволяют прояснить и советскую позицию в отношении главного, что до тех пор было содержанием политики СССР на Балканах, т.е. противодействия как Германии с Италией, так и Великобритании. Эта позиция меняется радикальным образом. Теперь советская сторона дает ясно понять югославским представителям, что она не только не возражает, но даже рекомендует им пойти на соглашение с англичанами, получать от них оружие, а СССР будет помогать Белграду тайно. Но на военно-политическое соглашение, к которому так стремилось югославское руководство, Кремль не идет. В результате заключается совершенно беззубый договор.

Правда, в той ситуации любой советско-югославский договор все равно был бесполезен, поскольку решение о нападении на Югославию было принято в Берлине сразу же после переворота в Белграде. Гитлер, как видно из немецких документов, прекрасно понимал, что Советский Союз не выступит активно в защиту Югославии, и потому без колебаний отдал приказ о нападении на нее 6 апреля (а заодно и на Грецию). В результате очередного блицкрига Балканы целиком оказались во власти "оси". Провал попытки Москвы продемонстрировать активность в случае с Югославией убедительно показал, что СССР совершенно не в состоянии вести эффективную внешнюю политику, хоть как-то противодействовать дальнейшей экспансии Германии.

Л.Я. Гибианский ответил на вопросы участников "круглого стола".

Вопрос: Что мог реально сделать Советский Союз в той обстановке? Мог ли он позволить себе вести на Балканах политику, которая неизбежно должна была привести к столкновению с Германией?

Л.Я. Гибианский: Не знаю, сколь продуктивно обсуждать альтернативы реальной истории. Расчеты, из которых исходил Кремль в своей тогдашней политике на Балканах, оказались иллюзорными как в смысле противодействия установлению там господства стран "оси", так и в смысле стремления оттянуть военное столкновение СССР с Германией.

Вопрос: Вы говорили о поражении советской внешней политики на Балканах. А в чем состояли ее цели в регионе?

Л.Я. Гибианский: Судя по документам, особенно касающихся переговоров Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., включая директивы Сталина к ним, цели состояли в том, чтобы если не весь балканский регион, что было программой максимум, то хотя бы его восточную часть, включая зону проливов, не отдать "оси", а превратить в свою сферу контроля. Но совершенно непонятно, считало ли советское руководство эти цели достижимыми в первые месяцы 1941 г. По поводу Болгарии Молотов в беседах с Шуленбургом буквально накануне ее присоединения к Тройственному пакту продолжал повторять, что это зона интересов безопасности СССР. Трудно сказать, на что при этом был расчет.

Вопрос: Городецкий в книге "Роковой самообман" утверждает, что прогерманский крен югославского правительства заставил Москву застопорить обговоренные поставки военного снаряжения. В какой степени могли бы эти поставки повлиять на позицию Югославии в отношении Тройственного пакта?

Л.Я. Гибианский: Почти весь сюжет, касающийся неосуществленных военных поставок СССР Югославии, заимствован Городецким из рукописи моего доклада на состоявшейся в начале 1995 г. Международной научной конференции "Советский Союз и начало войны, 1939–1941" (в книге есть ссылка на эту рукопись), который позднее был опубликован [12. С. 207–225]. Переговоры о поставках, начатые по

югославской инициативе, тянулись с перерывами с сентября 1940 по февраль 1941 г. Несмотря на многократные обещания Москвы, поставки так и не были начаты. Городецкий принимает на веру советские объяснения, данные югославам в феврале 1941 г. Насколько же можно понять из некоторых документов, главным тормозом было опасение Кремля, как бы о таких поставках не узнали в Берлине. Отсутствие военного снабжения из СССР лишило Белград возможности оснащения своей армии. Именно на ее неготовность к противостоянию "оси" ссылались военный министр и начальник Генштаба, когда югославское руководство решало вопрос о присоединении страны к Тройственному пакту. Изменили ли бы советские поставки это решение, можно только гадать. Но то, что их отсутствие усиливало в Белграде тенденцию к капитуляции перед нажимом Гитлера, несомненно.

Вопрос: Существуют две точки зрения на мотивы, побудившие советское руководство заключить договор с Югославией. Согласно Судоплатову, это была попытка затянуть развитие событий на Балканах и таким образом отдалить столкновение СССР с Германией. По мнению Городецкого, Сталин этим шагом хотел усадить Гитлера за стол переговоров в рамках мирной конференции по Балканам.

Л.Я. Гибианский: Документов, которые давали бы ясный ответ на этот вопрос, нет. Можно только строить предположения. Если судить по тому, что на советско-югославских переговорах в начале апреля о заключении договора советская сторона вопреки своей прежней позиции, высказалась в пользу получения югославами британской военной помощи, Москва была заинтересована в том, чтобы военная операция в Греции при поддержке англичан распространилась и на Югославию. Логично предположить, что целью Кремля было создать на Балканах очаг сопротивления, который хотя бы на время отодвинет нападение на СССР. Но нельзя исключить и возможных расчетов Сталина на то, что в такой ситуации Гитлер будет склонен к новому сговору с СССР, на этот раз по поводу Балкан.

Обсуждение сообщения Л.Я. Гибианского начал д-р филол. наук *Б.В. Соколов* ("Наша общерегиональная газета"). По его мнению, во-первых, не совсем понятно из сказанного, ориентировался ли Сталин на неизбежное военное столкновение с Германией, или он рассчитывал на какой-то более или менее длительный период мирного сосуществования. Во-вторых, Л.Я. Гибианский утверждает, что, с одной стороны, новое руководство Югославии после переворота обращалось к СССР как к союзнику Германии, рассчитывая тем самым обезопасить себя от германского нападения, а с другой – рассчитывало заключить военный пакт с Москвой, что было бы явно антигерманской акцией с обеих сторон. Непонятно, как одно сочетается с другим. В-третьих, вопрос о поставках советского вооружения в Югославию носит чисто гипотетический характер, так как они были неосуществимы: путь через Румынию был закрыт, торгового флота у СССР практически не имелось, и даже если бы и была попытка поставок через Средиземное море, то она была осуществима только под защитой англичан. Если с советской стороны и давались обещания поставок вооружения в Югославию, то, скорее всего, это была лишь риторика. Поэтому не стоит придавать данному вопросу большого значения.

Канд. ист. наук *Е.Л. Валева* (ИСЛ РАН) остановилась на положении в Болгарии как объекте советско-германского противоборства на Балканах. Хотя СССР к концу 1940 г. утратил свои позиции в этом регионе, страх перед ним сохранялся, особенно в тех балканских странах, где были сильными позиции левых сил. К тому же перед глазами царя Бориса и его правительства стоял свежий пример советской оккупации стран Балтии.

К концу 1940 г. возможности политики неприсоединения Болгарии оказались исчерпанными, она фигурировала уже в планах Берлина, готовившего операцию по овладению Балканами. Болгария находилась под большим нажимом не только со стороны великих держав, на царя Бориса оказывала сильное давление внутренняя оппозиция. Коммунисты настаивали на подписании договора с СССР, а правые национали-

стические организации требовали немедленного присоединения к Тройственному пакту.

Болгарские историки задаются вопросом: существовала ли для царя Бориса альтернатива в сложившейся ситуации? По мнению Е.Л. Валеовой, в тех условиях любое сопротивление Германии, помимо того, что Болгария была не в состоянии его осуществить, означало бы ее отказ от идеи национального объединения. В то время как разрыв с нейтралитетом обещал решение этой приоритетной внешнеполитической задачи, хотя бы и ценой превращения страны в сателлита третьего рейха.

Д-р ист. наук *Т.М. Исламов* (ИСл РАН) считает, что при изучении внешней политики СССР кануна войны необходимо исходить не из большевистских идеологических установок, изживших себя еще в 1939 г., а из сложившихся к 1941 г. реальных международных и внутренних условий. В какой мере советская политика соответствовала "текущему моменту" и высшим интересам государства – таким видится главный, если не единственный критерий анализа. В условиях подавляющего перевеса сил вероятного противника и собственной внутренней слабости, неподготовленности страны, народа и армии к большой войне, прагматический интерес, реалистичная политика (*Realpolitik*) не могли быть иными, чем только курс на максимальное оттягивание сроков неминуемого столкновения с Германией.

Л.Я. Гибианский прав, утверждая, что сфера дипломатической активности СССР в Европе к середине 1940 г. сузилась до пределов Балканского полуострова, а также в том, что как этому положению, так и быстрому успеху Германии в регионе в решающей мере способствовала враждебность СССР и Англии. Не совсем точно, однако, что она была "обусловлена советской политикой", ибо враждебность была взаимной. Маргинализация советской внешней политики началась раньше, а ее очевидным провалом явился уже 2-й Венский арбитраж. Отчетливым рубежом неспособности СССР играть роль великой державы на Балканах стал визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., и никакое дипломатическое искусство в этих условиях не могло изменить ситуацию. СССР нечего было предложить Балканам, поскольку он не мог позволить себе риск конфронтации со своим формальным союзником. Жаль, что не поставлен элементарный вопрос – какой смысл мог бы иметь военный союз с Югославией весной 1941 г.? Буффонада? Провокация? Скорее последнее. В этой связи сомнительной представляется и "новая ориентация" советской политики – "новое издание" Балканского союза при "опоре на англичан", абсолютно несоемestimая с "оглядкой на Берлин".

Член-корр. РАН *В.К. Волков* (ИСл РАН) выразил полное согласие с основным тезисом сообщения Л.Я. Гибианского: советская внешняя политика потерпела в 1941 г. полное поражение на Балканах. После нападения Италии на Грецию осенью 1940 г. этот регион оказался на авансцене мировой политики, представляя в последующие полгода поле активного противоборства всех трех главных действующих сторон – Германии, Великобритании и СССР.

Каждый из участников этого треугольника думал о конечных результатах и о дальних стратегических целях. Наверное, бóльшим реалистом в данном случае был Гитлер, хотя он и заблуждался в оценке сил СССР. Тем более, что борьба велась не между Берлином и Москвой, а в рамках всего треугольника. Сталин исходил из следующего предположения: если Гитлер хочет выиграть войну, он должен принимать во внимание интересы Советского Союза и идти на сотрудничество с ним. Гитлер же рассуждал иначе и не собирался считаться с СССР, сделав ставку на широкомасштабную подготовку его разгрома. Оценивая советскую политику, необходимо констатировать, что она исходила из ложных посылок, руководствуясь тем, чем сейчас руководствуются многие историки при ее оценке, а именно – логикой.

Далее Волков постарался ответить на вопрос, что мог предпринять Кремль весной 1941 г. на Балканах, когда в течение нескольких недель на территорию Румынии было переброшено около 700 тыс. солдат и офицеров вермахта. В этой ситуации какие-либо дипломатические шаги были бессмысленны. После того, как германские войска

появились и на территории Болгарии, судьба Греции была предрешена, положение Турции оказалось в зависимости от третьего рейха, а Югославия была взята в клещи. Почему все-таки Сталин пошел на заключение 5 апреля 1941 г. договора с Югославией? По мнению Волкова, кроме демонстрации в адрес Гитлера этот договор ничего не преследовал, будучи лишь очередной попыткой Москвы отстоять свои геополитические претензии.

С.З. Случ высказал сомнения относительно оценки политики Германии на Балканах в 1941 г. исключительно через призму достигнутых успехов. С началом итальянской кампании против Греции в конце октября 1940 г. в этом регионе для Берлина возникли проблемы. Неудачи Муссолини вынудили Гитлера, заинтересованного в том, чтобы на Балканах в то время было все спокойно, утвердить директиву по плану "Марита" (военные действия против Греции), для успешного осуществления которого ему было необходимо присоединение Болгарии и Югославии к Тройственному пакту. С Болгарией уже к началу весны 1941 г. все завершилось благоприятно для третьего рейха. Однако государственный переворот в Югославии, приведший к власти силы, не желавшие столь однозначной ориентации на Германию, означал определенное поражение Гитлера и его политики по расширению фашистского блока за счет балканских стран. Надежда Берлина на достижение соглашения с Белградом исчезла. Гитлер принял решение о проведении военной кампании против Югославии не потому, что он стремился к установлению *в то время* своего господства на Балканах, а потому что он был *вынужден* к нему необходимостью создания благоприятных предпосылок для осуществления плана "Барбаросса". Однако стремление нацистского руководства после достижения военной победы над Югославией к ее эффективному экономическому использованию было поставлено под сомнение уже в первые месяцы, прежде всего в силу невозможности при разделе страны хотя бы смягчить национальные проблемы. Напротив, последние получили беспрецедентное обострение, носившее черты "религиозных войн", особенно между хорватами и сербами. С началом же организованной партизанской войны стало очевидно, что в этой части Балкан не удалось создать столь необходимого Гитлеру стабильного положения. Поэтому события конца марта 1941 г. и последовавшую за ними операцию вермахта против Югославии вряд ли можно рассматривать только под углом зрения успехов третьего рейха. Целый ряд факторов позволяет рассматривать этот успех только в ограниченных масштабах.

В заключительном слове Л.Я. Гибианский остановился на главном вопросе, возникшем в ходе дискуссии: расчеты Сталина по поводу перспектив отношений с Германией и изменения советской внешней политики после утраты позиций на Балканах. Несмотря на то, что данная проблема не являлась предметом его анализа, Гибианский высказал несколько соображений методологического характера. При отсутствии многих важных документов советского руководства интерпретация тогдашней политики СССР во многом зависит от того, с каких общих позиций подходить к изучению действий Кремля на международной арене. Если исходить из точки зрения, присущей ряду авторов, о якобы имевших место сталинских замыслах нанесения превентивного удара по Германии, то все может предстать в совсем ином свете, чем если исходить из предположения, что Сталин рассчитывал на возможный дальнейший торг и заключение нового партнерского компромисса с Германией. И наконец, если разделять широко распространенную точку зрения, согласно которой он просто тянул время, чтобы лучше подготовиться к войне, то и интерпретация событий будет совсем другой. Пока исследователи не располагают соответствующими документами, любое толкование мотивов тех или иных действий Сталина может быть только на уровне в большей или меньшей степени обоснованных предположений.

Хотя Т.М. Исламов прав, подчеркивая, сколь лимитировались внешнеполитические возможности Кремля недостаточной готовностью к войне, в огромной мере влияя на сталинскую позицию, этот фактор не был единственным, ее определяющим. Если говорить о Балканах, вовсе не он обусловил продолжавшуюся там до конца марта

1941 г. антибританскую политику Москвы. Для оттягивания нападения на СССР Сталин должен был быть заинтересован в максимальном, желательном военном вмешательстве Англии на Балканах, в возникновении там очага войны, который бы отвлек Гитлера как можно дольше. Антибританская линия Сталина диктовалась тем, что наряду с несомненным прагматизмом ему был присущ и значительный догматизм, включая достаточно идеологизированный взгляд по ряду международных проблем. В том числе он слишком долго не мог оценить той крупной перемены внешнеполитического курса Великобритании, которая ознаменовалась приходом У. Черчилля к руководству страной. И здесь приходится возразить Исламову, утверждавшему, будто между СССР и Англией "враждебность была взаимной". По крайней мере, с лета 1940 г. британская позиция стала иной. По поводу же сомнения Исламова, имел ли место после 27 марта радикальный поворот советской политики в пользу военного соглашения Югославии с Англией, Гибианский сослался на беседу заместителя нарком иностранных дел А.Я. Вышинского с Симичем 5 апреля, которая вряд ли оставляет на этот счет какие-либо сомнения [13. Кн. 2. Док. 751. С. 531–532].

В связи с утверждением Б.В. Соколова, будто есть противоречие между желанием правительства Симовича заключить с СССР военно-политический пакт и отношением этого правительства к Советскому Союзу как к партнеру Германии, Гибианский высказал мнение, что никакого противоречия нет. Белград полагал, что, с одной стороны, СССР как явный соперник Германии на Балканах будет содействовать укреплению позиции Югославии перед лицом нацистской угрозы, а с другой – ввиду альянса между Москвой и Берлином Германии будет труднее напасть на Югославию, если та станет союзником СССР.

Что же касается замечания Соколова, будто поставки вооружения в Югославию были невозможны, то оно не верно. Во-первых, имелся дунайский путь, где все еще соблюдался международный режим. И югославы были готовы воспользоваться им даже в феврале 1941 г. Во-вторых, был воздушный путь, который югославы хотели использовать для перегона самолетов из СССР. В-третьих, существовал морской путь к югославской свободной экономической зоне в Салониках. Немцы тогда не контролировали ни проливы, ни восточное Средиземноморье и были не в состоянии противодействовать британским военно-морским силам в этом регионе.

От составителя. Заключив 23 августа 1939 г. с Германией пакт о ненападении, советское руководство полагало, что обеспечило себе определенную свободу политического маневра в Европе. В действительности же оно было жестко ограничено этим соглашением, хотя благодаря ему границы Советского Союза в 1939–1940 гг. существенно расширились. Не случайно в инструкциях Молотову на переговоры в Берлине в ноябре 1940 г. была сформулирована задача добиваться, чтобы в рамках *нового разграничения* сфер интересов, СССР мог получить прежде всего Болгарию, с предоставлением ей гарантий Москвы и вводом туда советских войск [13. Кн. 2. Док. 491. С. 31]. Как известно, из этого ничего не получилось. В отличие от двух визитов Риббентропа в Москву пребывание Молотова в Берлине окончилось безрезультатно, поскольку было инициировано германской стороной вовсе не для того, чтобы вести переговоры или сближать позиции (по дипломатической линии никакая предварительная работа визиту не предшествовала), а прежде всего в дезинформационных целях. Так что апелляции Молотова в беседах с Шуленбургом относительно принадлежности Болгарии "к зоне безопасности СССР" [13. Кн. 2. Док. 654. С. 344; Док. 699. С. 435] оставались для Берлина пустым звуком. До бесед Молотова в Берлине в Кремле еще могла сохраняться известная иллюзия свободы действий СССР на международной арене, хотя при этом приходилось все больше учитывать реакцию третьего рейха, что означало ограничение возможности обеспечивать интересы страны рамками не имеющих исторической перспективы конъюнктурных отношений с государствами – участниками Тройственного пакта. Но после предрешированного фиаско берлинских "переговоров" паралич несанкционированной рейхсканцелярией советской внешней политики стал очевидным фактом. Поэтому маргинализация внешней политики СССР – это результат не неудачи того или иного конкретного действия Москвы на международной арене, а длительный процесс, начало которому было положено советско-германскими соглашениями августа–сентября 1939 г. и всей последующей линией Кремля на поддержку агрессивной политики третьего рейха. Попытка повести весной 1941 г. свою "игру" на Балканах, вне зависимости от того, кто стоял за переворотом в Белграде, была запоздалой

и ограниченной. Не произведя никакого впечатления на Берлин и не оказав влияния на развитие событий, она больше всего напугала самих ее инициаторов, явно опасавшихся, что не удастся сохранить дружбу с немцами "при любых обстоятельствах" [9. Bd. XII. 2. Dok. 333. S. 448].

С сообщением "Советская внешняя политика и пропаганда (май–июнь 1941 г.)" выступил д-р ист. наук В.А. Невежин (Институт российской истории РАН). При изучении проблем внешней и внутренней политики СССР первой половины 1941 г. остается актуальной необходимость прояснения позиции советского руководства по магистральным направлениям взаимоотношений с Германией. Требуется большая ясность в понимании оценок Сталиным и его ближайшим окружением перспектив вооруженного столкновения с немцами. Наконец, еще не до конца определена степень важности внешней политики и пропаганды как необходимых составляющих в процессе принятия сталинским руководством ключевых решений по обеспечению национально-государственных интересов СССР.

Российская историография подключилась к обсуждению проблем, связанных с генезисом советско-германской войны, только в 1990-е годы. В период холодной войны в советской историографии присутствовала официально-охранительная точка зрения на характер внешней политики СССР накануне войны с Германией. Архивные материалы оставались преимущественно недоступными для исследователей. В подобной обстановке историки писали исключительно о правильности внешнеполитического курса большевистской партии, об исконном миролюбии советского государства. Отсюда и трактовка чуть ли не всех внешнеполитических акций советского руководства в 1939–1941 гг. как направленных на оттягивание войны с Германией. В период "оттепели" в советской историографии появилась кратковременная возможность критики лично Сталина, как основного виновника всех неудач во внешней политике, которые привели к катастрофическому для СССР началу войны с Германией. Новые возможности в изучении предвоенного периода советской истории, поначалу весьма скромные, открылись только на этапе "перестройки". В области изучения внешней политики СССР они носили особенно робкий и непоследовательный характер. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х годов тезис о стремлении Сталина любыми путями, в том числе и с помощью внешней политики, оттянуть войну причудливо сочетался с прямыми обвинениями в адрес советского вождя за его попытки умиротворить Гитлера весной–летом 1941 г.

Существует общепринятая типология стратегий поведения сторон, вовлеченных в кризис. И в этой типологии термин "умиротворение" обозначает: уступки без активного сопротивления потенциальному противнику. Но такая типология неприменима, когда известно, что хотя бы одна из сторон готовилась к войне. Гитлер вел дело к тому, чтобы кризис перерос в войну. Сталин и сам готовился к войне. Поэтому термин "умиротворение" применительно к действиям Сталина в отношении Гитлера явно неудачен, он не способствует глубокому пониманию ни советско-германских отношений в 1940–1941 гг., ни внешней политики СССР этого периода в целом.

В середине 1990-х годов в российской историографии развернулась дискуссия о намерениях и планах советского руководства в 1939–1941 гг. В ходе ее обсуждались среди прочих и внешнеполитические и пропагандистские аспекты подготовки СССР к большой войне. Одним из итогов дискуссии явилась предпринятая М.И. Мельтюховым попытка критического переосмысления тезиса об использовании Сталиным внешнеполитического инструментария для оттягивания войны с Германией. По его мнению, поскольку решение о нападении на СССР Гитлер принимал единолично, то объективно Сталин никак не мог повлиять на окончательный выбор фюрера. Мельтюхов также выдвинул гипотезу, согласно которой Сталин первым готовился начать войну против Германии [14. С. 334].

Одновременно в ходе развернувшейся дискуссии шло обсуждение выдвинутой М.И. Мельтюховым и В.А. Невежиным концепции о развертывании советской пропаганды в мае–июне 1941 г. политико-идеологической кампании под лозунгом

наступательной войны. Суть ее состоит в том, что после выступления Сталина 5 мая 1941 г. в Кремле перед выпускниками военных академий, в котором он призывал готовиться к большой войне, перейти от обороны к политике наступательных действий, перестроить пропаганду и агитацию в наступательном духе и т.д., началось изменение курса всей советской пропаганды. Изучение ранее не доступных архивных документов, мемуаров, материалов периодической печати, художественной литературы того периода позволило утвердиться во мнении, что в советской пропаганде мая-июня 1941 г. уже преобладали наступательные настроения. Они отчетливо прослеживаются в проектах директивных политико-идеологических документов, подготовленных Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПА) и Главным управлением политической пропаганды РККА (ГУППКА), а также в стенограммах выступлений сталинских соратников – А.А. Жданова, А.С. Щербакова, М.И. Калинина. Эти факты приобрели еще больший вес в связи с полемикой, которая развернулась вокруг опубликованного в начале 1990-х годов документа – "Соображений" Генерального штаба РККА от 15 мая 1941 г. "по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками" [15. Кн. 2. Док. 473. С. 215–220], где содержалась идея нанесения упреждающего удара Красной Армии по вермахту. Подобный нетрадиционный взгляд на события кануна войны вызвал резко отрицательную реакцию сторонников устоявшейся точки зрения. К сожалению, в ходе развернувшейся полемики, последними использовались методы, которые вряд ли можно назвать научными: наклеивание политических ярлыков, причисление оппонентов к сторонникам небезызвестного В. Суворова и т.п.

Несмотря на существенное расширение источниковой базы за последнее десятилетие, пока не удастся достичь качественных сдвигов в понимании механизма принятия сталинским руководством важных внешнеполитических решений. Зачастую, оперируя одними и теми же архивными или опубликованными документами, исследователи, придерживающиеся различных точек зрения на события первой половины 1941 г., приходят к диаметрально противоположным выводам. В качестве примера можно упомянуть различные интерпретации содержания и целей Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. [13. Кн. 2. Док. 861. С. 734–735], содержащиеся в работах О.В. Вишлёва, Г. Городецкого, М.И. Мельтюхова, Б.В. Соколова.

Изолированное изучение внешнеполитических акций того или иного государства, особенно в кризисных ситуациях, накануне войны, скорее способно ввести в заблуждение относительно истинных намерений руководства, осуществлявшего их, не позволяет до конца понять механизм принятия политических решений. Заявления дипломатов редко отражают их собственный взгляд на проблему, а за их заверениями зачастую скрывается лишь обычная дипломатическая рутинка. Совсем иное дело – сфера пропаганды. Руководители пропагандистских структур в СССР, в отличие от дипломатов, не могли придерживаться различных точек зрения относительно поставленных перед ними задач. В интерпретации основной политической идеи, которая подлежала внедрению в общественное сознание, они должны были придерживаться и придерживались единой линии. И именно в мае-июне 1941 г. советская пропагандистская машина начала перестраиваться с целью внедрения в сознание населения настроений предстоящей наступательной войны.

Введенные за последние годы в научный оборот документы с большой полнотой отражают деятельность центрального идеологического аппарата накануне войны с Германией. В частности, они дают возможность не только смоделировать, но и составить представление о первых результатах развернувшейся в мае-июне пропагандистской кампании. Уже защищено несколько диссертаций о политико-идеологических кампаниях 1930–1940-х годов в СССР [16], в которых выявлена основная методика их развития.

Как правило, все начиналось с некоей отправной точки. В нашем случае – это выступление Сталина. За ним следуют разъясняющие наставления Жданова, Калинина, Щербакова перед руководителями средств массовой информации, кинематогра-

фистами (совещание 14–15 мая), армейскими политработниками (выступление Калинина в Военно-политической академии им. В.И. Ленина 5 июня). В основе всех этих выступлений лежат сталинские указания. На следующем этапе начинается работа над проектами директивных материалов в УПА и ГУППКА. Несколько проектов таких директив сохранилось в архивах. Они так и не были утверждены, так как нападение Германии кардинально изменило ситуацию. И это является важным аргументом тех историков, которые считают, что никакой пропагандистской кампании по подготовке населения СССР к наступательной войне не было вообще. При этом совершенно упускается из виду или игнорируется тот факт, что параллельно началась работа по усному доведению до личного состава Красной Армии, до всего населения через пропагандистов-агитаторов содержания еще не утвержденных директив. Это особенно заметно по армейским газетам военных округов, в которых по нарастающей идет разъяснение сущности нового пропагандистского поворота. Личный состав РККА, население страны совершенно адекватно реагировали на первые шаги по развертыванию пропагандистской кампании по подготовке к наступательной войне [15. Кн. 2. Док. 437. С. 158–162].

Некоторые авторы, критикуя нетрадиционный подход к оценке намерений советского руководства, явно пытаются принизить значимость выявленных, опубликованных и проанализированных политико-идеологических документов, относящихся к маю–июню 1941 г. При этом выдвигаются следующие аргументы. Во-первых, поворот в пропаганде совершался в тиши кабинетов, в бумаготворческой работе руководства УПА и ГУППКА. Во-вторых, кампанию возглавляли Жданов и Щербаков, т.е. важные фигуры в советском руководстве, но не первостепенные. И наконец, в-третьих, вся политика Сталина была нацелена на то, чтобы оттянуть вступление в войну и начать переговоры с Берлином, чего можно было бы достичь только демонстрируя миролюбие, не провоцируя Германию на конфликт.

А теперь обратимся к фактам. 4 мая 1941 г. было принято решение Политбюро, оформленное опросом в виде постановления пленума ЦК, согласно которому, в частности, Жданов и Щербаков получили чрезвычайные полномочия в сфере пропаганды и агитации в СССР. Это решение было направлено на усиление работы центральных и местных органов в создавшейся сложной международной обстановке.

В действиях Сталина исследователи обнаруживают не только попытки продемонстрировать миролюбие. Как известно, на приеме 5 мая Сталин пресек попытку со стороны одного из выступавших генералов акцентировать внимание на миролюбивой внешней политике СССР. В этот период в деятельности Сталина явно прослеживается стремление "поиграть мускулами". Стоит напомнить в этой связи его слова "пусть попробуют", прозвучавшие месяцем ранее, 5 апреля, в ответ на информацию югославского посланника Гавриловича о планах немцев осуществить нападение на СССР в мае 1941 г. Об отнюдь не миролюбивых настроениях Сталина свидетельствует и его речь 5 мая, выдержанная в антигерманском духе. Ее суть сводилась к тому, что Германия ведет агрессивную политику, и война СССР с ней неизбежна.

Известно также, что Сталин сам отредактировал и дополнил опровержение ТАСС от 9 мая, которое можно рассматривать как стремление продемонстрировать немцам советскую военную мощь. Обладая таким значительным комплексом документов, историки, тем не менее, все еще не в состоянии выявить главную парадигму в исследовании внешней политики Советского Союза в предвоенные месяцы – хотя бы на уровне комплексного анализа основных внешнеполитических акций Сталина: принятие на себя обязанностей председателя СНК СССР 4 мая; выступление перед выпускниками военных академий 5 мая; публикация в журнале "Большевик" письма Сталина членам Политбюро «О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма"», написанного еще в 1934 г. [17]; непосредственное участие Сталина в подготовке текста Опровержения ТАСС от 9 мая, а также, по всей видимости, и Сообщения ТАСС от 13 июня, о предыстории появления которого пока есть возможность судить только по мемуарам С.М. Буденного [18. С. 57–58].

В преддверии войны с Германией Сталин использовал различные политико-пропагандистские и дипломатические методы, но не они были для него главным. В случае любого развития событий Сталин надеялся, что мощная, современная, готовая к наступлению Красная Армия достойным образом встретится на полях сражений с вермахтом.

В.А. Невежин ответил на вопросы участников "круглого стола".

Вопрос: В какой мере пропагандистская кампания наступательной войны отражала конкретные внешнеполитические намерения и ближайшие внешнеполитические задачи советского руководства? В какой мере она была направлена вовнутрь, а в какой – вовне? Каковы были настроения в советском обществе накануне этой кампании?

В.А. Невежин: Весной 1941 г. еще действовали пакт о ненападении и договор о дружбе и границе с Германией. Поэтому с началом политико-пропагандистской кампании необходимо было по-прежнему демонстрировать приверженность этим соглашениям, не допуская утечки информации о ее развертывании, тем более в столь напряженный момент. Не случайно 40-минутная сталинская речь перед выпускниками военных академий была отражена в "Правде" лишь в виде краткой информации, из которой трудно было что-либо понять о содержании выступления. Сталин говорил тогда о неизбежности войны с Германией, но по официальным каналам данная информация не была сообщена.

Одновременно через ТАСС 9 мая публикуется опровержение распространявшихся зарубежными информационными службами утверждений о переброске СССР войск с Дальнего Востока к западным границам [13. Кн. 2. Док. 822. С. 663–664]. Однако, согласно сводкам НКВД о настроениях в частях Красной Армии, военнослужащие воспринимали Опровержение ТАСС от 9 мая с точностью до наоборот, высказывая в беседах мнение, что советские войска движутся в направлении к германской границе [14. С. 364–365].

Пропагандистская кампания под лозунгами наступательной войны, начатая в мае 1941 г., постепенно набирала обороты, о чем сохранились многочисленные архивные документы, но к 22 июня была еще далека от завершения. У большинства населения СССР преобладали мирные настроения, существовала надежда на то, что немцы не нарушат пакт о ненападении.

Спустя лишь неделю после нападения Германии на СССР, 29 июня, была принята директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, соответствующая обстановке, создавшейся на фронте. Она была "озвучена" в выступлении Сталина по радио 3 июля. Из этого следует, что *до нападения Германии советские пропагандистские органы к оборонительной войне не готовились*. Если бы в распоряжении советского руководства к 22 июня были заранее заготовленные документы, где разъяснялось бы, как вести пропаганду в случае нападения врага, то их бы немедленно пустили в дело. В то время как материалы, выработанные на основании указаний Сталина о пропагандистской подготовке к наступательной войне, после 22 июня 1941 г. оказались не нужны и были отправлены в архив.

Вопрос: Между содержанием выступления Сталина по поводу какого-то поворота в пропаганде и конкретным решением об этом повороте может быть существенная разница. Известны ли исследователям решения советского руководства о подобных поворотах?

В.А. Невежин: Проекты директивных материалов УПА и ГУППКА содержат формулировки, прямо "заимствованные" из выступления Сталина 5 мая. Проект ключевой директивы ЦК ВКП(б) требовал согласования со Сталиным, но был передан ему лишь 20 июня.

Вопрос: Известно, что к Сталину приходили многочисленные сообщения о возможном нападении, даже с указанием конкретных дат. Имели ли место какие-либо обсуждения у Сталина этих вопросов или поступавшая информация оседала только в его голове?

В.А. Невежин: Чем больше будет известно документальных свидетельств, подтверждающих, что предупреждения об угрозе нападения Германии на СССР стекались к Сталину по разным каналам, тем меньше вероятность того, что он действительно смог ознакомиться со всеми из них, принимая во внимание объем поступавшей к нему информации, причем не только разведывательной². Что касается пропагандистской сферы, то из текстов упомянутых проектов директивных материалов следует, что разведанные в какой-то степени были известны руководству УПА. К сожалению, в распоряжении исследователей нет достоверных сведений о том, исходя из каких разведанных Сталин принимал решения о мерах по подготовке к войне.

Вопрос: В книге Ю.Н. Жукова [20] много говорится о борьбе в высшем руководстве за власть, влияние и т.п. Если эта борьба имела место, то влияла ли она на формирование пропагандистских установок?

В.А. Невежин: Можно привести следующий конкретный пример подобного противостояния, имевшего место во взаимоотношениях между Ждановым и Маленковым. Во время обсуждения на Главном военном совете проекта директивы ГУППКА "Очередные задачи партийно-политической работы в Красной Армии" (4 июня 1941 г.) в ответ на высказывание Жданова о том, что СССР уже вступил "на путь наступательной политики", Маленков тут же заметил: "Документ примитивно составлен, как будто бы мы завтра будем воевать" [21. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 20. Л. 84–86]. Складывается впечатление, что Жданов на заседании Главного военного совета давал четкие указания о перестройке пропаганды в полном соответствии с тезисом Сталина о необходимости переходить "от обороны к военной политике наступательных действий", в то время как Маленков выступал в роли его оппонента. Объяснение этому следует искать в том, что каждый из них обладал исчерпывающей информацией, но в "своей ячейке". Можно предположить, что Маленков не имел доступа к тем сведениям, которыми уже обладал Жданов после того как 4 мая решением Политбюро был назначен заместителем Сталина по Секретариату ЦК ВКП(б).

В дискуссии по сообщению В.А. Невежина д-р ист. наук А.С. Орлов (Институт военной истории МО) отметил, что в каждом государстве всегда реализуются две политики: политика декларативная, рассчитанная на "внутреннее потребление", и политика реальная, которая тщательно скрывается. Что касается "наступательной" пропаганды, то она велась и в 1938, и в 1939, и в 1940, и в 1941 гг., причем варьировалась в зависимости от ситуации: сначала говорили – "малой кровью, могучим ударом", затем несколько сбавили тон – "чужой земли нам не нужно, но и ни пяди своей не отдадим". С одной стороны, советская декларативная политика того времени ориентировалась на то, чтобы "поиграть мускулами", показать внешнему миру – лучше нас не трогайте, живите с нами в мире; этой же цели служат и военные игры, сборы 800 тыс. резервистов, выдвижение к западным границам четырех армий, хотя они фактически лешком шли с Кавказа, и ряд других мер, которые должны продемонстрировать Гитлеру, что нападение на СССР будет чревато серьезными последствиями.

С другой стороны, реальная политика свидетельствует совсем о другом, и прежде всего о страхе Сталина и его окружения. Его выражением стало и известное поведение Сталина во время проводов министра иностранных дел Японии Й. Мацуока 13 апреля 1941 г., об этом говорит и Сообщение ТАСС от 13 июня и т.д. В частности, в не публиковавшейся до недавнего времени части мемуаров маршала Г.К. Жукова упоминается следующий эпизод. За несколько дней до 22 июня 1941 г. С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков стали настаивать на проведении оперативно-стратегических ме-

² А.И. Микоян упоминает факт обсуждения донесений разведки, поступивших через посла в Берлине В.Г. Деканозова: «Помнится одно такое донесение мы обсуждали в Политбюро. Сталин говорил, что Деканозову английские агенты подбрасывают дезинформацию, чтобы запутать нас, а Деканозов "не такой уж умный человек, чтобы разобраться в этом"» [19. С. 377] – *Сост.*

роприятий на случай возникновения войны. На это Сталин резко возразил: "Вы что, толкаете нас на провокацию войны", и далее – "сейчас главное – это не спровоцировать военных столкновений, обстановка накалилась, надо быть осторожным" [15. Кн. 2. Док. 655. С. 501–502]. Эти слова, возможно, больше, чем что-либо иное выдавали страх Сталина, наложивший отпечаток на всю его политику подготовки страны к войне.

По мнению *Л.Я. Гибянского*, сообщение *В.А. Невежина* опирается на важные архивные источники о соответствующих директивах и на материалы совещаний, на которых была взята на вооружение пропаганда наступательной войны. Однако встает вопрос, в каком соотношении находились предшествующая сугубо внутренняя пропаганда, в том числе пропаганда в войсках, и то, что называют новой линией в пропаганде, начало которой было положено в мае–июне 1941 г.? Насколько эта линия была новой и в чем именно? Ответа *Невежин* не дал.

Как полагает *Гибянский*, за полемикой вокруг новых акцентов в пропаганде на самом деле скрывается более важная проблема: готовил СССР весной 1941 г. превентивный удар или нет? И это мешает разобраться в вопросе о реальном характере изменений в пропаганде, как бы разводя всех участников дискуссии на сторонников или противников тезиса о "превентивной войне". Пропаганда наступательной войны находилась в мае–июне 1941 г. еще на самом начальном этапе, широкие круги населения еще не были ею охвачены, можно только предполагать, как она развивалась бы дальше, не случись нападения на СССР. С другой стороны, известно, что Берлин на протяжении многих месяцев вел в отношении СССР большую дезинформационную игру. А не может ли быть, что советское руководство также решило вести пропагандистско-камуфляжную игру в условиях тяжелого международного положения, которое сложилось для СССР весной 1941 г.?

Представляется важным попытаться ответить на вопрос, чем руководствовался Сталин, высказываясь перед выпускниками военных академий 5 мая. Будучи крайне подозрительным и мнительным политиком, он должен был отдавать себе отчет в том, что сказанное им в этот день в Кремле не останется только информацией для присутствующих. Тогда, возможно, его выступление преследовало и какие-то иные цели?

Как считает *Б.В. Соколов*, пропагандистская кампания наступательной войны находилась в мае–июне 1941 г. на подготовительной стадии. Однако, если бы планировалось нападение на Германию, то она могла бы начаться буквально накануне. Судя по письмам и дневникам немецких солдат, им только 21 июня объяснили, что на следующий день начнется война с большевистской Россией. По мнению *Соколова*, развертывание советской пропаганды вряд ли бы шло по иному сценарию.

В.К. Волков высказал несогласие с некоторыми положениями сообщения *В.А. Невежина*. Совершенно неверно, что отечественная историография приступила к изучению генезиса германского нападения на Советский Союз только в 1990-е годы, поскольку этой проблемой научная мысль в СССР занималась все время после окончания войны, более того, это являлось одним из генеральных направлений в советской историографии. Другое дело, что в 90-е годы XX в. нас подключили к этому делу со стороны, а именно: появление так называемого *В. Суворова* – это, по мнению *Волкова*, просто поздняя отрыжка информационно-психологической войны против Советского Союза. Фактически российским историкам эту дискуссию навязали. Конечно, может быть, ее использовали и конструктивно, но какая-то часть участников поддалась на эту уловку.

Вызывает возражение и утверждение, что речь Сталина 5 мая была выдержана в антигерманском духе. Эту речь подверг тщательному анализу немецкий историк *Б. Бонвеч* [22. С. 150–152], который пришел к выводу, что по своему содержанию она совершенно не была антигерманской, а скорее носила характер официального правительственного заявления. Как теперь стало известно, решение о назначении Сталина председателем Совнаркома состоялось уже накануне. *Волков* выразил также несог-

ласие с тезисом Невежина о якобы отсутствии политики умиротворения Германии со стороны СССР.

С.З. Случ сопоставил установки в сфере пропаганды в СССР и третьем рейхе. Выступая на закрытом совещании перед представителями прессы 10 ноября 1938 г., Гитлер заявил: "Обстоятельства вынуждали меня десятки лет говорить почти только о мире. Очевидно, что эта многолетняя мирная пропаганда имеет свои теневые стороны, ибо она может легко привести к тому, что в умах многих людей наш режим будет ассоциироваться с решимостью и волей сохранять мир при всех обстоятельствах" [23. Док. 125. С. 159]. Действительно, начиная с ноября 1938 г. национал-социалистическая пропаганда постепенно начинает менять акценты, исходя из установки, что не все внешнеполитические цели могут быть достигнуты без применения силы, без войны. А теперь приведем выдержку из директивы начальника ГУППКА Щербакова, относящейся к началу июня 1941 г.: "Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с пацифизмом, со стремлением к достижению мира во что бы то ни стало"; "...ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма" [15. Кн. 2. Док. 512. С. 301, 302]. Сравнивая эти указания с тем, что говорил Гитлер в ноябре 1938 г., правомерно предположить, что они также были рассчитаны на некоторую перспективу, на то, чтобы заблаговременно подготовить население СССР к мысли о неизбежности крупномасштабной войны.

Что касается вопроса о советской политике умиротворения Германии, то ее последовательное осуществление в самых различных сферах – экономической (резкое увеличение поставок сырья и продовольствия весной 1941 г.), политико-дипломатической (постоянное стремление втянуть Берлин в диалог по тем или иным вопросам, полный разрыв отношений со странами, подвергшимися германской оккупации, и одновременно установление дипломатических отношений с сателлитами третьего рейха), военной (допущение многочисленных нарушений воздушного пространства СССР, не приведение в состояние повышенной боевой готовности западных военных округов и т.д.), не говоря уже о принятых за неделю до нападения Германии решениях Политбюро о переводе немецким фирмам в качестве предоплаты более 1 млн. долларов [15. Кн. 2. Док. 553. С. 364], вряд ли допускает двойственное толкование.

В заключительном слове В.А. Невежин отметил, что вопрос об использовании пропаганды в дезинформационных целях представляет несомненный интерес. Бесспорно, что как советская, так и германская стороны накануне 22 июня 1941 г. стремились не упустить такую возможность. При этом, с одной стороны, слова Сталина о необходимости перестройки советской пропаганды в наступательном духе, прозвучавшие 5 мая, нельзя рассматривать как дезинформацию. Это, несомненно, директивное выступление было, в частности, обращено к руководству УПА и ГУППКА. Последние должны были сделать соответствующие выводы и начать работу по перестройке пропаганды. Но, с другой стороны, через корреспондента германского информационного агентства (ДНБ) в Москве Э. Шюле по указанию Сталина прошла "откорректированная", а по существу, искаженная версия его выступления 5 мая. Таким образом, была пущена в ход предназначенная для внешнего мира (в первую очередь для Берлина) информация, точнее, дезинформация об этом событии.

От составителя. Раскрытие затронутой В.А. Невежиным темы в конкретно-историческом плане предполагает анализ целей и действий СССР на международной арене и их преломления в деятельности пропагандистской машины внутри страны, исходя из поставленных высшим политическим руководством задач. Очевидно, что это совершенно разные формы деятельности, хотя они и тесно связаны друг с другом. Политика государства на международной арене обусловлена и ограничена целым набором факторов – как внутренних, так и внешних. Применительно к ситуации, в которой находился СССР весной 1941 г., его внешнеполитическая маневренность была сведена к минимуму, что в очередной раз продемонстрировали события на Балканах. Утверждение Невежина, что изолированное изучение внешнеполитических акций

того или иного государства, особенно в кризисных ситуациях, накануне войны, скорее способно ввести в заблуждение относительно истинных намерений руководства, осуществлявшего их, не подкрепленное никакими фактами, остается декларативным, но отнюдь не нейтральным. Избирательное изучение тех или иных внешнеполитических процессов, конечно, всегда малопродуктивно. Их следует изучать комплексно, с учетом предшествующих действий СССР и его возможностей, в контексте динамичной международной обстановки и, разумеется, исходя из внутривнутриполитического развития (характера политического режима, состояния вооруженных сил и экономики страны, а также общественных настроений). Однако для лучшего понимания механизма принятия решений в Кремле предлагается нечто совсем иное: сосредоточиться на деятельности центрального идеологического аппарата накануне войны с Германией, который, по мнению Невежина, был наиболее адекватным интерпретатором основной политической идеи, подлежащей внедрению в общественное сознание. Подобный подход неизбежно ведет к абсолютизации деятельности пропагандистского аппарата, выполнявшего хотя и важные функции по обслуживанию тоталитарного режима, но представлявшего лишь одну из сторон его деятельности. Не говоря уже о том, что в общественное сознание внедрялись идеи, вовсе не обязательно отражавшие конкретные замыслы Сталина, которыми он, как известно, не всегда делился даже с членами Политбюро.

Представляется отнюдь не случайным вывод Невежина о ненаучном характере использования термина "умиротворения" применительно к действиям Сталина в отношении Гитлера на протяжении первой половины 1941 г. В течение десятилетий политика умиротворения, или *appeasement-policy*, ассоциировалась в историографии с политикой западных держав, прежде всего Великобритании, в 1930-е годы в отношении держав фашистского блока, готовящихся к войне [24]. Только с начала 1990-х годов, когда приоткрылись российские архивы, в историографии, преимущественно западной, понятие "умиротворение" стало применяться и для характеристики советской внешней политики первой половины 1941 г. в отношении третьего рейха [25]. В российской историографии В.К. Волков в самом начале 1990-х годов ввел в употребление понятие "умиротворение агрессора" применительно к сталинской внешней политике с середины апреля до 22 июня 1941 г. [26. С. 14–16], но оно получило весьма ограниченное распространение. И хотя в основе британской и советской политики умиротворения нацистской Германии лежала различная мотивация, да и положение этих держав на международной арене в период ее осуществления было не сопоставимо, но и в том, и другом случаях к их действиям вполне применима характеристика умиротворения как стремления к сохранению мира если и не любой ценой, то путем весьма значительных уступок, благоприятствующих агрессору, даже принесения в жертву собственных принципов [27. С. 451]. Приведенные в ходе дискуссии примеры политического оппортунизма сталинского руководства на международной арене в первой половине 1941 г. вряд ли оставляют сомнения в том, что советская политика вполне заслуживает этого наименования. Фактически выведя советско-германские отношения последних предвоенных месяцев из своего анализа, искусственно ограничив возможность использования самого понятия "политика умиротворения" для характеристики этой важнейшей стороны внешнеполитической деятельности Кремля, Невежин не дал ответа на вопрос о том, в какой корреляции находились советская внешняя политика и пропаганда накануне войны, а тем самым и о том, что в действительности скрывалось за директивами о разворачивании пропагандистской кампании наступательной войны.

С сообщением "Вермахт и Красная Армия в 1941 году: сравнительный анализ" выступил д-р ист. наук А.С. Орлов (Институт военной истории МО). С начала нападения Германии на СССР взоры советского народа обратились к Красной Армии. Полагали, что она разгромит и отбросит агрессора в короткие сроки, но произошло совершенно противоположное. Как же могло случиться, что РККА, воспитанная в духе бдительности, длительное время готовившаяся к войне, была захвачена врасплох и не могла сдержать первоначальный натиск вермахта? На этот вопрос наша историография в разное время отвечала по-разному.

Советская военно-историческая литература объясняла поражение Красной Армии летом 1941 г. преимущественно немцев в численности войск, в военной технике, вероломным нарушением договора о ненападении, военно-техническим превосходством Германии. Однако в последние годы выяснилось, что танков и самолетов у нас было намного больше, чем у немцев, что РККА не намного уступала вермахту и по количеству войск, и по качеству вооружений. Однако Сталин не привел войска западных

округов в полную боеготовность, и это сыграло роковую роль. Появились и тракторы, согласно которым СССР сам готовил нападение на Германию, но Гитлер, узнав об этом, опередил Сталина. Но насколько все это соответствует действительности? Целесообразно не ограничиваться только военно-политическими оценками, а провести сравнительный анализ состояния Красной Армии и вермахта к лету 1941 г.

Что представлял собой вермахт в 1941 г.? Это – 7,3 млн. человек, 71,5 тыс. орудий и минометов, 5 700 боевых самолетов, 5 600 танков (в 1941 г. до 50% танковых войск составляли средние танки Т-III и Т-IV) [28. С. 80, 47]. Их тактико-технические данные были не хуже, чем у многих советских, и уступали только самым последним типам – Т-34 и КВ, которых было не так много. Немецкие самолеты в основном были лучше советских, превосходя их в скорости и в дальности полета.

Важнейшим фактором являлась боевая подготовка вермахта. В армии резерва боевая подготовка велась два месяца, в действующей армии – три, т.е. солдат вермахта был полностью подготовлен к действиям во фронтовой обстановке. Регулярно проводились командно-штабные учения. Цель – развитие оперативного мышления немецкого офицера. Отрабатывалось также боевое взаимодействие всех видов вооруженных сил, охранение флангов, умение владеть любым оружием, навыки управления частью или соединением. Были созданы и не менялись с 1939 г. оперативные штабы. Бесперебойно работала связь, в которой упор делался на радио, поскольку готовились к маневренной войне. Это позволило эффективно управлять танковыми войсками, моторизованными соединениями, обеспечить согласованное использование танков и авиации. В ходе кампаний в Польше, Франции и на Балканах было отработано взаимодействие между пехотой и танками, наземными войсками и авиацией, армией и флотом, фронтом и тылом. Велика была и роль морально-психологической подготовки. Победоносный опыт двухлетней войны внушал офицерам и солдатам ощущение непобедимости.

При подготовке нападения на Советский Союз количество танковых дивизий было увеличено с 10 до 21, моторизованных – с 6 до 18. Кадровые офицеры после мобилизации составляли 50% в танковых войсках и авиации, 35% – в пехоте [28. С. 49]. Костяком вермахта являлись военнослужащие, имевшие боевой опыт. Поскольку было известно, что на вооружении РККА находится много танков, большое внимание уделялось противотанковой артиллерии, причем особенно 50 мм орудиям, а также 28 мм противотанковым ружьям, количество которых увеличилось за два года в 20 раз [28. С. 47]. Главным же фактором, позволившим немцам осуществить свой маневренный удар в 1941 г., была моторизация вермахта, располагавшего 500 тыс. автомобилей, а кроме того 300 тыс. лошадей и повозок [28. С. 101]. Большая работа проводилась и по подготовке необходимой инфраструктуры. Все железные дороги были переведены на двухпутную колею. Склады с горючим размещались таким образом, чтобы танковые и моторизованные соединения были обеспечены горючим на 700–800 км марша. Танковые дивизии получали по три комплекта боеприпасов, пехотные – по два. Для войны против СССР Германией и ее союзниками было сосредоточено: 5 млн. человек, 4,4 тыс. танков, 4,3 тыс. самолетов, 47,2 тыс. орудий, 246 кораблей [28. С. 113].

В то же время в подготовке вермахта к войне против СССР присутствовали и серьезные недостатки. Самый главный из них был связан с ориентацией всей германской стратегии на блицкриг, на маневренную войну и первоначальный сокрушающий удар. Имело место и пренебрежение к будущему противнику: немцы плохо изучали возможности Советского Союза.

Сопоставим все это с тем, чем располагал СССР к июню 1941 г. Пятимиллионной немецкой армии вторжения противостояли советские войска, насчитывавшие около трех миллионов человек. Хотя группировка советских западных округов превосходила противника в танках 3 к 1, в самолетах 1,5 к 1, но из 11 тыс. танков, которые имелись на их вооружении, только 3,8 тыс. были боеготовы [29. С. 83]. Из 29 мехкорпусов, которые должны были быть сформированными, укомплектован только

один [28. С. 83]. Танков новых типов было 10–12%, а устаревшие типы, уже исчерпавшие свой моторесурс, требовали ремонта, но ремонтная база составляла всего 10% от потребности [29. С. 83]. Почему так произошло? Значительная часть заводов перешла на производство новых танков, и одновременно было прекращено производство запчастей к старым. Перевооружение армии этими танками должно было завершиться после выполнения третьей пятилетки, т.е. к концу 1942 г.

Схожим было положение и в авиации. Из 9 тыс. самолетов, находившихся в западных округах, 1 200 не имели летных экипажей, а 13% были неисправны. Новых типов самолетов (Ил-2, МИГ-3, ЛАГГ-3, Як-1) насчитывалось около 1,5 тыс., но для них имелось только 208 подготовленных экипажей. Кроме того, первая тысяча Як-1, поступившая в войска, не имела радио. Таким образом, количественный перевес по отдельным видам вооружений отнюдь не обеспечивал качественного превосходства. Красная Армия значительно уступала в моторизации: у нас было 270 тыс. автомобилей, у немцев – более чем двукратное превосходство [29. С. 83]. К тому же наши грузовики ни в какое сравнение не шли с немецкими и другими лучшими автомобилями со всей Европы, находившимися в распоряжении вермахта. Велик был некомплект командного состава в РККА (25% его не хватало в сухопутных войсках, 30% – в авиации), явившийся результатом репрессий и других причин. 73% командиров закончили только курсы младших лейтенантов, или были призваны из запаса [30. С. 6].

Тогдашнее состояние Красной Армии не являлось секретом для зарубежных наблюдателей. Вот что сообщал 16 июня 1941 г. американский военный атташе И. Итон: "В сравнении с высокомоторизованными, боеспособными, современными армиями боеспособность Красной Армии в настоящее время находится на относительно низком уровне" [28. С. 495]. О том же, но позднее писал фельдмаршал К. Маннергейм: "Полученный в финской войне опыт использовать на практике не успели, ибо те же недостатки руководства, тактики и организации, которые были свойственны Красной Армии в войне против нас, проявились на первых этапах советско-германской войны" [31. С. 320]. И не могли не проявиться. Ведь для того, чтобы встать вровень с вермахтом, недостаточно было иметь только больше танков и самолетов. Боевая подготовка Красной Армии находилась на низком уровне. 16 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков докладывали Сталину: "Обучение бойцов и командиров проходит оторвано от основной задачи. Огневая подготовка на низком уровне. Взаимодействие родов войск внутри мехсоединений отрабатывается плохо. Крупные недостатки в подготовке летчиков. Каждый день из-за расхлябанности гибнут 2–3 самолета. Только за первый квартал 1941 г. 71 катастрофа и 156 аварий, убито 141 человек, разбито 138 самолетов" [21. Ф. 16. Оп. 85. Д. 179. Л. 20–21].

Столь низкий уровень объяснялся рядом объективных и субъективных причин. В ходе подготовки к войне разворачивалось огромное количество новых частей, которые не могли быть укомплектованы необходимым количеством командного состава и специалистами самого разного уровня, знающими дело и имеющими боевой опыт людьми. Острый дефицит ощущался почти во всем: не хватало горючего, боеприпасов, тренажеров, последних было в наличии только 15% от потребности; механик-водитель становился таковым за 10–12 часов обучения; летчик, направляющийся в часть, имел не более 12 часов полетов, так как в приказах и наставлениях постоянно требовалось соблюдение строжайшего режима экономии во всем – моторесурсе, боеприпасах, горючем. Например, зенитные орудия тренировались на мишенях, предельная скорость движения которых была 250 км/час, а немецкие самолеты летали со скоростью, превышающей 500 км/час [28. С. 88].

Все это, конечно, не означает, что наша армия была небоеспособна. Она успешно могла воевать с Японией, Финляндией, наверное, неплохо бы воевала даже с Францией, т.е. с теми армиями, которые, как и советская, готовились к прошедшей войне. Советские военачальники не представляли себе характера той войны, которую им навязал вермахт. Вот, например, что говорил нарком обороны Тимошенко на совещании в декабре 1940 г.: "В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе,

пожалуй, не дает ничего нового" [32. С. 339]. А в действительности там все было новое. Огромные массы танков и авиации вступали в действие в первые часы войны, авиация и диверсанты нарушали управление. Задача была в кратчайшие сроки уничтожить вражескую армию, а не захватить территорию, как в Первую мировую войну. А оперативный план, разработанный в Генштабе РККА, предусматривал 10–15 суток на сосредоточение войск, а на некоторых направлениях до 30 суток. Таким образом, время, которое командование Красной Армии собиралось отвести на сосредоточение сил, противник изначально ему не предоставлял. Жуков после войны признавал: "Самым крупным пробелом в нашей военно-политической стратегии являлось то, что не было сделано надлежащих выводов из начального периода Второй мировой войны..." [15. С. 505]. Советские военачальники переоценили силы Красной Армии. На совещании высшего командного состава в январе 1941 г. начальник Генштаба К.А. Мерецков говорил: "При разработке устава мы исходили из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии. Во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую. В обороне же одна дивизия отразит удар 2–3 дивизий. В наступлении наши полторы дивизии прорвут оборону противника" (цит. по: [33. С. 47]). Схожие мысли высказывал на этом же совещании генерал Д.Г. Павлов в отношении танковых дивизий. Подобного рода оценки свидетельствовали о том, что советские военачальники не изучали опыт вермахта в кампаниях 1939–1940 гг. и поэтому не понимали характера предстоящей войны. Например, не были своевременно созданы крупные танковые соединения, хотя у СССР было достаточно танков. Танковые армии были созданы только в 1943 г. Не было и воздушных армий, от которых отказались в 1940 г., хотя авиации было достаточно, но 84% всей авиации было подчинено сухопутным войскам [28. С. 84].

Имелась и еще одна важная причина, которая не позволяла полностью использовать имевшуюся военную технику, осуществлять должное управление войсками. Она заключалась в общей технической и культурной отсталости народов СССР от высокоиндустриальных стран Западной Европы и прежде всего от Германии. СССР же вступил на путь индустриализации только в середине 1920-х годов. За предвоенное время было сделано очень многое, но преодолеть за 15 лет многовековую отсталость России оказалось невозможно.

Поэтому, на вопрос, могла ли по своему состоянию, по уровню подготовки Красная Армия предпринять мощное наступление на Германию в 1941 г. с надеждой на успех, необходимо ответить отрицательно. В представленном руководству страны плане стратегического развертывания от 18 сентября 1940 г. говорилось: "1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск. 2. Во взаимодействии с левофланговой армией западного фронта силами юго-западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника..." [15. Кн. 1. Док. 117. С. 241]. Как нанести решительное поражение, об этом военачальники и генштабисты думали, к этому готовились, а вот вопрос, как выстоять 10–15 или 20 дней, необходимых для развертывания войск, не рассматривался. Даже военно-штабные игры, которые проводились в январе 1941 г., начинались не с начала войны, а с ее 15-го дня. В вводной к игре лишь упоминалось, что противник уже прорвался, затем отброшен, и Красная Армия движется вперед. В связи с этим отработывалось лишь то, что относилось к наступлению, которое задумывалось достаточно широким, но, разумеется, не таким, как план "Барбаросса". В сравнении с масштабами последнего это наступление планировалось как относительно локальное.

Нанести поражение вермахту теми силами, которые находились в западных приграничных округах, при имевшейся степени боеготовности, не представлялось возможным. Конечно, если бы войска были своевременно приведены в боевую готовность, вероятно, результаты были бы не столь плачевны. Возможно, на начальном этапе были бы меньшие потери, и Красная Армия быстрее могла бы оправиться от первых ударов вермахта.

Для успешной войны против крупной державы необходимо наличие четырех обязательных факторов: 1) заблаговременно принятое политическое решение; 2) боеспособная и боеготовая армия, способная к активным маневренным действиям; 3) заранее разработанный, детальный план войны, содержащий политические цели ее ведения; 4) опыт ведения войны. Все эти факторы имелись в распоряжении нацистской Германии. В СССР о наличии даже некоторых из них можно говорить только с серьезными оговорками. К примеру, не было никакого политического решения о ведении наступательной войны.

Совокупность перечисленных объективных и субъективных причин обусловила тот ход событий, который произошел летом 1941 г. Понадобилось полтора года кровавой тяжелой учебы на полях сражений, чтобы Красная Армия научилась воевать, стала мощным военным механизмом, не уступающим противнику. Только после Сталинградской битвы можно считать, что синдром 1941 г. был преодолен.

А.С. Орлов ответил на вопросы участников "круглого стола".

Вопрос: Не думаете ли Вы, что если бы Красная Армия была заблаговременно полностью отмобилизована и выдвинута к западным границам, то она была бы там целиком потеряна уже в первые месяцы войны, как это случилось с сотнями тысяч солдат и офицеров в ходе "котлов" под Минском, Вязьмой, Киевом?

А.С. Орлов: Если бы была принята записка от 15 мая 1941 г. Тимошенко и Жукова о нанесении превентивного удара по вермахту, то мы бы потеряли всю армию сразу. Согласно плану "Барбаросса", основные силы Красной Армии, находящиеся в западной части СССР, должны были быть уничтожены "посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев", а "отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено" [15. Кн. 1. Док. 212. С. 452]. И только тогда, когда Красная Армия начала отступать по-кутузовски, по существу, и начал срываться план "Барбаросса", хотя лучше бы, если бы эта задача достигалась не столь высокой ценой.

Вопрос: Какова была эффективность немецкой и советской разведок накануне войны?

А.С. Орлов: Это – очень большая тема, поэтому обращу внимание лишь на некоторые ее аспекты. Информированность немцев была несопоставима с нашей: они прекрасно знали о всех соединениях, находившихся в западных приграничных округах, и степени их боеготовности. Немцы летали над территорией наших западных округов безнаказанно, поскольку с 1940 г. действовал приказ: самолеты дюфтваффе не сбивать. Только за последние два месяца перед войной имело место 180 нарушений нашей воздушной границы. Помимо этого, специальным поисковым группам немцев было дано разрешение на территории СССР разыскивать захоронения периода Первой мировой войны. Чем они при этом занимались, стало ясно позднее. Во всяком случае, в западных приграничных округах было немного секретов, которые не были бы известны противнику.

Советская военная разведка докладывала обширные данные о концентрации вермахта на сопредельных с СССР территориях, но вся эта информация поступала к начальнику Главного разведывательного управления генералу Ф.И. Голикову, который, направляя ее в Кремль, сопровождал выводом, что все сведения, "говорящие о неизбежности весною этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки" [15. Кн. 1. Док. 327. С. 780]. Сведения, поступавшие из Токио от Р. Зорге, также носили противоречивый характер: сначала указывались одни сроки германского нападения на СССР, затем – другие. Сталин при его огромной подозрительности уже не мог доверять информации такого агента.

По мнению А.С. Орлова, винить нашу разведку в целом нельзя, но стратегическую разведку можно. Ведь план "Барбаросса" она так и не сумела заполучить. В отечественных работах можно встретить утверждение, что в январе 1941 г. у Сталина на столе лежал план "Барбаросса". Конечно, Сталину докладывали, что, согласно полу-

ченными сведениям, Германия намерена напасть на СССР и это нападение должно произойти в марте 1941 г. Естественно, что никакого доверия таким сведениям не было и не могло быть: нападать на Россию в марте, с ее-то распутицей!

Вопрос: В какой мере катастрофическая ситуация, сложившаяся летом–осенью 1941 г., была обусловлена морально-политическим состоянием Красной Армии к началу войны?

А.С. Орлов: 1 сентября 1939 г. был издан приказ о призыве выпускников средней школы в РККА. В 1941 г. ребята 1923–1924 года рождения находились уже в армии, составляя основу командиров младшего звена. И в этом звене морально-политический уровень был очень высок, чего нельзя сказать о мобилизованных солдатах и призванных из запаса офицерах.

Вопрос: В директиве Тимошенко и Жукова командующему Западным особым военным округом Павлову от 12 июня 1941 г. [15. Кн. 2. Док. 547. С. 355–356] перечислялись прибывающие с 17 июня по 2 июля на территорию округа части (два стрелковых корпуса и инженерный полк). При этом в директиве обращалось внимание, что соединения, прибывающие на территорию округа, в состав Западного особого военного округа не включаются, Военному совету округа не подчиняются и об их прибытии никто не должен знать, кроме очень узкого круга лиц. Чем можно объяснить столь повышенную секретность в данном случае?

А.С. Орлов: В Москве все время боялись спровоцировать немцев. Сталин опасался, что возможна любая провокация с их стороны, особенно, если они узнают о выдвигении наших войск в район границы. Не случайно часто передислокация войск осуществлялась пешком, а не по железнодорожной дороге. Полагали, что немецким шпионам легче было считать количество эшелонов, а когда войска идут пешком, то за всеми дорогами не уследишь.

Дискуссию по сообщению А.С. Орлова начал канд. ист. наук *М.И. Мельтюхов* (Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела), остановившийся на вопросе о нехватке в РККА материальной части, горючего и продовольствия. По его мнению, состояние советских вооруженных сил на 22 июня 1941 г. и наличие запасов техники и вооружения в стране вообще – это разные вещи. Если исходить, например, из расчетов Генштаба по потребностям на год ведения войны, то к 22 июня сложилась следующая ситуация: запасы вооружения составляли 101,3%, боеприпасов – 26%, находившиеся на армейских складах запасы продовольствия – 31,2%, горючего – 15,4%. Накопленные запасы и система мобилизации вполне позволяли развернуть армию, превосходящую вермахт по количеству вооружения и в основном обеспеченную другими материальными средствами, что предоставляло возможность эффективно вести боевые действия в начальный период войны. Однако завершение подготовки Красной Армии к войне с Германией планировалось на середину июля 1941 г. [14. С. 334]. Поэтому в условиях германского нападения значительная часть запасов так и осталась на складах, где была уничтожена или захвачена противником, что и породило во многом проблему нехватки в войсках необходимых материальных средств.

Что касается политического решения о подготовке войны, то разработка любого плана, по мнению Мельтюхова, свидетельствует о том, что решение, все-таки, есть, в противном случае план никто готовить не будет. Наличие планов войны с Германией говорит о готовности советского руководства отстаивать в случае необходимости свои внешнеполитические интересы, в том числе и военными средствами. При этом Мельтюхов поддержал выводы А.С. Орлова, что Красная Армия к 22 июня 1941 г. не была отмобилизована. По его мнению, поскольку в своих планах стороны исходили из разных сроков начала военных действий, СССР явно запоздал с созданием тех предпосылок для ведения войны, о которых упоминал А.С. Орлов.

В.К. Волков поставил вопрос о том, что конкретно было известно в Европе о плане "Барбаросса". Здесь необходимо различать две группы источников, а именно: агентурная разведка и техническая разведка. Судя по имеющейся литературе, агентурные

сведения относительно плана "Барбаросса" были получены главным образом представителями малых государств, например югославским военным атташе в Германии полковником В. Ваухником. Согласно публикациям о его деятельности, он одним из первых добыл план "Барбаросса", который через посредников был переправлен в Лондон. По утверждению самого Ваухника, он передал также данные о плане "Барбаросса" в январе 1941 г. советскому военному атташе и резиденту военной разведки в Германии генерал-майору В.И. Тупикову [34. С. 370].

Главным источником информации Лондона была изобретенная поляками и усовершенствованная англичанами дешифровальная машина "Ультра", с помощью которой они могли расшифровывать немецкие коды и, соответственно, быть в курсе их секретной переписки. К весне 1941 г. британская разведка располагала уже обширной информацией о концентрации основных сил вермахта вдоль границ СССР, однако только 15 июня Черчилль принял решение о передаче этих сведений Москве. На следующий день заместитель главы Форин оффис А. Кадоган сообщил эту информацию советскому послу И.М. Майскому.

В беседах с политическими и государственными деятелями государств-сателлитов Гитлер, хотя и в дозированной форме, но также не скрывал своих намерений в отношении СССР. Таким образом, о предстоящей войне Германии против Советского Союза было в той или иной мере известно в разных частях Европы, что, естественно, увеличивало и число информаторов советской разведки. К сожалению, книжка, которую выпустили ФСБ и СВР, "Секреты Гитлера на столе у Сталина" [35], составлена так, чтобы ввести врага в заблуждение, а не предоставить информацию для историков.

С.З. Случ обратил внимание на продолжавшиеся в Советском Союзе репрессии. Согласно информации прокурора СССР В.М. Бочкова, поступившей на имя Молотова, на 1 января 1941 г. только по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. "О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений" было осуждено 1 955 тыс. человек [36. Л. 76], а к 22 июня 1941 г. их количество превысило уже 3 млн. [37. С. 71]. В подобной атмосфере насилия и страха, которой было охвачено все общество, в том числе и лица, ответственные за отбор и обобщение разведанных, с одной стороны, и перманентно ухудшавшейся международной обстановки – с другой, адекватная интерпретация разведывательной информации, как одной из составляющих подготовки страны к войне, приобретала особое значение. Однако ее решение, замыкавшееся на одном человеке, носило типичный для тоталитарных режимов характер – догматические, полностью идеологизированные схемы имели очевидный приоритет перед анализом реальной, хотя и противоречивой информации.

По мнению Случа, мощь и возможности вермахта были явно переоценены руководством Красной Армии. Например, в докладе помощника военного атташе СССР в Германии от 21 апреля 1941 г. говорилось, что боевой состав немецкой авиации с резервами составляет не менее 20 тыс. самолетов. Разведуправление Генштаба РККА, уточняя эти сведения, указывало, что Германия располагает 20 700 самолетами, из них 10 980 в строю [38. С. 68]. В действительности накануне 22 июня 1941 г. численность люфтваффе фронтового назначения составляла 5599 самолетов, что означало всего лишь незначительное увеличение по сравнению с кануном Западной кампании в мае 1940 г., а число боевых самолетов в результате потерь, понесенных люфтваффе в ходе "битвы за Англию", даже сократилось. При этом свыше 1800 самолетов, в том числе свыше 1 200 боевых, предназначались для других театров военных действий или находились в резерве. Таким образом, только 68% от общего числа самолетов предназначалось для использования на Восточном фронте, а именно 3807 машин, из них боеготовых к 22 июня было 2513 [39. С. 316]. И это только один из примеров того, что вермахт, несомненно, представлял собой очень большую силу, но его реальная мощь и возможности могут быть правильно оценены лишь при сопоставлении как

с противостоящим ему противником, так и с масштабом стоявших перед ним задач.

В заключительном слове А.С. Орлов обратил внимание на поднятые в ходе дискуссии вопросы. По его мнению, Красная Армия, действительно, располагала к началу войны значительными запасами военной техники, боеприпасов, а также горючего, которые находились и в западных округах, и в тылу. Однако в условиях крайне низкой моторизации РККА доставка, например, горючего со склада превращалась в трудно-разрешимую задачу. И эта проблема существовала не только в начале войны: в нужный момент горючего в потребном количестве, как правило, не хватало.

Что касается военных планов, то их разработка – это рутинная, повседневная работа Генштаба на все случаи жизни, даже самые невероятные. Однако, по мнению Орлова, историки должны анализировать только те из них, которые так или иначе, по крайней мере, пытались реализовать, а не те, что так и остались на бумаге.

Характеризуя деятельность советской разведки накануне войны, необходимо четко различать основные ступени прохождения разведывательных данных: агентурная разведка, войсковая разведка, аппарат Разведуправления Генштаба. Пройдя через все эти этапы, разведывательная информация попадала к Сталину, за которым в отсутствие единого центра по анализу информации, поступающей по самым различным каналам, оставалось фактически единоличное право по ее оценке и одновременно принятию соответствующих решений. Надо отдавать себе отчет в том, что часто к разведке не прислушивались, ее донесениям не верили, их просто игнорировали, причем по самым разным причинам. Конечно, советская разведка не всегда смогла добывать достоверные данные, ошибалась она и в конкретике, в основном в сторону преувеличения сил противника. Разумеется, вермахт не был столь мощной армией, как могло сложиться впечатление, в том числе и по донесениям разведки, но задача данного сообщения заключалась в сопоставлении, а в сравнении с Красной Армией лета 1941 г. он был очень силен.

От составителя. Сравнительный анализ состояния вермахта и Красной Армии накануне 22 июня 1941 г. позволяет дать ответ на целый ряд весьма важных не только сугубо военных, но и политических вопросов. Сопоставление численности вооруженных сил, количества и качества основных видов боевой техники, находившихся в войсках, несомненно, важные составляющие такого анализа. Но они не исчерпывают военного аспекта проблемы. Особое значение имела готовность вооруженных сил в целом, прежде всего офицерского корпуса, к ведению современной войны в условиях резко меняющейся обстановки. Дискутируя о гипотетической возможности или невозможности Красной Армии вести наступательную войну против Германии в 1941 г., не всегда в полной мере принимают во внимание указанные факторы. В этой связи хотелось бы обратить внимание на два документа, характеризующие состояние командного состава РККА различного уровня в конце 1940 – начале 1941 г. В акте приемки Наркомата обороны Тимошенко от Ворошилова от 7 декабря 1940 г. констатировалось: "Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод-рота, в котором 68% имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта" [15. Кн. 2. Док. ПЗ1. С. 625]. 25 января 1941 г. Наркомат обороны и Генштаб издадут директиву "Об итогах и задачах оперативной подготовки высшего командного состава Красной Армии", в которой отмечалось: "Опыт последних войн, походов, полевых поездок и учений показал низкую оперативную подготовку высшего командного состава, войсковых штабов, армейских и фронтовых управлений и особенно авиационных штабов", которые "имеют лишь начальные знания и поверхностное представление о характере современной операции армии и фронта. ...Часть высшего командного состава до сих пор остается на уровне опыта гражданской войны и пытается перенести его на современность...". Высшему командному составу и штабам предписывалось в сжатые сроки резко повысить уровень оперативной подготовки в соответствии с поставленными задачами, представив годовой отчет об их выполнении к 1 ноября 1941 г. [40. Док. 96. С. 224–226, 229]. Трудно представить, чтобы Сталин, не устранив столь серьезные недостатки буквально во всех звеньях командного состава РККА, не говоря уже о других многочисленных проблемах в подготовке вооруженных сил, мог делать ставку на ведение наступательной войны против Германии уже в 1941 г.

Но означало ли это, что в Генштабе не велась разработка соответствующих планов заранее? А.С. Орлов прав в том, что разработка военных планов "на все случаи жизни" действительно должна быть рутинной стороной деятельности Генштаба. Однако подготовка конкретного

плана наступательной войны, да еще крупномасштабной – это уже не совсем рутинная работа, требующая соответствующих указаний политического руководства. Она, конечно, может начаться еще до того, как принято окончательное политическое решение, когда процесс вызревания последнего становится очевиден для руководства вооруженных сил. Так, кстати, произошло в третьем рейхе, где подготовительный этап разработки плана войны против СССР относится к началу июля 1940 г. (к этому времени начальник Генштаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер был уже неофициально информирован, что внимание Гитлера "нацелено на Восток") [41. Bd. 1. S. 375], тогда как политическое решение на этот счет было сформулировано фюрером в конце июля. В СССР, где самостоятельность высшего генералитета была значительно меньше, чем в Германии, начальник Генштаба вряд ли отдал бы приказ о разработке плана наступательной войны, не имея на то указаний Сталина. Наличие или отсутствие последних к началу весны 1941 г. можно было бы косвенно проследить по оперативным документам Генштаба, например, по плану стратегического развертывания вооруженных сил СССР от 11 марта 1941 г., если бы он был опубликован полностью [15. Кн. 1. Док. 315. С. 741–746]. Однако при публикации была опущена именно та его часть, которая относится к развертыванию Красной Армии на Западе, и это, естественно, расширяет поле для различного рода предположений о причинах такого рода купюр... Дополняя исследование реального состояния вооруженных сил, изучение оперативных планов, хотя и оставшихся на бумаге, директив, других генштабовских документов имеет, несомненно, большой интерес для историков, позволяя расширить наши представления не только о военной, но и политической стороне решений, связанных с подготовкой РККА к войне. Принимая во внимание различные "нестыковки" и пропуски в опубликованных оперативных документах, не говоря уже о большом их массиве, остающемся по-прежнему недоступным для исследователей, наряду с недостаточной изученностью целого ряда важных аспектов военной и военно-экономической политики СССР накануне войны, необходимо признать, что многое здесь все еще остается неясным. Поэтому нельзя не согласиться с точкой зрения военного историка П.Н. Бобылева, что в дискуссии о планировании в Генштабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 гг. "точку ставить рано" [42. С. 41–64].

С сообщением "О некоторых аномалиях внешней политики СССР (апрель–июнь 1941 г.)" выступил чл.-корр. РАН *В.К. Волков*. Катастрофическим поражениям, которые испытала Красная Армия летом 1941 г., предшествовали столь же масштабные заблуждения высшего советского руководства, а именно Сталина и Молотова, которые определяли внешнеполитический курс страны. Когда слухи о предстоящем нападении Германии на СССР, курсировавшие по Европе уже не одну неделю, приобрели поистине лавинообразный характер, все более подкрепляясь весомыми фактами, Г. Димитров утром 21 июня позвонил Молотову и в осторожной форме попросил поговорить со Сталиным: не будет ли каких указаний для зарубежных компартий в связи с создавшимся положением? Пообещав переговорить, Молотов заметил: "Положение неясное. Идет большая игра. Не все зависит от нас" [43. С. 235]. Что же "неясного" было для Молотова всего за сутки до германского нападения на СССР? И если, по его мнению, от советского руководства зависело "не все", то что же могло все-таки зависеть? На что Сталин и Молотов рассчитывали, на что могли еще надеяться в тот момент? Каковы были причины их стратегического просчета?

Заблуждения кремлевского руководства относились, конечно, не к последнему мирному дню, а имели длительную предысторию. Условно их начальный этап можно датировать переговорами Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. и сделанными по их результатам выводами. Советское руководство всерьез отнеслось к предложению Гитлера присоединиться к Тройственному пакту, выдвинув при этом условия, на которых оно было готово пойти на этот шаг. Основным его требованием было признание советских интересов на Балканах и в районе черноморских проливов (см. главу "Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 г." в кн.: [44. С. 241–296]). В течение последующих месяцев Кремль упорно стремился следовать этому курсу и отстаивать свои интересы, несмотря на полное нежелание нацистского руководства считаться с ними. Последним аккордом в проведении этого курса было заключение договора с Югославией о дружбе и ненападении 5 апреля 1941 г., который не смог ни предотвратить германского нападения на эту страну, ни ее быстрого разгрома, лишь зафиксировав полный провал политики СССР на Балканах.

Германская агрессия против Югославии стала водоразделом, своего рода исходным пунктом в складывании новой тактической линии советской внешней политики. Ее начало, по мнению Волкова, можно датировать театральным появлением Сталина и Молотова 13 апреля на вокзале, где дипломаты провожали японского министра иностранных дел Мацуока, который в тот день подписал пакт о нейтралитете между двумя странами. Отыскав в числе провожающих германского посла Шуленбурга и помощника германского военного атташе Х. Кребса, Сталин каждому из них (с небольшими вариациями) сказал: "Мы должны остаться друзьями с вами – в любом случае!" [45. С. 304]. Этот эпизод приковал внимание всего дипломатического корпуса в Москве, на что, собственно, и был рассчитан. При этом слова Сталина точно отразили суть новой политической линии – курс на умиротворение Берлина, в основе которого лежало стремление избежать столкновения с Германией.

13 апреля отделяют от 22 июня ровно десять недель. Небольшой отрезок времени вместил в себя много событий, которые можно подразделить на несколько этапов. Первый из них, занявший месяц, связан с выработкой новой тактики Кремля и принятием первых решений, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю политику. Последовавшие за ними мероприятия должны были быть значимыми и знаковыми, выступая в качестве показателей смены курса. При их анализе следует принимать во внимание также ту информацию, которой располагало советское руководство, равно как и ее оценку, а также комплекс дезинформационных действий германской стороны.

Разведывательные данные, поступавшие в Москву, довольно полно характеризовали осуществлявшуюся в Германии подготовку к нападению на СССР, о чем, в частности, свидетельствовал доклад начальника военной разведки генерала Голикова руководству страны от 20 марта. Однако вывод, сопровождавший этот документ, что Германия может начать действия против СССР не ранее, чем будет достигнута победа над Англией или заключен с нею мир, по позднему признанию самого Голикова, был подогнан под представления Сталина. Симптоматично, что германские дезинформационные мероприятия шли в том же направлении. Не исключено, полагает Волков, что германская разведка была информирована о подобных взглядах и настроениях Сталина и учитывала в своих действиях его психологию и мотивацию поведения. Помимо дезинформации военного характера, была запущена и различного рода политическая дезинформация, в том числе о планируемых якобы в Берлине в ближайшее время советско-германских переговорах на высшем уровне. В статье О.В. Вишлёва отмечается коварство такого замысла, который как бы навязывал Кремлю выжидательную позицию и создавал ложное представление о порядке действий Германии на ближайшее время [46. С. 96–113]. Проблема немецкой дезинформационной деятельности в преддверии осуществления плана "Барбаросса" все еще остается очень слабо изученной³, представляя собой одну из приоритетных задач российской историографии.

По мнению Волкова, действия советского руководства весной 1941 г. явно строились из расчета на предстоящие переговоры с Германией. Во второй половине апреля созрел замысел наделить Сталина высшей государственной должностью, что и было оформлено решением Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая о назначении его председателем Совнаркома СССР. Смысл замены Молотова Сталиным на посту главы правительства состоял в том, что она, ничего не меняя в объеме власти последнего внутри страны, коренным образом меняла статус Сталина на международной арене. В новом качестве он мог уже на равных встретиться с канцлером Германии⁴, этот шаг как бы подготавливал почву для двусторонних переговоров.

³ В западной историографии исследование этого вопроса началось уже давно, но эти работы не часто оказываются в поле зрения российских историков. См., например: [47] – *Сост.*

⁴ На сегодняшний день историкам не известны ни советские, ни немецкие документы, подтверждающие подобные намерения Сталина. – *Сост.*

Оставалась еще проблема отношений СССР с Тройственным пактом и Антикоминтерновским пактом. Как считает Волков, дальнейшее существование Коминтерна служило бы помехой на этом направлении. 20 апреля 1941 г. Сталин в "неформальной обстановке" (на концерте в Большом театре) в присутствии членов Политбюро завел разговор с Димитровым о том, что Коминтерн в новых условиях является помехой для деятельности компартий и о необходимости поиска новых форм их работы. Димитров правильно понял поднятый вопрос. На следующий день он вместе с П. Тольятти и М. Торезом обсудил вопрос о роспуске Коминтерна. Обсуждение этой проблемы в узком кругу продолжалось примерно три недели. 12 мая эти вопросы рассматривались на совещании Димитрова с Ждановым в ЦК ВКП(б). Как считает Волков, в апреле-мае 1941 г. речь шла о серьезной проработке политического шага, который должен был стать крупным внешнеполитическим маневром в рамках нового курса по умиротворению третьего рейха. Характерно, что аргументы в пользу намечаемых действий фактически предваряли доводы, приведенные в совершенно иной обстановке в 1943 г., когда был распущен Коминтерн.

Намечаемый курс должен был получить соответствующее идеологическое прикрытие, которое и появилось, причем в оригинальной форме. Советская пропаганда весной 1941 г., несомненно, приобрела антигерманский оттенок. Но делать из этого вывод о подготовке Сталиным упреждающего удара по Германии было бы неправильно. Как полагает Волков, пропагандистская кампания служила заблаговременно созданию внутри страны убежденности в последовательности политики советского руководства, твердо стоящего на большевистских и антифашистских позициях, хотя в действительности эти позиции были исключительно прагматическими. Нельзя же было готовить народ к мысли о неизбежных уступках в ходе предполагавшихся переговоров с Берлином, а именно таким образом Сталин надеялся выиграть время и оттянуть, если не предотвратить вообще столкновение с Германией.

В конце апреля 1941 г. в Москву был вызван для консультаций советский посол в Берлине В.Г. Деканозов. 1 мая он стоял во время парада на Красной площади на трибуне мавзолея между Сталиным и Молотовым, что приковало к нему внимание дипломатического корпуса. Несомненно, такой шаг должен был заранее повысить внимание к тем инструкциям, которые он должен был привезти по возвращении в Берлин и довести до сведения германского руководства. Но его пребывание в Москве затянулось в связи с неожиданной инициативой, проявленной германским послом Шуленбургом. Последний незадолго перед тем вернулся из Берлина с убеждением в скором конфликте между Германией и СССР. Стремясь предотвратить его, Шуленбург пошел на государственное преступление, поставив перед Деканозовым в беседе 5 мая ряд вопросов о критическом состоянии отношений двух стран, в частности о пресечении "взрывоопасных слухов" об их возможном конфликте. Ответ последовал во время их следующей встречи 9 мая, когда Деканозов, принятый накануне Сталиным, выдвинул идею публикации совместного советско-германского коммюнике, опровергающего подобные слухи. Шуленбург в свою очередь предложил, чтобы Сталин обратился к Гитлеру с письмом по случаю своего назначения главой советского правительства. На последней встрече с Шуленбургом 12 мая Деканозов прямо сослался на Сталина и Молотова и сообщил об их согласии на такой обмен письмами, но при условии, что Шуленбург предварительно обсудит их содержание с Молотовым. Это контрпредложение Кремля фактически свело на нет неординарные действия германского посла. Шуленберг, разумеется, не мог пойти на подобный шаг, поскольку несколько раз подчеркивал, что он выступает со своим предложением по личной инициативе, не имея на то инструкций из Берлина.

Реакция советского руководства на этот беспрецедентный в дипломатической практике эпизод, не получивший еще должного внимания со стороны исследователей, была, по мнению видного деятеля советских спецслужб того времени, совершенно ошибочной. В Кремле не допускали мысли о том, что Шуленбург действовал по собственной инициативе и без санкции Берлина. Его шаг был воспринят как позиция

влиятельных политических кругов Германии, породившая ожидания последующих действий по подготовке встречи на высшем уровне [11. С. 167].

Вполне закономерной акцией Москвы стал и разрыв дипломатических отношений 8 мая с Бельгией, Норвегией и Югославией, т.е. с оккупированными вермахтом странами, с мотивировкой, что они утратили свой суверенитет. Практически одновременно был решен вопрос об установлении дипломатических отношений с антибританским правительством Ирака, пользовавшимся поддержкой Берлина. Все эти факты вписывались в курс на "умиротворение" Германии, который в течение первого месяца его осуществления (с 13 апреля по 12 мая) приобрел достаточно конкретные очертания, обнаружив и соответствующие ожидания советского руководства. Однако здесь, как считает Волков, в действие вмешался случай, спутавший наметки Сталина и Молотова и придавший новое направление ходу их мыслей, а германской стороне – дополнительные возможности для проведения дезинформационных мероприятий⁵: 13 мая в Москве стало известно о полете заместителя Гитлера по партии Р. Гесса в Англию.

Это событие, о котором как Берлин, так и Лондон хранили молчание два дня, сразу же был интерпретирован в Москве как "миссия", целью которой было заключение сепаратного мира с Англией [49. С. 161–169]. Поскольку все подробности пребывания Гесса в Англии были окружены глубокой тайной, то завязалась самая крутая дипломатическая интрига Второй мировой войны (до сих пор историки не имеют полного доступа ко всем связанным с этим "делом" документам). Усилиям английской дипломатии, направленным на создание впечатления о возможном сепаратном мире и близком германском нападении на СССР, способствовал также ряд совпавших по времени других обстоятельств, которые усиливали желаемый результат (отъезд английского посла С. Криппса из Москвы в начале июня, вызов в США американского посла в Лондоне и т.д.). Не бездействовали и немцы. В литературе принято сравнивать воздействие "миссии Гесса" на Кремль с эффектом разорвавшейся бомбы, хотя документов о реакции советского руководства пока не обнаружено. Редко когда дезинформационные материалы со всех сторон достигали такой плотности. Завершением этого этапа можно считать появление Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г.

Если когда-либо удастся пролить свет на обстоятельства появления на свет этого Сообщения ТАСС, то это, по мнению Волкова, даст ключ к пониманию того, что происходило тогда в Кремле. До сих пор это остается самой большой загадкой и поистине аномальным явлением. Вечером 13 июня текст этого Сообщения был вручен Молотовым Шуленбергу и передан по московскому радио, а 14 июня опубликован в печати. В нем говорилось об очевидной бессмысленности слухов о близости войны между двумя странами. Отмечалось, что Берлин не предъявлял Москве никаких претензий. Особо подчеркивалось что "по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта, как и Советский Союз". Поэтому "слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы" [13. Кн. 2. Док. 861. С. 734–735].

В советской историографии не любили вспоминать об этом эпизоде. В нем как в капле воды отразились основные постулаты сталинского курса умиротворения. Попытки изобразить это Сообщение ТАСС как попытку зондажа, по мнению Волкова, мало состоятельны, ибо его отрицательные последствия слишком уж очевидно перевешивали какие-либо позитивные ожидания. Они разом перечеркнули все пропагандистские усилия, предпринимавшиеся весной 1941 г. Современники событий, авторы мемуаров единодушны в том, что Сообщение ТАСС морально разоружило

⁵ Судя по дневнику Геббельса, полет Гесса крайне болезненно был воспринят руководством третьего рейха, которое старалось всячески приглушить эту тему [48. С. 309–319]. Более того, "миссия Гесса" определено шла в разрез с основной дезинформационной линией Берлина, ориентированной на создание впечатления о предстоящих ударах по Британской империи и ее метрополии, а не о каком-то соглашении с ней. – *Сост.*

армию, притупило бдительность командного состава, посеяло семена самоуспокоенности в стране. Вряд ли все приведенные соображения не приходили в голову таким искушенным политикам, как Сталин и Молотов. Тем более что подобный документ мог появиться только по их инициативе, а возможно, и при их непосредственном участии. По мнению Волкова, рационального объяснения причин появления этого Сообщения ТАСС до сих пор не найдено.

В ходе проводившейся Германией масштабной дезинформационной кампании, Й. Геббельсом была специально написана статья "Крит как пример" для "Völkischer Beobachter". Чтобы придать ей видимость утечки информации и привлечь внимание, номер газеты с этой статьей в ночь с 12 на 13 июня 1941 г. был демонстративно конфискован, хотя часть тиража все-таки "успела" дойти до ряда иностранных посольств. Статья явно была рассчитана на психологию советских руководителей, в частности Сталина, и призвана вселить в них убеждение, что Германия теперь нацелилась на Англию, но тщательно это скрывает.

Следует обратить внимание на прокатившуюся в конце мая – начале июня в СССР волну арестов крупных военачальников, среди которых были командующий ВВС генерал П.В. Рычагов, начальник ПВО страны генерал Г.М. Штерн, командующий Прибалтийским округом генерал А.Д. Локтионов. Были арестованы также нарком оборонной промышленности Б.Л. Ванников и ряд руководителей НИИ по оборонной технике. 23 июня арестовали заместителя наркома обороны генерала Мерецкова. Все они (за исключением Ванникова и Мерецкова, освобожденных позднее по распоряжению Сталина) были расстреляны.

Последние предвоенные дни Сталин провел в состоянии ожидания, подавляя малейшие попытки военных передислоцировать войска, дабы "не спровоцировать" германскую сторону. Как видно, германские дезинформационные мероприятия достигли своей цели. Остается только поставить вопрос: как могло случиться, что был обманут самый подозрительный диктатор XX в.? Естественно, что ответственность вместе с ним должны разделить и другие члены политического руководства СССР, а также высшее командование РККА, равно как и руководство разведслужб. При этом, полагает Волков, ссылки на сложность международного положения и противоречивость поступавших сведений не могут служить оправданием. Очевидно, резюмирует он, что этот период нуждается в дальнейшей разработке и, главное, в поиске новых документов.

В.К. Волков ответил на вопросы участников "круглого стола".

Вопрос: Что дает Вам основания утверждать, что советское руководство располагало информацией о содержании плана "Барбаросса"?

В.К. Волков: В опубликованном сообщении начальника Разведупра генерала Голикова Сталину от 20 марта сообщалось о трех группировках вермахта, их командующих и направлении их ударов на территории СССР. Другое дело, что в своем сообщении Сталину Голиков изложил эти важные сведения предельно коротко, сопроводив их к тому же выводами о том, что "слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию..." [15. Кн. 1. Док. 327. С. 780]. Таким образом, высшее советское руководство несомненно располагало информацией о плане "Барбаросса", и главным препятствием на пути своевременного развертывания советских вооруженных сил был Сталин, которого командование РККА боялось значительно больше, чем врага.

Вопрос: Вы предполагаете, что намечалась встреча Сталина с Гитлером. Как это намерение можно соотнести с речью Сталина 5 мая и с соответствующими пропагандистскими директивами?

В.К. Волков: Я думаю, что это все прекрасно совмещается. Во-первых, о предстоящей встрече Гитлера и Сталина во многих дипломатических салонах говорили как о факте, который вот-вот должен свершиться. Более того, поездку Шуленбурга из Москвы в Берлин во второй половине апреля расценили как подготовку именно

к такой встрече. В действительности это было не так, но подобные слухи имели место. Трудно сказать, верил ли Сталин этим слухам, но занятие им поста предсовмина, ряд других мероприятий, в том числе намерение распустить Коминтерн, говорят в пользу такого предположения. Таким образом, можно сказать, что Сталин принял все, чтобы не только подготовить такую встречу, но и сделать ее возможной. Я думаю, что его пропагандистские мероприятия вполне укладываются в гипотезу о пропагандистской подготовке такой встречи.

Вопрос: Считаете ли Вы, что сообщение ТАСС от 13 июня было написано лично Сталиным?

В.К. Волков: На этот вопрос я не могу ответить определенно, поскольку не располагаю необходимой информацией. Что касается стиля и аргументации этого документа, то я думаю, что он был либо согласован со Сталиным, либо написан под его диктовку. Содержание Сообщения во многом перекликается с тем, о чем говорили Шуленбург и Деканозов в заключительной беседе 12 мая.

Вопрос: На чем основывается Ваше утверждение, что театрализованные действия 13 апреля на вокзале являются свидетельством стремления Сталина к умиротворению Гитлера?

В.К. Волков: А как можно иначе оценить события, произошедшие в день, когда вермахт практически занял Белград? Сталин неожиданно появляется на вокзале и именно германскому послу и заместителю военного атташе Кребсу говорит: "Мы останемся с вами друзьями – при любых обстоятельствах" [9. Вd. XII. 2. Dok. 333. S. 448]. О каких обстоятельствах могла идти речь? Совершенно очевидно, что о развитии ситуации на Балканах. Таким образом, Сталин давал понять немцам, что он смирился с тем, что произошло, и не склонен к какому-либо обострению отношений.

Вопрос: В книге Городецкого "Роковой самообман" делается вывод о том, что советское руководство допустило немало ошибок в тот период, но время было настолько сложное, что вряд ли в действительности была альтернатива политике, проводимой Кремлем. Как Вы относитесь к этому утверждению?

В.К. Волков: Конечно, ситуация была сложная. Но Городецкий, по-видимому, в данном случае все-таки заблуждается. Альтернативы, как правило, в истории все же существуют. Надо, правда, уметь их разглядеть.

Вопрос: Не было ли Сообщение ТАСС, наоборот, дезинформацией со стороны Сталина, нацеленной на введение в заблуждение Берлина?

В.К. Волков: Нет, я так не думаю. Этим Сообщением ТАСС Сталин в очередной раз сигнализировал о своем стремлении установить контакт с Берлином и о своей готовности и дальше соблюдать условия пакта о ненападении. Дезинформировать Гитлера имело смысл только в том случае, если бы Сталин что-то замыслил в отношении Германии. Сообщение ТАСС от 13 июня отразило то, что Сталин сам был полностью дезориентирован. Больше того, он дезориентировал этим шагом всю страну и армию.

Открывший обсуждение сообщения В.К. Волкова *М.И. Мельтюхов* высказал сомнения относительно концепции "умиротворения" Германии и прежде всего составляющих ее тезисов. Коминтерн был распущен в 1943 г., и никакого отношения к Тройственному пакту и месту СССР в нем это уже не имело, хотя мотивировки Москвы при этом были схожими: не будем отягощать наших отношений с союзниками. Поэтому утверждение, что намерение распустить Коминтерн – это один из ярких примеров политики умиротворения именно Германии, представляется не очень убедительным.

Мельтюхов выразил также несогласие с предположением, что в случае удачи замысла Кремля вовлечь немецкую сторону весной 1941 г. в переговорный процесс, Сталин готов был бы идти на уступки. Во-первых, это не подтверждает характер бесед Деканозова с Шуленбургом, в которых было высказано и немало упреков в адрес Берлина. Во-вторых, именно в мае–июне начинается перегруппировка советских войск на западную границу, производившаяся в соответствии с дейст-

вующим оперативным планом, который, как известно, не предусматривал осуществления оборонительных мероприятий для отражения германской агрессии.

Как считает Мельтюхов, не следует абсолютизировать информацию, содержащуюся только в какой-то одной группе источников. Это относится, в частности, к широко распространенному в мемуарной литературе утверждению о пагубном, расхолаживающем влиянии на страну и армию Сообщения ТАСС от 13 июня. Сейчас исследователям уже доступны документы политорганов того времени, содержащие специальное предупреждение о том, что Сообщения ТАСС вообще не имеют никакого отношения к текущей пропаганде в войсках.

Мельтюхов подчеркнул, что не вызывает сомнения тот факт, что Гитлер и Сталин вели в то время крупную игру. Однако, представляя на уровне сегодняшнего знания многое, особенно с германской стороны, из того, как велась эта игра, вряд ли стоит упрощать все произошедшее, забывая о том, что весной 1941 г. главные игроки отнюдь не были столь информированы о замыслах друг друга.

Д-р ист. наук *Н.С. Лебедева* (ИВИ РАН) затронула вопрос, связанный с роспуском Коминтерна. По ее мнению, этот шаг рассматривался в Кремле в 1941 г. как подарок Гитлеру, а в 1943 г. – как дар союзникам. Разговоры о том, что Коминтерн утратил свое значение и более не нужен, были в обоих случаях хорошо рассчитанным пропагандистским трюком Москвы. Когда Коминтерн официально объявили распущенным, то ни один человек из его аппарата не был уволен, все его структуры и функции были сохранены и фактически его деятельность продолжалась, хотя и в видоизмененной форме, вплоть до 1990 г.

Нереалистичный характер сталинской внешней политики, отметила Лебедева, в полной мере проявился весной 1941 г. и в деятельности подконтрольного Кремлю Коминтерна. Например, ИККИ в апреле–мае направляет директивы Компартии США, ориентирующие последнюю на то, чтобы всеми силами бороться против вступления Америки в войну, хотя вступление США в войну на стороне Англии отвечало жизненным интересам СССР.

Канд. ист. наук *В.П. Сафронов* (ИРИ РАН) обратил внимание на роль Дальнего Востока в месяцы, предшествующие нападению Германии на СССР. По его мнению, существовала большая вероятность открытия второго фронта против Советского Союза на Дальнем Востоке с начала Великой Отечественной войны. Однако Гитлер настолько заигрался с дезинформационными мероприятиями, что ввел в заблуждение не только СССР, но и своего союзника – Японию. Когда Мацуока в конце марта – начале апреля 1941 г. был с визитом в Германии, то Гитлер дал указание, чтобы ему ничего не сообщали о предстоящей войне с СССР. Прошедшие в Берлине беседы с японским министром не содержали никакой конкретной информации о намерениях германского руководства предпринять какие-либо действия в отношении Советского Союза. Если подобные мысли в весьма завуалированной форме и высказывались, то исключительно в сослагательном наклонении и относились к неопределенному будущему⁶. Мацуока оказался в полном неведении о ближайших планах третьего рейха. По его более позднему признанию, если бы он знал, что Гитлер собирается напасть на СССР, то никогда не заключил бы пакт о нейтралитете с Москвой. Не случайно сразу после 22 июня 1941 г. Мацуока стал главным инициатором идеи о нападении Японии на СССР.

С другой стороны, то обстоятельство, что Япония активно добивалась заключения пакта о нейтралитете с СССР, ввело в заблуждение Сталина, которому трудно было поверить в то, что один из важнейших союзников Германии идет на заключение

⁶ Это не совсем так. В беседе с Мацуока 29 марта Риббентроп недвусмысленно дал понять о предстоящей войне с СССР ("Если Германия почувствует, что ей угрожает опасность, она тот час же начнет военные действия и покончит с большевизмом"), поэтому "было бы лучше всего не слишком углублять дела с русскими", т.е. не подписывать с ними никаких соглашений [9. Вд. XII. 1. Dok. 233. S. 340–341]. – *Сост.*

соглашения о нейтралитете со страной, на которую Гитлер собирается вскоре напасть. По мнению Сафронова, Гитлер настолько был уверен в успехе плана "Барбаросса", что не только не хотел делиться с Японией плодами своей будущей победы, но даже просто информировать ее о своих намерениях⁷.

Л.Я. Гибианский отметил, что развернувшаяся дискуссия в очередной раз демонстрирует: как только речь заходит о политике СССР, мы, как правило, сталкиваемся с отсутствием документов, которые бы позволяли с большей степенью уверенности говорить о той или иной модели поведения советского руководства, о тех мотивах, которыми руководствовался Сталин. Однако некоторые вопросы, затронутые в дискуссии, по мнению Гибианского, относятся к категории бесспорных, по крайней мере для специалистов. Например, проектировавшийся роспуск Коминтерна. Замысел, лежащий в его основе, очевиден. В этом же ряду находится ставшая исторической "сцена на вокзале" 13 апреля, подоплека которой вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

С другой стороны, есть факты дискуссионные, к ним, например, относится происхождение Сообщения ТАСС от 13 июня. Логика в той модели, которую представил Волков, безусловно, есть, но история движется не по законам логики. Трудно сказать, что жалело в основе этого шага Кремля, так как мы не знаем, в каком направлении Сталин в это время собирался двигаться дальше. Если взглянуть на ситуацию в комплексе, то что означали тогдашние вместе взятые советские дипломатические усилия, готовившаяся пропагандистская кампания и предпринимавшиеся военные мероприятия, вокруг которых идут споры – подготовку к обороне или к превентивному нападению? Может быть, это все на самом деле отдельные элементы некой единой игры, начатой Кремлем по крайней мере весной 1941 г.? Здесь есть над чем серьезно думать.

По мнению Т.М. Исламова, в сфере внешней политики Сталин вынужден был глотать одну "пилюлю" за другой. Крайняя ограниченность возможностей СССР в этот период, *вынужденный характер его действий или скорее бездействий* явно недостаточно прозвучали в дискуссии. Нет оснований говорить об *"аномалиях" советской политики, когда речь идет о больших вопросах мировой политики*. Проблематичным, в частности, представляется тезис Волкова о "стратегическом просчете" связи Сталин–Молотов. Не было такого просчета, не было и "фактора неожиданности", который, наряду со словами Молотова о "вероломном" нападении, не более чем удачно придуманный пропагандистский трюк для объяснения и оправдания поражений в 1941–1942 гг.

По мнению Исламова, "упорное нежелание" советского руководства (еще один тезис Волкова) реагировать на факт подготовки гитлеровского нападения надо считать отнюдь не "очевидной аномалией", а явным нежеланием Сталина ввязываться в драку раньше времени, железной последовательностью в проведении принятого стратегического курса. "Явной аномалией" была бы, вероятно, поспешная, непродуманная реакция на явно провокационные действия Германии. Нет никаких доказательств тому, что "самый подозрительный политический деятель XX в. был жестоко обманут". А что он мог сделать в той ситуации?

С.З. Случ полагает, что принятие Сталиным на себя полномочий главы правительства ни в коей мере не было связано с муссировавшимися западной печатью слухами о якобы предстоящей встрече Гитлера со Сталиным, поскольку последняя была полностью исключена. Для Гитлера в мае 1941 г. отсутствовала тема для беседы со Сталиным – для него все было уже предreshено. Сталин по самым разным, в том числе и чисто психологическим причинам, также вряд ли был склонен к подобного

---

⁷ Речь должна идти о самоуверенности Гитлера, а не об его "жадности". В тот момент он считал более важным не распылять военные усилия Японии и направить их против британских владений в Юго-Восточной Азии. См. директиву Верховного командования вермахта от 5 марта 1941 г. [50. S. 105]. – *Сост.*

рода встрече, не в последнюю очередь осознавая слабость своих гипотетических переговорных позиций.

Что касается Сообщения ТАСС от 13 июня, то оно, по мнению Случа, скорее всего было реакцией не на статью Геббельса в "Völkischer Beobachter" "Крит как пример", а на беседы Деканозова и Шуленбурга в первой половине мая 1941 г. Это был явно запоздавший ответ Кремля на эти беседы, в которых германский посол, проявив несанкционированную инициативу, граничившую в той конкретной обстановке с государственной изменой, пытался побудить советское руководство к активности на германском направлении его внешней политики.

Случ остановился также на некоторых шагах Лондона, связанных с полетом Гесса. Рассекреченные в 1992 г. британские архивы высветили весьма сложную игру, которую вело в то время руководство Форин оффис [51]. Иден и Кадоган оказали очень серьезное давление на Черчилля с тем, чтобы убедить его в необходимости ни в коем случае не распространять официальной информации относительно содержания возможных бесед с Гессом, а подпитывать общественное мнение и, особенно за границу, исключительно слухами. За этой интригой скрывалась попытка оказать давление прежде всего на СССР, принимая во внимание совершенно неконструктивную линию Кремля, занятую им в отношении неоднократных попыток посла Криппса наладить постоянный контакт с советским руководством, в частности организовать встречу Молотова и Идена весной 1941 г. В Лондоне в целом удачно разыграли "карту" Гесса, вызвав немалую обеспокоенность как в Москве, так и в Вашингтоне относительно дальнейшей роли Великобритании в войне и о своих собственных перспективах в этой связи.

В заключительном слове *В.К. Волков* отметил, что концепция советского "умиротворения" Германии представляется ему практически доказанной. Если все события того времени свести в единую логическую линию, то станет очевидно наличие готовности Москвы пойти на такую встречу. Случ утверждает, что Сталин на такую встречу бы не пошел. Думается, что для этого утверждения меньше оснований, чем для противоположного.

Историю с роспуском Коминтерна, конечно, не надо рассматривать как подарок кому-то. Просто Коминтерн к тому времени превратился из удобного орудия манипулирования другими компартиями в инструмент, который столь же часто и мешал это продельывать. Но не мог Сталин просто так идти на сближение с Тройственным пактом, ведь в основе последнего лежал Антикоминтерновский пакт.

Сталин был часто неадекватен в своих реакциях, но, тем не менее, он был политиком очень хитрым и изворотливым. И его беседы и контакты с иностранными деятелями, в частности встречи с Ф.Д. Рузвельтом, с Черчиллем, показывают, что он был вполне на уровне требований, которые предъявляются государственному деятелю при такого рода переговорах. Но Сталин как стратег – это явление совершенно другого порядка. В этом качестве Сталин был слаб, его стратегические решения неизменно бывали ошибочными и приводили к огромным потерям как во внутренней, так и особенно во внешней политике. Трудно даже представить, почему они были допущены, если только не принимать во внимание диагноз, поставленный В.М. Бехтеревым. Таким был просчет Сталина в 1929 г. по поводу предстоящей якобы мировой революции, когда была задана определенная линия Коминтерна. По мнению Волкова, его внешнеполитический просчет в отношениях с Гитлером находился в том же ряду. И после войны он не смог найти оптимального курса отношений с западными державами и политики СССР в германском вопросе. Он исходил из своих собственных представлений, а не из реальной действительности. В этом можно видеть и причины многих наших неудач в начальный период войны.

От составителя. Полемичное выступление В.К. Волкова обнажило комплекс вопросов, связанных с внешней политикой СССР весной 1941 г., которые требуют более пристального внимания, углубленной разработки и, по всей видимости, более веской аргументации. В противном случае трудно было бы себе представить, что тезис о советской политике умиротворения Германии получит "подкрепление" в виде такого факта как назначение Сталина пред-

седателем Совнаркома или утверждения, что "Сталин сделал все, чтобы не только подготовить такую встречу (с Гитлером. – С.С.), но и сделать ее возможной". Что касается назначения Сталина на пост главы СНК, то, как показали последние исследования, ему предшествовала целая серия реорганизационных мероприятий в высших органах власти, начавшаяся в январе и завершившаяся во второй половине марта 1941 г. принятием двух совместных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В результате центр принятия решений по важнейшим государственным вопросам однозначно перемещался в правительство, а процедура их утверждения в Политбюро фактически ликвидировалась. "В этих условиях, – приходит к выводу О.В. Хлевнюк, – самоназначение Сталина председателем СНК было лишь вопросом времени и подходящего момента" [52. С. 279].

Если все же допустить, что Сталин мог стремиться к встрече с Гитлером в мае–июне 1941 г., то неизбежно возникает вопрос: что было сделано для организации подобной встречи советской стороной? По сути дела ничего, если не считать появления Деканозова 1 мая на трибуне мавзолея рядом со Сталиным и публикации Сообщения ТАСС от 13 июня, хотя, как известно, встречи на таком уровне требуют немалой подготовки. Эпизодические контакты Молотова с Шуленбургом после 4 апреля были посвящены третьестепенным вопросам, то же относится и к беседам Деканозова со статс-секретарем МИД Э. фон Вайцзеккером в этот же период (с Риббентропом встреч вообще не было). Так, Вайцзеккер отметил в сообщении для рейхсминистра после беседы с Деканозовым 18 июня, что последний ни единым словом не коснулся состояния германо-советских отношений [9. Bd. XII. 2. Dok. 646. S. 875]. Для сравнения упомянем лишь, что когда Берлину нужно было в августе 1939 г., чтобы Риббентропа приняли в Москве, то Шуленбург чуть ли не каждый день, а то и дважды в день добивался приема у Молотова.

Советская политика умиротворения Германии началась не со "сцены на вокзале" 13 апреля, а значительно раньше – уже на заключительной стадии подготовки нового торгово-экономического соглашения, подписанного 10 января 1941 г., когда Кремль согласился удовлетворить требования третьего рейха в стратегическом сырье даже за счет собственных резервов [26. S. 246–254]. И эта политика неуклонно осуществлялась вплоть до 22 июня 1941 г., охватывая все новые сферы двусторонних отношений, даже когда в марте советское руководство попыталось "поиграть" в активность на балканском направлении.

В связи с этим возникает вопрос: а были ли аномалии во внешней политике Сталина весной 1941 г.? Ведь, пытаясь переиграть всех своих противников на международной арене, он, пойдя на соглашение с Гитлером, не отстаивал внешнеполитические интересы Советского Союза, как считают некоторые историки [14. С. 238], а реализовывал свои внешнеполитические амбиции, загнав тем самым страну в им же созданный тупик. Тщетные поиски выхода из этого внешнеполитического тупика, приобретшие формы своего рода маниакального стремления любыми способами оттянуть войну с Германией, свидетельствовали о том, что Сталин просто не понимал сущности Гитлера-политика, признававшего только один аргумент – силу. И те конвульсии на международной арене, которые демонстрировал Кремль весной 1941 г., в полной мере отражали эту неадекватную оценку происходившего, будучи закономерными, а не аномальными действиями одного тоталитарного режима по отношению к другому.

Заслушанные на "круглом столе" сообщения и развернувшаяся дискуссия еще раз высветили проблемы, весьма характерные для современной российской историографии внешней политики СССР. Отсутствие или недоступность многих документов, позволяющих реконструировать процесс принятия решений в Кремле по внешнеполитическим вопросам – только одна из них и при том не самая главная.

И сегодня мы сталкиваемся с теми же трудностями, что и в прежние годы: усилия историков, занимающихся внешней и военной политикой СССР и международными отношениями второй половины 1930-х – начала 1940-х годов, распылены; в своих исследованиях они преимущественно опираются на какую-то часть опубликованных или ставших доступными архивных документов, не уделяя обычно сколько-нибудь серьезного внимания работам своих коллег, не говоря уже об исследованиях зарубежных историков, которые, как это ни парадоксально, имеют и в наше время определенные преимущества в изучении советской истории по сравнению с их российскими коллегами; изучение внешней и военной политики СССР предвоенного периода, как правило, осуществляется вне тесной связи с внутривнутриполитическими процессами, с характером политического режима и его специфическими чертами,

накладывавшими серьезный отпечаток на внешнюю политику страны; отсутствие или недоступность многих, особенно рабочих (подготовительных) документов, предшествующих тем или иным решениям Кремля, не должно закрывать для исследователя возможность для реконструкции альтернативной ситуации, если, разумеется, в основе гипотетических построений также находятся факты и документы, косвенно подкрепляющие сделанные при этом выводы, а не только сакраментальное "я думаю, что это могло быть так, а это – не так..."; и, наконец, последнее – нынешняя историографическая ситуация. В последние годы в свет вышел ряд индивидуальных и коллективных монографий, сборников, журнальных статей, в которых в большей или меньшей степени затрагиваются различные аспекты внешней, военной и внутренней политики Советского Союза накануне Великой Отечественной войны. Они основываются на различной документальной базе, нередко их авторы придерживаются далеко не совпадающих взглядов и оценок на внешнеполитические планы и действия высшего советского руководства, но они крайне редко становятся предметом серьезного анализа: стремление не только декларировать, но и при необходимости отстаивать свою точку зрения в полемике с оппонентами не является типичным явлением в современной российской историографии. Исключение, пожалуй, составляет дискуссия о намерениях Сталина и планах Генштаба в 1941 г. ("превентивной войне"), получившей уже даже наименование "российского спора историков" [53], которому, правда, не всегда удается сохранять соответствующий научный уровень, не говоря уже о характере полемики. Проведение на протяжении последних лет "круглых столов" в Институте славяноведения РАН преследовало в качестве одной из своих основных целей дать некоторый новый импульс обсуждению проблем 1939–1941 гг., все еще содержащих немало "белых пятен" и по-прежнему сохраняющих дискуссионную остроту, хотя и не всегда заметную.

Материалы "круглого стола" систематизировал
и комментировал С.З. Случ⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000; *Вишнёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000; *Молодяков В.Э.* Берлин – Москва – Токио: К истории несостоявшейся "оси", 1939–1941. М., 2000; *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945 гг. М., 2001.
2. *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Пер. с англ. М., 2001; *Beysrau D.* Schlachtfeld der Diktatoren. Osteuropa im Schatten von Hitler und Stalin. Göttingen, 2000; *Hoffman J.* Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945: Planung, Ausführung und Dokumentation. 8. Aufl. München, 2001; *Magenheimer H.* Entscheidungskampf 1941 – Sowjetische Kriegsvorbereitungen-Aufmarsch-Zusammenstoß. Bielefeld, 2000; *Müller R.-D., Ueberschär G.R.* Hitlers Krieg im Osten 1941–1945. Ein Forschungsbericht. Darmstadt, 2000; *Osborn P.R.* Operation Pike: Britain versus the Soviet Union, 1939–1941. Westport, 2000; *Präventivkrieg?: Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion / Hrsg. von Pietrow-Ennker B.* Frankfurt a. Main, 2000; *Russia in the Age of Wars 1914–1945 / Ed. by S. Pons. a. A. Romano.* Milano, 2000.
3. *Суворов В.* Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; *Суворов В.* День-М.: Когда началась Вторая мировая война? М., 1994; *Суворов В.* Последняя Республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну? М., 1995; *Суворов В.* Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998; *Суворов В.* Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2000.

⁸ Автор выражает благодарность коллегам: доктору ист. наук А.Л. Шемякину, мл. научн. сотр. А.А. Силкину и аспирантке Ю.В. Лобачевой за помощь в организации "круглого стола" и информационное обеспечение публикуемых материалов.

4. *Danilov W.* Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet? // Österreichische Militärische Zeitschrift. 1993, N. 1; *Данилов В.Д.* Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. М., 1995; *Горьков Ю.А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история, 1993, № 3; *Горьков Ю.А., Семин Ю.Н.* Конец глобальной лжи о вероломстве СССР // Военно-исторический журнал. 1996. № 2, 3, 4, 6; *Горьков Ю.А., Семин Ю.Н.* О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5.
5. *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911–1914. Düsseldorf, 1969; *Thoß B.* Der Erste Weltkrieg als Ereignis und Erlebnis. Paradigmenwechsel in der westdeutschen Weltkriegsforschung seit der Fischer-Kontroverse // Der Erste Weltkrieg: Wirkung, Wahrnehmung, Analyse/Hrsg. von W. Michalka. München, 1994.
6. *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. London, 1961; The Origins of the Second World War Reconsidered: The A.J.P. Taylor Debate after 25 Years / Ed. by G. Martel. Boston, 1986.
7. "Historikerstreit": Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung. München; Zürich, 1987; *Maier Ch. S.* Die Gegenwart der Vergangenheit: Geschichte und die nationale Identität der Deutschen. Frankfurt a. Main, 1992; *Schneider M.* "Volkspädagogik" von rechts: Ernst Nolte, die Bemühungen um die "Historisierung" des Nationalsozialismus und die "selbstbewußte Nation". Bonn, 1995.
8. Новая и новейшая история. 2001. № 6.
9. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Baden-Baden; Göttingen, 1950–1970. Ser. D: 1937–1941.
10. *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.
11. *Судоплатов П.А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.
12. *Губианский Л.Я.* Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз // Война и политика, 1939–1941. М., 1999.
13. Документы внешней политики. 1940–22 июня 1941 г. М., 1998. Т. XXIII.
14. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). 2-е изд., исправ. и доп. М., 2002.
15. 1941 год. В 2-х кн. М., 1998.
16. *Гречухин П.Б.* Власть и формирование исторического сознания общества в 1934–1941 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997; *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 20-х – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири). Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.
17. *Сталин И.В.* О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма" // Большевик. 1941. № 9.
18. *Буденный С.М.* Пройденный путь. Главы из четвертой книги // Дон. 1975. № 3.
19. Анастас Иванович Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
20. *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000.
21. Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО).
22. *Bonwetsch B.* Stalins Äußerungen zur Politik gegenüber Deutschland 1939–1941. Quellenkritische Bemerkungen // Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941: die Kontroverse um die Präventivkriegsthese / Hrsg. Gerd R. Ueberschär, Lew A. Bezymenskij. Darmstadt, 1998.
23. Deutsche Geschichte 1933–1945: Dokumente zur Innen- und Außenpolitik / Hrsg. von W. Michalka. Frankfurt a. Main, 1993.
24. The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement / Ed. Mommsen W.J., Kettenacker L. London, 1983.
25. *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993; *Gorodetsky G.* Russian "Appeasement" of Germany – Spring 1941 // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte, 1995. Bd. XXIV. Nr. 2.

26. Волков В.К. Советско-германские отношения и советская политика на Балканах накануне гитлеровского нападения на СССР (осень 1940 – первая половина 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941). М., 1992.
27. Niedhart G. Friede als nationales Interesse: Großbritannien in der Vorgeschichte des Zweiten Weltkriegs // Neue politische Literatur. 1972. Н. 4.
28. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. М., 1998. Книга первая. Суровые испытания.
29. Орлов А. Роковой 41-й: готовил ли Советский Союз нападение на Германию? // Россия XXI. 2001. № 3.
30. Орлов А.С. Гитлер, Сталин и Суворов // Аргументы и факты. 1995. № 15.
31. Маннергейм К. Мемуары. М., 1999.
32. Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12(1). Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.
33. Кульков Е., Мягков М., Ржевский О. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001.
34. Tezić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza. Beograd; Titograd, 1984.
35. Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995.
36. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 413.
37. Стецовский Ю.С. История советских репрессий. М., 1997. Т. 1.
38. Военно-Воздушные Силы Германии и СССР. Документы ЦАМО РФ о состоянии германских и советских ВВС. 1941 г. // Исторический архив. 1998. № 1.
39. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1987. Bd. 4.
40. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 22 июня 1941 г. М., 1994. Т. 13 (2–1).
41. Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942/bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart, 1962–1964. 3 Bde.
42. Бобылев П.Н. Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // Отечественная история. 2000. № 1.
43. Димитров Г. Дневник. 9 март 1933 – февруари 1949. София, 1997.
44. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. М., 1999.
45. Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa": die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau 1939–1941. Berlin; Frankfurt a. Main, 1991.
46. Вишлёв О. Дезинформационная политика Гитлера накануне нападения на СССР // Россия XXI. 2001. № 3.
47. Whaley B. Codeword "Barbarossa". Cambridge (Mass.); London, 1973.
48. Goebbels J. Die Tagebücher. / Hrsg. von E. Fröhlich. München, 1998. Teil I. Bd. 9.
49. Городецкий Г. Канун войны: Сталин и дело Гесса // Вопросы истории. 1992. № 11–12.
50. Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945 / Hrsg. von W. Hubatsch. Frankfurt a. Main, 1962.
51. Schmidt R.F. Der Hess-Flug im Kalkül der britischen Kriegsdiplomatie Mai–Juni 1941 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1994. Н. 1.
52. Хлевнюк О.В. Сталин и Молотов. Единичная диктатура и предпосылки "олигархизации" // Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сб. статей. М., 2000.
53. Boroznjak A.I. Ein russischer Historikerstreit? Zur sowjetischen und russischen Historiographie über den deutschen Angriff auf die Sowjetunion // Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941: die Kontroverse um die Präventivkriegsthese / Hrsg. von G.R. Ueberschär, L.A. Bezymenskij. Darmstadt, 1998; Voß S. Stalins Kriegsvorbereitungen 1941: erforscht, gedeutet und instrumentalisiert: eine Analyse postsowjetischer Geschichtsschreibung. Hamburg, 1998.

К 80-ЛЕТИЮ АКАД. Н.И. ТОЛСТОГО
ИЗ СЛОВАРЯ "СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ"¹

В 2002 г. началась работа над 4-м томом словаря "Славянские древности" под общей редакцией Н.И. Толстого (Т. 1. А–Г. М., 1995; Т. 2. Д–Крошки. М., 1999; Т. 3. Круг–Переправа через воду. В печати). Продолжая публикацию предварительных версий словарных материалов, авторы представляют на этот раз несколько статей, подготовленных к 4-му тому, которые посвящены не элементам отдельных кодов символического языка народной культуры (предметам, действиям, лицам, мифологическим персонажам, животным, растениям и т.д.), как это было в предыдущих подборках, а целостным (не расчлененным на отдельные элементы и коды) обычаям и обрядам, представляющим собой "разнокодовые" культурные "тексты". Эти комплексные символы отличаются более сложной структурой, их семантика строится на основе взаимодействия всех обрядовых компонентов – акциональных, предметных, персональных, локативных, темпоральных и т.д., каждый из которых вносит свой акцент в общее смысловое поле обряда. Доминантную и объединяющую роль при этом играет **прагматика** обряда, его назначение, его направленность на достижение определенной цели – защитной, продуцирующей или прогностической, а также использование в обряде универсальных механизмов воздействия на окружающий мир.

В публикуемых статьях раскрываются разные аспекты народной традиции: статья "Пост, поститься" дает представление о том, как осмысляется в народном сознании религиозная категория поста и как она "оформляется" средствами традиционной культуры и включается в ритуальную и бытовую практику. В статье "Проращивание" в поле зрения оказывается конкретный магический прием, его применение и функции (главным образом прогностические), тогда как статья "Распознавание мифологических персонажей", наоборот, исходит из функции (цели) и очерчивает связанный с ней круг конкретных ритуальных приемов и действий. В статье "Пускать по воде" описывается обрядовое действие, имеющее медиативное значение.

ПОСТ, поститься – воздержание от скоромной пищи; в обрядовой практике – магический прием.

Чередование постов и мясоедов лежит в основе церковного христианского и народного славянского календарей. Православные славяне соблюдали четыре поста: Великий пост, а также Петров, Успенский и Филипповский (или Рождественский; у католиков – адвент). В течение недели постными днями считались среда и пятница; достаточно широко (особенно среди пожилых людей) было распространено и "понедельничание". В некоторые праздники (в Навечерие Богоявления, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи и на Воздвижение) соблюдались однодневные посты. В постное время категорически запрещалось потребление мясной и молочной пищи, а также яиц; что же касается рыбы, то у католиков ее можно было есть во время постов,

¹ Продолжение. Начало см.: 1993, № 6; 1994, № 2, 3, 5; 1995, № 3; 1996, № 5; 1997, № 4, 6; 1998, № 6; 1999, № 6; 2001, № 2, 6.

у православных же обычно – только во время больших праздников, приходящихся на время поста (например, на Благовещение, Вербное воскресенье), а также иногда по субботам и воскресеньям в течение поста.

Длительное пощение проецировалось на мир вещей. В быту нередко различалась "постная" и "скоромная" посуда. Среди русских колоколов появлялись специальные, в которые благовестили во время поста, например, "Голодарь", и т.д.

Отношение к нарушению поста было различным и зависело как от того значения, которое придавалось тому или иному посту, так и от особенностей местных традиций. русские наиболее строго соблюдали Великий и Успенский посты, кануны Рождества и Крещения и однодневные посты [1. С. 114]. В это время ели не чаще двух раз в день, не пели светских песен (а только псалмы и духовные стихи), рассказывали исключительно назидательные сказки с моралью, не ссорились между собой, мужики не пили водку. В период Великого поста самый строгий пост (с отказом от пищи и воды) соблюдался восточными и западными славянами в Страстную пятницу (так называемый *сухой* или *полный пост*), а у балканских славян – в начале поста, в его первые три дня (ср., например, серб. *тример*), когда в течение одного или трех дней люди практически ничего не ели и не пили. Как и многие посты, этот также имел свое особое назначение. Соблюдая его, девушки в Скопской Котлине якобы искупали грехи своих родителей [2. С. 39]; в Страндже девушки постились, чтобы удачно выйти замуж; женщины – чтобы попасть после смерти в рай; все вместе – чтобы на "том свете" у их душ были еда и питье [3. С. 327].

В недели больших праздников (на масленичной, пасхальной и троицкой неделях) постные дни, наоборот, отменялись и скоромную пищу разрешено было есть всю неделю без ограничений (такие недели назывались "сплошными" или "одинаковыми", ср. серб. *редовача*, *редовна недела* [2. С. 388]). Малолетние дети (до 3 лет), беременные и кормящие женщины, старики, больные и путешествующие обычно освобождались священником от постовых ограничений.

Посмертные наказания за нарушения поста описаны в том числе в русских обмираниях (рассказах о посещении людьми "того света" во время летаргического сна): в них сообщается, что за несоблюдение поста женщина должна есть червей, то живых, то дохлых, причем в разложенном виде [4. С. 71].

Канун любого поста, так называемое заговенье, было временем, когда люди воздерживались от работы, обильно ели и веселились в преддверие постовых ограничений. Завершение постового времени тоже воспринималось как праздник и часто сопровождалось ритуальным уничтожением какого-нибудь предмета, символизирующего пост. Западные славяне на Страстной неделе уничтожали постную похлебку (называемую у поляков "жур", а у словаков "кисель") как основную пищу периода Великого поста, вешали сделанную из дерева "сеledку" и сжигали растительное масло. В Польше уничтожение "жура" называлось в том числе и *pogrzebanie postu* (погребение поста). Словенцы, ломая и разбивая старую деревянную посуду и мебель на Страстной неделе, говорили, что тем самым они "толкут пост". В Поволжье перед Рождеством делали из соломы чучело, которое относили в поле и сжигали в конце Филипповского поста, тем самым "провожая Филиппа" [5. С. 11]. Аналогичные представления о материальности, "вещности" времени (в данном случае – времени поста), которое якобы способно к перемещению в пространстве, отразились, например, в том, что, объясняя детям, куда деляся пост, мораване показывали на крышу соседнего дома, где пост якобы "спрятался" [6. С. 11].

Религиозные соображения также играли свою роль в выборе способов и форм поста. Православные считали, что люди, неожиданно выздоровевшие после соборования, до конца жизни обязаны были соблюдать пост: им нельзя было есть скоромного, пить спиртные напитки, жениться, ссориться и т.п. [7. С. 52]. Русские старообрядцы были убеждены, что только тот человек, который перед смертью принял покаяние и успел попоститься 40 дней, имел право быть похороненным по принятому у старообрядцев чину. Для не успевших как следует попоститься находился выход:

старушки, отпостившиеся за самих себя заблаговременно, получали право поститься "за покойного": для этого шесть старушек постились по три дня до и после его похорон [7. С. 52–53]. У восточных славян пожилые люди часто постились не только по средам и пятницам, но также и по понедельникам (часто в качестве личного "обещания", особенно при чудесном избавлении от какого-нибудь несчастья). Они верили, что, когда они умрут, св. Понедельник как проводник душ проведет их души через все мытарства к Божьему престолу [8. С. 311, 316]. Более строго, чем это требовалось, постились в России и "вековуши" – старые девы, не ушедшие в монастырь, но ведущие крайне строгий образ жизни и фактически удалившиеся от мира, живущие отдельно от своих семей.

Пост расценивался также как способ достижения сакральной чистоты. У поляков над Рабой священнослужитель, которому вскоре предстояло освятить специальный колокол, предназначенный для отгона градовых туч, должен был провести в молитвах девять дней и при этом ничего не есть и не пить [9. S. 552]. У сербов и македонцев перед семейно-родовым праздником "слава", отмечаемым в честь святого патрона-покровителя, принято было поститься "за славу" всей семьей в течение целой недели (если, конечно, сама "слава" не приходилась на время поста) [10. С. 18, 28]. В России достаточно долго соблюдалось древнее требование церковного устава, сформулированное в 50-й главе Кормчей книги, – о запрете жениху и невесте есть перед венчанием, для чего ложки молодых за общим столом перед венчанием поворачивали ручками к центру; во многих местах от еды и питья воздерживались также родители брачующихся. По народным представлениям, соблюдение поста и воздержание от плотских удовольствий в столь ответственный момент жизни благоприятно влияло на будущую семейную жизнь, было залогом счастья и супружеской верности [11. С. 117–118].

В мифологии юго-западной Украины, Карпат и Бесарабии были известны предания о рахманах – блаженном и священном народе, жившем где-то под землей, у великих вод; рахманы – христиане, они якобы говели в течение целого года (ср. известное на Украине выражение "*Постимо, як Рахмани*") и разговлялись на свой, Рахманский, Великдень, раз в год, деля одной яйцо между 12 рахманами [12. С. 243].

В традиционной культуре индивидуальный и групповой посты считались действенным магическим средством, способствующим приобретению человеком особого знания. В Угорской Руси верили, что постящийся в первый день Пасхи сможет во время церковной службы распознать ведьму [13. С. 7]. Словенцы полагали, что девушка, постящаяся в течение трех дней накануне праздника Трех королей, сможет заполучить любого парня, которого захочет [14. S. 294]. Белорусы, считали, что, для того, чтобы в поминальные дни увидеть пришедшие в дом души умерших, надо было весь день накануне провести в посте и молчании [15. С. 173, 177].

Пощение использовалось и как апотропеическое средство: русские заставляли воздерживаться от скоромной (а иногда и от любой) пищи жениха и невесту в день венчания, чтобы ничто не могло повредить им (в том числе чтобы избежать порчи через еду и питье) [11. С. 117–118; 5. С. 205]. Белорусы считали, что у того, кто постится в пасхальную среду, поля не пострадают от града [16. № 1928].

Потребление пищи через рот соотносилось с пастью дикого животного, грызуна или птицы, портящей посевы или нападающей на скот. Поэтому чтобы обезопасить поля от птиц и полевых вредителей, а скот от нападения хищников, в определенные моменты прибегали к пощению как к средству, ограничивающему еду вообще. На Витебщине женщина, начинающая жатву, должна была поститься с обеда до ужина, чтобы впоследствии мыши и птицы не ели сжатого хлеба [16. С. 111]. У болгар, чтобы на овец не нападали волки, принято было поститься каждую пятницу [17. С. 99].

Пост был и искупительной жертвой. Так, в Белоруссии при потере тельного крестика, чтобы предупредить несчастье, строго постились три пятницы подряд [8. С. 302], а болеющие лихорадкой считали необходимым поститься по субботам [8.

С. 316]. В России было известно даже особое понятие "лекарственный пост", который соблюдался теми, кто хотел излечиться от какой-либо болезни. Особый смысл придавался посту, соблюдаемому на Пасху во время всеобщего разговления. Так, поляки верили, что недельный пост на Пасху и в Рождество поможет им избавиться от эпилепсии больного родственника [18. С. 198].

Люди постились и с целью добиться приумножения хозяйства. Так, на Витебщине считали, что если "широ" (искренне и всухую) поститься в пятницу перед Благовещением или в Чистый понедельник, то летом человек будет удачлив в поиске яиц диких птиц [16. № 1885, 1892]; пчеловоды не ели и не пили ничего в Сочельник до самой зари, чтобы у них лучше роились пчелы [16. С. 233]. В украинском Полесье, а также в других местах хозяева и пастухи постились в Юрьев день, чтобы скот хорошо плодился и его не задрали волки [19].

Популярным у славян было пощение девушек перед гаданиями о замужестве. Девушки верили, что если ничего не есть в Андреев день (30, XI), в праздник Трех королей (у хорватов) или в Рождественский сочельник (у сербов-границар) и лечь спать голодной, то можно увидеть во сне жениха [20].

Вместе с тем постные дни, которых в течение года было немало, воспринимались как неудачные с хозяйственной точки зрения и символически ассоциировались с бедностью, голодом и неурожаем. Болгары и гуцулы считали, что, если Юрьев день придется на среду или пятницу (как постные дни), в течение года коровы и овцы будут давать молока меньше чем обычно [17. С. 35; 12. С. 248]. На Русском Севере из тех же соображений старались не выгонять коров первый раз на пастбище в постный день [21. С. 39]. Русские Владимирской губ., полагали необходимым подкладывать под наседку лишь те яйца, которые были снесены в скоромные дни (вторник, четверг, субботу), иначе из них не вылупятся цыплята [22. С. 128]. Жители Угорской Руси не крестили детей в постные дни, иначе ребенок никогда не будет богатым [13. С. 20]. Изредка, впрочем, постные дни считались благоприятными в хозяйственном отношении: полешуки верили, что в постные дни хорошо сажать овощи и закладывать зерна в амбары на зиму: черви и мыши будут "поститься" и не тронут хлеба и овощей.

© 2002 г. Т.А. Агапкина, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
2. Филиповић М. Обичаји и веровања у Скопској Котлини // Српски етнографски зборник. Београд, 1939. Књ. 54.
3. Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.
4. Пугин А.В., Разумова И.А. Эсхатологические мотивы в русской народной прозе // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1995.
5. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л., 1985.
6. Bartoš Fr. Moravský lid. Telč, 1892.
7. Листова Т.А. Похоронно-поминальные обычаи русских // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993.
8. Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вильна, 1912. Вып. 6.
9. Świętek J. Lud nadrabslki od Gdowa po Vochnię. Kraków, 1893.
10. Гласник Етнографског музеја. Београд, 1931. Књ. 6.
11. Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 2.
12. Шухевич В. Гуцульщина. Ч. 4 // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1904. Т. 7.
13. Жаткович Ю. Замітки етнографічні з Угорської Руси // Етнографічний збірник. Львів, 1896. Т. 2.
14. Kuret N. Praznično leto Slovencev Celje, 1970. D. 4.
15. Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск, 1986.
16. Никифоровский Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.

17. Колева Т. Гергьовден у южните славяни. София, 1981.
18. Karwicka J. Kulturaludowa ziemi Dobrzyńskiej. Warszawa etc., 1979.
19. Полесский архив Института славяноведения РАН, Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.
20. *Mijuškovih M.* Љубавне чини. Београд, 1985. С. 47; *Lukić L.* Varoš. Narodni život i obiĉaji // Zbornik za narodni život i obiĉaje Južnih Slavena. Zagreb, 1924. Knj. 25/2. S. 294; *Беговић Н.* Живот и obiĉaji Срба граничара. Београд, 1986. С. 113.
21. Традиционная русская магия в записях конца XX века / Сост. С.Б. Адоньева, О.А. Овчинникова. СПб., 1993.
22. *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3/4. С. 128.

ПРОРАЩИВАНИЕ зерна, семян – ритуальное действие, совершаемое для обеспечения урожая зерновых в предстоящем году, а также для получения растений, наделяемых чудодейственной силой.

Пророщивание злаков – обычай, связанный с идеей плодородия. Он известен славянам и восходит к выращиванию так называемых садов Адониса, обычаю, известному многим народам как в древности, так и в наши дни. В древней Греции церемония смерти и воскресения Адониса предстает в виде театрального действия, изображающего умирание и возрождение растительности. В горшки, миски с землей сеяли пшеницу, ячмень, салат, укроп, цветы, за садиками ухаживали женщины, поливая их, а по истечении восьми дней зеленые всходы вместе с изображением Адониса бросали в воду. Обряд служил магическим средством воздействия на рост прежде всего культурных растений (злаковых), от урожая которых зависела жизнь людей. Погружение садов в воду также было магическим приемом обеспечения посевов необходимой влагой. Ср. обливание водой человека, принесшего первый сноп, жатвенный венок с поля домой и под. Обряды, призванные обеспечить влагой хлебные нивы в будущем году, известны и славянам.

Обряд пророщивания злаков к большим годовым праздникам известен балканским славянам – словенцам, сербам, хорватам, македонцам. Имитируя рост посевов в домашних условиях, рассчитывают получить хороший урожай зерна в поле. Быстрый рост пшеницы и овса в садах Адониса в горшках должен содействовать дружным всходам злаковых на полях. В Югославии наиболее распространены рождественско-новогодние сады (*култни вртић*) [1. С. 59, 61]. Этот обычай жив до сих пор во многих местах страны. К Рождеству, к Пасхе, "славе" (праздник в честь патрона-покровителя дома, семьи, рода) в северо-западной части Югославии было в обычае сеять зерно в горшке, чтобы до Рождества оно проросло и зазеленело, и стало украшением праздничного стола. В молодые зеленые всходы ставили свечу. В центральной Сербии сады накануне праздника обязательно бросали в источник, без мотивировки этого действия (ср. древнегреческий обряд, который заканчивался обязательным бросанием сада в море, реку). В Хорватии (область Лика) пророщивают злаки перед своей родовой "славой", а в Боснии (область Козара) пшеницу сеют перед каждой "славой". В некоторых селах Лики полагают, что сев злаков в Рождественское утро будет способствовать прибавлению веса зерна, растущего в поле. Выросшей на тарелке зеленью украшают рождественские хлебы. В Бачке выращивают сады Адониса на св. Люцию [2. С. 211]. В Македонии время посева смещено с зимних праздников на весну. На юго-западе страны сеют на Крстовдан и в день св. Иоанна. Близ Битоли зерно сеют в горшок первого марта. Всходы несколько раз подстригают и дают скоту, "закармливают", чтобы был здоров и хорошо и много плодился. Проросшим в горшке злакам приписывалась магическая сила. У хорватов в разных местах отмечается такой обычай: молодежь выдергивает колосья (стебли) из сада Адониса: парни затыкают их за шляпу, а девушки втыкают в волосы. В Хорватском Загорье парни верят, что такое украшение поможет им завладеть избранницей. В Герцеговине (около Сараева) считали, что каждый из домохозяев должен съесть несколько стебельков из

рождественского сада. Обязательно давали зеленые всходы скоту, чтобы он был плодовитым, здоровым, а коровы давали больше молока (словенцы, хорваты). Подобные поверья изредка встречаются у сербов и македонцев [2. С. 217]. О садах Адониса у словенцев писал Н. Курет. М. Гавацци, говоря об этом обряде у хорватов, заметил, что раньше этот обычай был менее распространен, чем сегодня [1. С. 61].

Проращивание злаков с целью повлиять на будущий урожай совершается во многих восточнословацких городах (Кошице, Прешов) и селах этого региона: хлебные зерна сеяли в горшки, начиная с дня св. Микулаша (6 XII) или Люции (13 XII), чтобы получить зеленые всходы и обеспечить тем самым богатый урожай, обилие хлеба в наступающем году. Молодые зеленые побеги клали на рождественский стол, иногда относили в костел на алтарь. Выросшую зелень называли *luciovou, vianočnou rženicoi* или *ožiminami* [3. С. 81]. В Польше (Краков) сады Адониса выращивают к Пасхе, в проросшие зеленые злаки (иногда это могут быть и другие растения, обладающие способностью быстро дать обильную зеленую массу) помещают игрушечного барашка. Возможно, это недавняя инновация, а не реликты древнего обряда (наблюдение автора).

С.М. Толстая обратила внимание на то, что в описываемом обычае проращивания злаков в сжатом виде "проигрывается" весь аграрный цикл выращивания хлеба с тем, чтобы обеспечить плодородие нивы в наступающем году, для чего в ритуале используется магия компрессии времени. Ср. использование этого магического приема в гаданиях о погоде на год вперед, в обрядах изготовления обрядных предметов (рубахи, полотенца), сооружения обрядных крестов и церквей. Этот же прием лежит в основе фольклорного мотива "житие" растений и предметов [4. С. 65–66]. Например, в играх с аграрной тематикой, имеющих магическое продуцирующее значение, за время игры проигрывается весь процесс возделывания какой-нибудь культуры (проса, мака, конопли).

Кроме того, проращивание семян растений использовали в разного рода магической практике. Особый статус приобретали растения, проросшие через голову убитой в определенный день змеи. Змея как хтоническое существо, передавала этим растениям магическую силу, они использовались как апотропейное, потенцирующее и волшебное средство. Применялись они и для нанесения порчи. Особо почитались базилик, бобы, горох, лук, чеснок, гречиха, которые специально выращивали для магических целей, причем, в некоторых случаях следовало дожидаться не только появления зеленых побегов, но и цветения и даже плодоношения.

Апотропейная функция. Лук, проросший через голову змеи, помогал женщине, у которой умирали дети (болг.) [5. С. 59]. Гуцулы спасались от лесных духов, натеревшись чесноком, полученным следующим образом: отрезав голову змее, пойманной в Юрьев день, вкладывали ей в пасть чеснок и сажали на грядку. Выросший чеснок должен быть красного цвета. Его-то и использовали в качестве оберега от *lešnych* (Гуцульщина) [6. С. 158]. Перья или долька чеснока, проросшего через голову змеи, носят как амулет, охраняющий от ведьмы (Сербия), от болезней (Болгария). Горох, полученный таким образом, оберегает от змеиного укуса (Македония). На Украине записан старинный рецепт, в котором советую оградить свою пасеку от посягательств на нее с помощью гречихи, посаженной и выросшей из головы змеи, увиденной первый раз весной. Три зерна гречихи вкладывали в пасть змеи и сажали где-нибудь на пасеке, поливали каждый день до восхода солнца. Когда гречка вырастет и зацветет, цвет следует сорвать, высушить, стереть в порошок и подмешать его в сыту (корм для пчел). После этого можно было не опасаться, что кто-нибудь найдет своих пчел на эту пасеку. Составитель рецепта предупреждал, что воск с этих пчел нельзя давать на церковь, потому что он нечистый (Каневский уезд Киевской губ.) [7. С. 322].

Одним из способов магического **распознавания нечистой силы** было использование растений, проросших через голову змеи, убитой ранней весной, первой увиденной весной или в определенный день. Чаще других упоминаются первое марта, день Со-

рока мучеников (9 III), Благовещение ((25 III/7 IV), Пасха, Петров день. Иногда это могла быть любая змея. В ряде случаев обязательным требованием было у живой змеи отсечь голову. С помощью такого базилика можно увидеть дьявола и нечистую силу (болгары). Закарпатские украинцы уверены в том, что если положить перья чеснока, проросшего через змеиную голову, под шапку, можно увидеть босорку (ведьму), выходящую из церкви после службы [8. С. 241]. Распознать ведьму можно было с помощью цветка гороха, проросшего через змеиную голову и воткнутого в шапку (Далмация). В Сербии и Боснии распространено верование в магическую силу чеснока, гороха. Перья чеснока клали под язык, прикрепляли к шапке, зашивали в пояс и шли в церковь на службу; вештицы обнаруживали себя тем, что просили отдать чеснок [9. С. 330]. Кроме того, человек, обладающий чудодейственным чесноком, получает способность сверхвидения, сверхпонимания, сверхзнания. Он может увидеть черта, остаться незамеченным им и заставить черта выполнять любые желания (сербы близ Чачака). Первого марта или в Юрьев день убивают змею, кладут дольку чеснока в ее голову и сажают в саду. Вырастив дольку такого чеснока, человек может видеть злых духов, оставаясь невидимым, и получает власть над ними (Болгария). Иногда время получения и использования чудесного растения растягивалось. Украинцы на Карпатах, убив змею на Благовещение, на Пасху в ее голову клали зубец чеснока и закапывают в огороде, на Ивана Купалу утром, раздевшись донага, следовало сорвать одно перышко проросшего чеснока и носить его на голове, под шапкой, что делало человека невидимым. В Чехии браконьеры в последние три дня Страстной недели (четверг, пятница, суббота) каждый раз вкладывали по одной горошине в глазное отверстие и челюсть убитой змеи, затем закапывали череп и притискивали его камнем. Из боковых побегов проросшего гороха сплетали венок, надевали его на голову под шляпу, а в рот клали горох, проросший из пасти змеи. После этого они смело шли на охоту, будучи невидимыми и неслышимыми ни для людей, ни для зверя [10. С. 109]. Чехи полагают, что съев первый стручок гороха, выращенного из головы змеи, человек приобретает способность понимать разговор гусей.

Прочая магия. Хорваты Истрии, чтобы узнать, честная ли невеста, прибегали к такому испытанию: пекли хлеб из бобов, проросших через голову змеи и смолотых в муку, подносили его к ее лицу. Если девушка не сохранила девственность до свадьбы, вокруг ее головы вместо венка были видны змеи [9. С. 330]. Коноплей выросшей из головы змеи, оплетали кнут и гнали им скотину на базар, полагая, что это будет способствовать легкой и быстрой продаже (Хорватия). С помощью таких растений могли наносить и порчу. Так, в пинском Полесье с этой целью подмешивали в питье тертый сушеный горох, специально выращенный из пасти змеи, и человек, это выпивший, начинал сохнуть [9. С. 331]. Трава, прорастающая сквозь глазные впадины брошенного конского черепа, использовалась знахарями для чар (Украина) [11. С. 636]. Чтобы кобыла не жеребилась, ей давали овес, выросший внутри бороны [8. С. 236].

Любовная магия. В Болгарии проращивали семена базилика через голову змеи, и девушки использовали такой базилик, чтобы привлечь к себе парней (Софийский округ) [12. С. 34]. Мужчины носят при себе чеснок, полученный таким образом, как приворотное средство (сербы), горох способствовал вступлению в брак холостяков и старых дев (македонцы области Скопье). Пшеничным зерном, выращенным таким же способом, стремились дотронуться до того, кого хотели приворожить (южные славяне).

Лечебная магия. Базилик, чеснок, посаженные на Благовещение или в день св. Георгия в голову змеи, у болгар считаются целебными. Им окуривали больных во время припадка эпилепсии. С помощью проросшего через голову змеи зерна пшеницы лечили заболевший скот. У русских во время приступа лихорадки больная приносил в руке несколько хлебных зерен, сеял их, а когда они прорастали, должен был их растоптать. Полагали, что после этого болезнь пройдет [13. С. 135].

В гаданиях. По количеству проросших через голову змеи бобов бездетная женщина определяла количество детей, которые должны были у нее родиться (болгары Родоп) [5. С. 59]. Девушки, желавшие узнать свою судьбу, в день св. Анны сеяли в горшок зерна пшеницы и загадывали: если на Новый год появится зелень в горшке, можно ожидать сватов (болг.). В Словакии в день св. Люции (13 XII) по посеянному в горшок овсу гадали об урожае в наступающем году.

© 2002 г. В.В. УСАЧЕВА, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Belaj V.* Recentni t. zv. adonisovi vrtíci kod naroda Indije i Jugoslavije i problem njihove historijske povezanosti // *Etnološki pregled*. Beograd, 1981. Knj. 16.
2. *Белай В.* Божино жито (култни вртићи код православног становништва у Југославији) // ГЕМБ. 1991. Knj. 54–55.
3. *Markuš M.* Obradný štedrovečerný chlieb na východnom Slovensku // *Slovenský národopis*. Bratislava, 1972. R. 20.
4. *Толстая С.М.* Аксиология времени в славянской народной культуре // *История и культура. Тезисы конференции*. М., 1991.
5. *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1989.
6. *Schnaider J.* Z kraju Hucułów // *Lud. Lwów*, 1900. T. 6.
7. *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1897. Вып. 2.
8. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого*. М., 1995. Т. 1.
9. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
10. *Haniš J.* Vájeslovní kalendář Slovanský čili pozůstatky pohansko-svátečních obřadů slovanských. Praha, 1860.
11. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1.
12. *Беновска-Събкова М.* Змеят в български фолклор. София, 1992.
13. *Мандельштам И.* Опыт объяснения обычаев индоевропейских народов, созданных под влиянием мифа. СПб., 1882.

ПУСКАТЬ ПО ВОДЕ – обрядовое действие, имеющее преимущественно медиативное значение; магический способ передачи из "этого" света на "тот" некоторых предметов или сообщений. Мифологической основой пускания по воде служит космологическое представление о движении вод из центра мира, сверху вниз, с востока на запад, с неба на землю, с земли в "нижний мир", ср. в бел. заговоре: "Чарналутка-рака! Адкуль ты цякла? – Из усходу на заход, із падлунных зор, з-пад жаркага сонца, із-пад яснага месіка" [1].

Пускание по воде имело характер жертвы, предназначенной как христианским персонажам, так и демонам, хозяевам стихий, предкам и т.п. В Сербии, умываясь у источника на Крещение, люди спускали в воду несколько цветков базилика со словами: "Богу и святому" [2. С. 356]. Украинки Галиции, вытаскивая коноплю из воды, бросали по течению одно перевясло конопли для Богородицы [3. С. 218]. Паломники у Светлояра, совершив обход озера, прикрепляли свечи на палочки и щепки и пускали их в воду [4. С. 152]. В Заонежье в качестве жертвы водяному перед началом рыбной ловли рыбаки спускали на воду тряпицы с четверговой солью и высушенные четверговые хлебцы [5. С. 41]. В России во время половодья брали кусок хлеба, солили его и пускали по воде со словами: "Хлеб, соль честная, плыви, куда хочешь, тебе добрый путь, а мне оставь крепкое здоровье!" [6. С. 58]. В Калужском кр. в день Сорока мучеников пекли и ели фигурные хлебцы, называемые "жаворонки", при этом дети съедали "жаворонка" не целиком: они отламывали у них головки и кидали в реку, "чтобы не помирали мужики и бабы" на "деды" [7. С. 44].

Пускание по воде обрядовых хлебов зафиксировано у восточных и южных славян в составе многих весенних праздников.

По-видимому, жертвенный характер имел обычай пускать по воде первый продукт, прежде всего первые плоды нового урожая. Сербы пускали по воде первую скошенную луговую траву и первую собранную кукурузу [8. С. 107]; болгары – первое надоенное у овец в Юрьев день молоко или сыворотку, оставшуюся от изготовления первого сыра [9. С. 34]; первый хлеб, часто сырой [10. С. 221]; первые нитки, спряденные девочкой [10. С. 228].

Предметы, отправляемые по воде, часто предназначались умершим. Хорваты пересылали таким образом утопленнику свечу, которую не успели зажечь в момент его смерти: для этого ее втыкали в поминальный хлеб и пускали его по течению реки [11. С. 47–48]. Такого рода магические акты могут быть включены в более широкий круг ритуалов, в основе которых – разнообразные формы "относов" на воду или к воде (особенно проточной) тех или иных предметов, формы, связанные с представлением о воде как о сакральном пути на "тот свет". В белорусском Полесье на "деды" в семьях, где были утопленники, пищу для них носили не на кладбище, а сложив собранные с ужина блюда в отдельную мисочку, относили на реку и пускали ее по воде [12]. На Фоминой неделе куряне пускали по воде пасхальную скатерть с крошками и яичной скорлупой ("чтобы утопленников помянуть") [13. С. 76].

В сербском и румынском Банате и на востоке Сербии широкую известность получил обычай, называемый *изливање*, или *пуштање воде мртвима* и состоящий в пускании (переливании) проточной воды, предназначенной поименно каждому из умерших. Женщины наполняли водой из реки сосуд и тут же выливали ее обратно, при этом они называли по очереди имена всех умерших, которым вода предназначалась [14]. У западных украинцев бытовало поверье о мифическом народе – рахманах, живущем у великих вод, под землей, там, куда стекаются все реки. У рахманов не было собственного счета времени, поэтому люди сообщали им о наступлении Пасхи, для чего в Страстной четверг они пускали по воде яичные скорлупки, которые доплывали до рахманов [15].

Как отголосок близких мифопоэтических воззрений можно рассматривать многочисленные мотивы народных песен, где пускание по воде осмысляется как действие, связующее не только "тот" и "этот" свет, но и само земное пространство, и преодолевающее его дискретность, ср. в украинской лирической песне: "Отдав мене мій батенько та за воеводу, / У чужий край, сторононьку, далеко од роду. / Ой, вирву я з рожи квитку та пуцу на воду: / – Плывы, плывы, з рожи квитку, аж до мого роду..." [17. С. 252–253].

Наиболее широкую известность у славян получил обычай пускать по воде вышедшие из употребления сакральные предметы, осмысляемый как способ их погребения в чистой и святой стихии. На воду пускали отслужившие иконы, старые богослужебные книги, высохшие просфоры, остатки освященной пасхальной пищи, вербовые ветки, освященные в Вербное воскресенье и пролежавшие в доме целый год, и др. [17].

Тем же способом славяне избавлялись от остатков ритуальных предметов и обрядовой пищи: болгары – от старых мартениц, чтобы вместе с ними и "зло ушло, как по воде" [18. С. 324], или вертела, на котором пекли юрьевского ягненка [9. С. 78]; русские – от остатков курицы в обряде "троещеплятницы" [19. С. 124], от вышедших из употребления старых пастушеских музыкальных инструментов [20. С. 87]; от восковых шариков с закатанной в них шерстью от каждой выгоняемой скотины, которые в течение года хозяйка хранит за иконой, а на следующий год перед выгоном пускает их в реку или озеро [21. С. 129–130]. Аналогичным образом поступали и со старыми и ставшими ненужными вещами, некогда имевшими важное хозяйственное значение (с дежой для выпечки хлеба, с пастушескими орудиями), хотя в отличие от сакральных хозяйственные предметы могли также сжигать или закапывать. На Русском Севере по воде символически "сплавляли" магические знания знахарки в том

случае, если ей некому было их передать или она не хотела этого делать [22. С. 69].

Таким же образом избавлялись от большинства предметов, бывших в соприкосновении с покойником и оставшихся от похорон: стружек от гроба, соломы, на которой его обмывали, от полотна, вывешенного на углу дома для утирания души усопшего в течение 40 дней после смерти [23. С. 28, 32–33], носилок, на которых несли гроб на кладбище [24. С. 81].

В народной медицине славян пускание по воде было ритуальным способом изгнания болезни. Больные купались и сплавляли по воде что-нибудь из своей одежды [25. С. 55], а матери – одежду больных детей; хорваты при этом говорили: "Kako je ovo odnila voda, tako neka odnese bolest sa moga diteta" [26. S. 485]; нитки с узелками, по числу бородавок, которые пытались вывести, или по числу приступов лихорадки [27. S. 113]. Пускание по воде упоминается и в лечебных заговорах как способ избавления от недуга, ср.: "Сидела Пресвята Богородица на престоле, снимала уроки, прикосы с рабы Божией имярек, пускала в быструю реку..." [28. С. 61].

Проводная семантика, присущая пусканию по воде, присутствует в преданиях и легендарных рассказах. Например, в преданиях казаков-некрасовцев есть эпизод, когда старики-казаки пугают молодых казаков, предостерегая их от возвращения в Россию: "Как придет, повесят нас да по Дону на плотах пустят, как предков наших" [29. С. 200]. Вероятно, именно в этом контексте должен быть прочитан и летописный рассказ об изгнании (путем пускания по воде) языческих идолов в Киеве и в Новгороде [30], ср. рус. "Пускай Кострому на Волгу". Семантику выпроваживания, присущую пусканию по воде, можно усмотреть и в новгородском обычае отводить под Новый год одетого в лохмотья старика вон из села, вниз по течению реки, таким образом провожая старый год [31]. Мораване считали, что удачу им может принести только тот ползаник, который придет с нижнего конца села, если же им окажется человек с верхнего конца села, верят, что вслед за ним и хозяйство в грядущем году пойдет под гору [32. S. 255].

Известно также пускание по воде семян и плодов культурных растений, костей скота и домашней птицы, преследующее цель передать растениям и животным энергию движения воды и обеспечить их рост и развитие. Это значение пускания по воде коррелирует с весьма существенным для сельскохозяйственной магии противопоставлением динамики и статики. Сербы при сборе кукурузы пускали по воде несколько вылущенных початков, надеясь, что и кукуруза "потечет" из земли, как вода вниз по реке [33. С. 148]. Сербы в Болевачком окр. пускали на Крещение по воде разные семена и говорили: "Како иде вода, тако да иде и бериџет у наше њиве!" [34. С. 22]. На Подолье по воде пускали скорлупки яиц, из которых только что вылупились цыплята – чтобы те хорошо росли [35. С. 4–5]. В Полесье в Юрьев день корове отрезали хвост и пускали его по реке, чтобы корова хорошо "погуляла" [36]. В Сербии же матери пускали по воде первую изготовленную девочкой пряжу, чтобы и работа у девочки в будущем "текла, как река" [8. С. 31]. Болгарки в Юрьев день отрезали концы кос и пускали волосы по воде, чтобы косы были длинными [9. С. 158]. Ср. у чехов и поляков, которые в один из ранневесенних праздников (на Блажея или Благовещение) загадывали по движению воды: если к этому дню по протокам уже бежала вода, значит, год будет урожайным [37. S. 507].

Тот же принцип известен и во вредоносной магии. В средневековой Польше больного, страдающего увеличением зоба, лечили, высушивая корень какого-нибудь растения. Но если больной вовремя не заплатил лекаря, последний, вместо того чтобы высушить корень, пускал его по реке, чтобы и зоб рос у больного до бесконечности [38. S. 38].

Пускание по воде венков – одно из наиболее распространенных гаданий. У восточных и западных славян на Троицу и Купалу, а у южных славян чаще в Юрьев день девушки пускали по воде венки из цветов и трав, иногда вставив в середину свечку. Направление движения венка указывало девушке, куда она выйдет замуж, а утонувший венок или погасшая свеча сулили безбрачие или смерть. Иногда девушки

пускали такие венки во время купания, как бы позволяя венку сплыть прямо с головы девушки. В Полесье девушки при этом заглядывали в венки, надеясь разглядеть в нем лицо жениха: "Плыви, венки, покажись, милоч" [39]. К гаданию иногда присоединялись парни, стремившиеся поймать венки. Польские поморы считали, что поймавший венки обязательно станет мужем хозяйки венка, а девушки, чьи венки останутся непойманными, будут ждать свадьбы еще целый год [40. С. 172]. У словаков в Венгрии девушки на Смертной неделе пускали по воде не венки, а пучки соломы из растерзанного чучела Марены, надеясь по направлению движения венка угадать, куда они выйдут замуж [41. С. 444].

У болгар гадания по пусканию по воде известны в обрядности Вербного воскресенья, когда девушки таким способом выбирали из своей среды главную – "кумицу", которая затем возглавляет дружину лазарок, принимает у себя в гостях всех девушек и т.д. Выбор "кумицы" определяется волей случая: в западной Болгарии и во Фракии девушки пускают по воде куски хлеба, часто помеченные индивидуальными знаками, а в других местах – венки, также помеченные цветными нитками, чтобы отличить их друг от друга. Чей венки или кусок хлеба отплывет дальше других, та девушка и становится "кумицей". Иногда выбор определяется по пущенным на воду вербовым веточкам или каким-либо иным аналогичным способом [42. С. 488–489].

К девичьим близки по смыслу северно-русские гадания о выборе места для основания поселения или строительства дома или церкви. Предназначенные для строительства бревна или иконы пускали по реке и там, где они прибывали к берегу, начинали строительство [43. С. 30–31, 40–41]. Тем самым люди как бы веряли свою судьбу течению времени, символом которого выступала река, находящаяся в вечном движении.

© 2002 г. Т.А. АГАПКИНА, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замовы / Уклад., систэма тэстаў, каммент. Г.А. Барташэвіч. Мінск, 1992. № 193.
2. *Б орђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1.
4. *Басилов В.Н.* О происхождении культа невидимого града Китежа у озера Светлояр // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Вып. 12.
5. *Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993.
6. *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1992.
7. *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд "закликания весны" в Калужском крае // Сборник Калужского гос. музея. Калуга, 1930. Вып. 1.
8. *Тројановић С.* Главни српски жртвени обичаји. Београд, 1911. С. 107.
9. *Колева Т.* Гергьовден у южните славяни. София, 1981.
10. Етнографія на България. Т. 3. Духовна култура. София, 1985.
11. Гласник Етнографског музеја. Београд, 1967. Књ. 30.
12. Полесский архив, Оздамичи Столинского р-на Брестской обл.
13. *Занозина Л.О.* Терминология календарных обрядов годовичного цикла в этнолингвистическом освещении. Дисс. на соискание степени канд. филол. наук. Орел, 1991.
14. *Чајкановић В.* Пуштање воде о Великом четвртку // Српски етнографски зборник. Београд, 1924. Књ. 31.
15. *Яцимирский А.И.* Румынские сказания о рахманах // Живая старина. 1900. Вып. 1/2.
16. *Метлинский А.* Народные южно-русские песни. Киев, 1854.
17. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 185; *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3/4. С. 83; *Чернявская С.А.* Обряды и песни села Белозерка Херсонской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1893. Т. 5, вып. 1. С. 95.

18. Добруджа. София, 1974.
19. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
20. Финченко А.Е. Пастушеские орудия труда // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992.
21. Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 1889. Кн. 9. Вып. 1.
22. Грысык Н.Е. Лечебные и профилактические обряды русского населения бассейна Ваги и Средней Двины: пространственные и временные координаты // Русский Север. СПб., 1993.
23. Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Второй этнографический сборник. Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 15. Кострома, 1920.
24. Вакарелски Х. Принос към проучване на семейните обичаи на Панагюрското в миналото // Панагюрище и Панагирският край в миналото. София, 1961. Сб. 2.
25. Гласник Етнографског музеја. Београд, 1933. Књ. 8.
26. Milićević J. Narodni običaji i vjerovanja u Sinjskoj krajini // Narodna umjetnost. Zagreb, 1967/1968. Knj. 5/6.
27. Fischer A. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
28. Русские. Книга 3. Традиционный фольклор Русского Севера / Автор-составитель С.И. Дмитриева. М., 1993. (Материалы к серии "Народы и культуры". Выпуск 6.)
29. Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961.
30. Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999. Глава 3.
31. Российский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1. Д. 702. Л. 5.
32. Húsek J. Hranice mezi zemí Moravskoslezskou a Slovenskem. Praha, 1932.
33. Чажкановић В. Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985.
34. Грбић С. Српски народни обичаји из среза Бољевачког. Београд, 1909.
35. Галько И. Народныи звичаи з околиц над Збручем. Львів, 1862. Т. 2.
36. Полесский архив, Дяковичи Житковичского р-на Гомельской обл.
37. Český lid. Praha, 1892. Т. 1.
38. Rostafiński J. Zielnik czarodziejski to jest zbiór przesądów o roślinach // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1895. Т. 18.
39. Полесский архив. Вел. Злеев Репкинского р-на Черниговской обл.
40. Stelmachowska B. Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń, 1933.
41. Slovenský národopis. Bratislava, 1956. R. 4.
42. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
43. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

РАСПОЗНАВАНИЕ мифологических персонажей – система признаков и специальных магических приемов, позволяющих определить демоническую природу существа (человека, животного) или предмета, явления и т.п. Свидетельства на эту тему (прежде всего касающиеся распознавания ведьмы в обычной женщине) отличаются в славянской народной традиции весьма значительным единством, повторяемостью мотивов и магических приемов, сходством обрядовых и сюжетных контекстов, а подчас и прямыми вербальными параллелями (см.: [1–11]). Известную обособленность в этом отношении обнаруживает великорусский ареал, где общеславянские мотивы представлены спорадически и преимущественно в западных и южных регионах, и болгарская традиция, для которой большинство таких мотивов не характерно.

Необходимость разоблачения демонов, скрывающих свою природу под личиной обычного человека, животного, предмета, диктовалась прежде всего желанием обезопасить себя от их козней и выработать правила осторожного поведения, но также и стремлением противодействовать опасности, обезвредить ее носителей, отомстить им или даже уничтожить их. Само по себе разоблачение иногда считалось доста-

точным для обезвреживания ведьмы; сербы Черногории и Санджака верили, что женщина, признавшаяся кому-нибудь, что она вештица, перестает ею быть; в области Валево, по верованиям крестьян, человек, узнавший с помощью магических приемов вештицу, мог лишить ее силы, выкрикнув ей трижды, что она вештица; священник, которму, по сербским верованиям, дано распознавать вештиц, не разоблачал их перед другими в надежде, что они исповедуются и тем самым перестанут быть опасными для людей; с этой же целью при рождении девочки в "кровавой сорочке" об этом громко сообщалось, чтобы она не стала вештицей. Вместе с тем, в некоторых местных традициях сербов разоблачение ведьм признавалось крайне опасным делом, влекущим за собой тяжкое наказание, поскольку "вештицу благословил Христос" в благодарность за то, что она укрыла его перед преследовавшими его иудеями [3. С. 10]. Страх перед мстью со стороны разоблаченной ведьмы известен и русским. Несмотря на это, магические приемы по распознаванию ведьм широко применялись в народном быту.

По народным представлениям, ведьмы обычно не имеют явных отличительных признаков. Сравнительно редко встречаются свидетельства, согласно которым их можно распознать по каким-то отличительным чертам внешности или поведения.

Чаще всего ведьму узнают по густым сросшимся бровям и особому – хмурому – взгляду, обращенному в сторону или к земле. Согласно черногорским верованиям, священник может опознать среди входящих в храм женщин ведьму по красным зубам, а кашубы считают, что у ведьмы (чаровницы) красные, дикие глаза, а в глазах вместо зрачков – козел с рогами; что она часами может смотреть на солнце; что она очень любит красный цвет и потому одета во все красное: красные рукавицы, красные штаны, красную юбку, красный платок на голове, под которым она скрывает небольшой бочонок от смолы; она спит не на кровати, а на тачке и т.п. У сербов и черногорцев главным признаком ведьмы считаются усы ("крст испод носа"), а также "кровавые" глаза, косые глаза, впалые глаза, густые сросшиеся брови. Вообще чаще всего обращается внимание на глаза и взгляд ведьмы: владимирские крестьяне полагали, что в глазах колдуна не бывает отражения, и потому он никогда не смотрит в глаза собеседнику; "бабы называют глаза колдуна пустыми, *без мальчиков*"; а тульские – что у колдунов отражение в зрачках может быть перевернуто вверх ногами; на юго-востоке Польши считали, что чаровница, как и упырь, красного цвета, у нее дикий взгляд и бегающие глаза или больные и часто слезящиеся глаза.

Нередко верили, что ведьмы имеют хвост; иногда утверждали, что под мышками и на лобке у них не растут волосы (серб., польск.) или, наоборот, что все тело их заросло густыми волосами (серб.), что вдоль спины у них идет черная полоска волос, что рот и тело их покрыто темными пятнами (болг.).

У восточных славян встречается представление, что ведьма не оставляет следов на снегу; что знающиеся с нечистой силой отбрасывают две тени. По мнению поляков, ведьма выдает себя тем, что при питье водки она опустошает рюмку "единым духом", а не троекратным пригублением, как обычные женщины; что она не может оторвать взгляда от пасхальной писанки, что во время пасхального крестного хода она обходит костел не трижды, а лишь один или два раза.

Русские тоже узнавали ведьму по ее поведению во время крестного хода: она шла не с народом, а навстречу ему, так как ее не пускала нечистая сила. На Ровенщине полешуки отличали ведьму по тому, что она упорно не хочет выходить из церкви за крестным ходом, цепляется за столб или за священника. Там же считали колдунами людей, откровенно нарушавших строгие запреты на работу в праздники: "который шые чоботы у свато, той знахор; который мэле у мэльни у свато, той сатану пускае".

Русские полагали, что ведьму можно узнать по тому, что "днем, когда жнут другие, у ней отворена дверь в амбар, там на суеке у ней висят три пережженных колоса, чтобы зерно от соседей переходило к ней в сусек. Колдунью-пережынщицу можно узнать по этой примете, а также и по тому, не купалась ли она в Ильин день между заутренней и обедней (чтобы очиститься от греха, ей это необходимо сделать);

наконец, зерно у ней, если взглядеться, не лежит в сусеке или мешке, а стоит торчком, что опытный человек сразу заметит" [12. С. 53]. Демоническая природа ведьм и колдунов проявляется и в том, что дым над их домом идет из трубы против ветра или клубится. Ведьму или колдуна можно было опознать и после смерти: владимирские крестьяне были уверены, что при погребении колдуна вырытой земли не хватает, чтобы засыпать могилу.

Гораздо чаще считается, что увидеть в обычной женщине ведьму простым, "невооруженным" глазом невозможно. Для этого необходимы специальные условия и приемы, дающие человеку "сверхзрение", способность видения сокрытого, внутреннего, "сущностного". Одним из важнейших условий оказывается особое сакральное **время** – дни и ночи крупных праздников (Рождество, Пасха, Иван Купала, Юрьев день, Троица и др.), время новолуния, полнолуния и некоторые другие моменты, когда граница между земным и потусторонним миром становится проницаемой. Этот календарь включал в себя, с одной стороны, праздники, занимающие высшее положение на шкале сакральности (Рождество и особенно Пасха), с другой стороны, – праздники, с которыми народные верования связывали "внутреннюю" жизнь демонического мира, активизацию нечистой силы, слеты и шабаши ведьм и т.п.

Поляки в окрестностях Жешова наблюдали за ведьмами в день св. Люции, когда они слетались верхом на хлебных лопатах на свои сборища на границе села, где устраивали между собой побоища, орудия лопатами; на рассвете этого дня матери звали своих детей посмотреть через окно, как ведьмы собираются на свой слет. В других районах Польши считали, что легче всего увидеть ведьму в новолуние через отверстие от сучка в гробовой доске или через среднее окно дома с тремя окнами. Смотреть через отверстие гробовой доски советовали и мораване, только в другое время – ночью накануне дня Филиппа и Якуба (1 мая). А словаки верили, что стриг можно увидеть в полночь накануне дня св. Люции, если посмотреть через гробовую доску или через замочную скважину в церковной двери, тогда увидишь стриг со всей округи, собравшихся в церкви. Отверстие в гробовой доске считалось магическим и у русских – сквозь него надо было смотреть на прихожан, собравшихся к пасхальной заутрене, и тогда увидишь ведьм с кувшинами молока на голове.

Другое условие – сакральное **место**: храм, перекресток или развилка дорог и др. Словаки в Гонте выслеживали стриг в полночь накануне св. Люции на перекрестке за селом; для безопасности следовало очертить вокруг себя круг мелом, оставшимся от праздника "Три короля", иначе стриги могли забить насмерть. Как это ни странно, именно с храмом, с пасхальной или рождественской службой связаны наиболее распространенные у восточных и западных славян приемы распознавания ведьмы, однако их успех зависит еще от других, дополнительных условий – от "чудесных" **предметов**, которые нужно было иметь при себе в храме во время службы, и специальных ритуальных **действий**, которые сообщают человеку "сверхзнание".

В Закарпатье (с. Турья Быстрая) женщины, отправляясь на службу в рождественский сочельник и желая узнать, сколько у них в селе ведьм (чаровниц), брали с собой деревянную ложку, которой они мешали рождественские блюда, и верили, что с помощью этой ложки они смогут отличить в церкви ведьм. В другом селе (с. Кальник) соблюдалось немало дополнительных условий ради того, чтобы магию сделать более эффективной: этой ложкой (варехой) следовало мешать все девять блюд рождественского ужина; хозяйка должна была целый день ни с кем не здороваться, не молиться, в церкви также не надо было креститься, здороваться, молиться, оглядываться, и только тогда женщина могла увидеть тех, кого там называют босоркаными; при этом она ни в коем случае не смела выдать этих ведьм, иначе они убили бы ее.

По сообщению А. Гильфердинга, у словинцев в Польском Поморье магическая способность в распознавании ведьм приписывалась найденной подкове: если кто-нибудь найдет четвертую из конских подков, то должен завернуть ее в узелок из платка, повесить себе на шею и так пойти в костел, тогда он увидит среди соб-

равшихся чаровников и чаровниц; считается, что их может распознать и священник: неся священные дары, он видит на головах у них шапки, но после службы он уже не может их узнать.

Во многих случаях магическую силу можно было сообщить подобным предметам только с помощью специального, нередко достаточно сложного ритуала, часто к тому же растянутого во времени, что тоже имело свое сакрализующее действие. Поляки Силезии узнавали ведьму с помощью ветви яблони, вишни или сливы, которую срезали в первое воскресенье адвента, а затем брали с собой на рождественскую службу в костел. У карпатских украинцев магический обряд начинался в рождественский сочельник и завершался на Пасху. В сочельник после ужина надо было собрать с четырех углов стола разложенный там чеснок, от каждой головки отделить по зубчику, положить в горшок, в котором варится кулеш, поставить горшок на окно и растить чеснок до Пасхи. Отправляясь на пасхальную всенощную, надо взять в рот зеленые перья проросшего чеснока и держать их во рту в течение всей службы в церкви, пока не посвятят куличи. В этот момент становится видно, что у некоторых женщин на голове подоинок с молоком – это и есть ведьмы. Мотив подоиника с молоком на голове ведьмы относится к числу самых распространенных в подобных верованиях, он очевидным образом связан с типичным вредоносным действием ведьмы – отбиранием молока у коров.

Весьма широко применялся в подобных магических действиях сыр. По свидетельству Б. Гринченко, на Черниговщине считалось необходимым в "прощеный день", т.е. в заговенье на Великий пост, взять в рот сыр и с ним во рту переночевать, а в понедельник спрятать сыр хорошенько в пояс и тщательно его беречь. В святую заутреню явиться с сыром в церковь и, когда батюшка скажет: "Христос воскрес!", сказать: "У меня сыр есть!" «Ведьмы еще в церкви станут отымать сыр, а по выходе из церкви кинутся в погоню за обладателем, крича "отдай сыр!". Для обороны надо иметь побольше маку-текуна и им бросать в ведьм, те станут собирать мак, а преследуемый тем временем успеет убежать» [13. С. 57]. В Купянском районе Харьковской губ. делали то же самое, но при этом считали, что результата можно достичь лишь при условии, что в течение Великого поста носящий на себе сыр двенадцать раз побывает в церкви; тогда на пасхальной заутрени во время крестного хода ведьма подойдет к нему и будет просить сыру [5. С. 439–440]. В районе Львова брали первый слепленный и приготовленный в последний день масленицы вареник, клали его в мешочек и носили в течение всего Великого поста слева под мышкой, а затем в святую ночь, имея при себе этот вареник, можно было увидеть, как ведьмы во время пасхальной службы мечутся, словно слепые, не находя выхода из церкви. На Волини подобные действия совершали с маленьким кусочком сыра, который носили за пазухой рубахи весь Великий пост и на всенощной могли видеть ведьму с кувшином молока на голове. Тот же способ практиковали крестьяне Западной Белоруссии, носившие весь пост подвешенный на суровой нитке кусочек сыра справа под мышкой и произносившие вслух или про себя при каждой встрече, даже со своими родными, "Маю сыр запустны" [14. S. 266]. Русские Саратовского края высматривали ведьм на Пасху, держа за щекой кусочек сыра, сбереженный с Чистого четверга, и веря, что после слов священника "Христос воскрес!" ведьмы с дойницами на голове повернутся спиной к иконам. Поляки Мазовша с той же целью в Великую субботу брали кусочек освященного сыра и носили его при себе до самых Зеленых Святков, т.е. до Троицы; при этом они строго следили за тем, чтобы не снимать его с себя, и тогда на Троицу в костеле можно увидеть ведьм с подоиниками на голове; несмотря на страх, нужно оставаться в костеле, так как больше нигде, кроме костела, их не увидишь.

По всей Сербии распространено верование в магическую силу чеснока, гороха или другого растения, проросшего через голову убитой змеи (обычно первой увиденной весной). В Босний змею надо было поймать перед днем Сорока мучеников, у живой змеи отсечь голову, вложить в эту голову чеснок и закопать ее в огороде, а на Пасху или в Петров день сорвать перья проросшего через голову змеи чеснока, прикрепить

их к шапке и так пойти в церковь на службу; вештицы разоблачат себя тем, что будут подходить и просить снять чеснок. В Шумадии рекомендовалось убить змею до Благовещения; в других местах это могла быть любая убитая весной змея или вообще любая змея; нередко проросшей через голову или челюсти змеи зелени приписывалась магическая способность сообщать человеку сверхзрение не только в отношении ведьм, но и всего сокрытого и невидимого. То же самое делали украинцы на Карпатах: змею надо было убить на Благовещение, затем на Пасху взять ее голову, положить в нее зубец чеснока и закопать в огороде, на Ивана Купалу утром голым сорвать одно перышко проросшего чеснока и носить его на голове, под шапкой, тогда человек становился невидимым.

Из приведенных примеров видно, что время оказывается не просто необходимым условием магического ритуала, но в определенном смысле само становится инструментом магии, сутью которой является "проживание", наполнение ритуальным содержанием или "просчитывание" временного отрезка между двумя сакральными точками календаря – масленицей и Пасхой, Пасхой и Троицей, одной из дат адвента и Рождеством и др. Роль времени как магической силы особенно ярко проявляется в действиях, "растянутых" на весь отрезок календаря и наделяющих благодаря этому их исполнителей способностью распознавать нечистую силу или заставлять ее разоблачать самое себя.

По словацким верованиям, надо было от Люции до Рождества изготовить стульчик из целого куска дерева без единого гвоздя или клина, причем каждый день можно было ударить топором лишь один раз. Тот, кто такой стульчик изготовил (лучше всего из ели, в крайнем случае из бука), в костеле на рождественской службе становился на него коленями, и тогда он видел всех стриг за алтарем или же обращенных к алтарю спиной. Стриги имели при себе знак своей "деятельности" – подойник, масленку, веретено, хлебную лопату и т.п. Увидевший стриг должен был как можно скорее возвращаться домой, иначе стриги могли догнать его и сурово избить; чтобы их отогнать, надо было сыпать мак, через который стриги не могли перейти. В Моравии тоже делали стульчик от Люции до Рождества и высматривали ведьм, стоя на нем на коленях во время рождественской службы, через отверстие от сучка в гробовой доске. Подобный способ распознавания ведьм характерен для словацкого, карпатоукраинского и южнопольского ареала. Локальные различия наблюдаются лишь в самом изготавливаемом магическом предмете или в сроках его изготовления и применения. Так, украинцы на Карпатах рекомендовали начать делать скамеечку в рождественский сочельник и, ударяя лишь один раз топором каждый день, работать целый год и закончить ее в следующий сочельник; затем взять скамеечку с собой на всюнощную, взять еще зерно кукурузы, выпавшее неразмолотым из-под мельничного камня и запеченное в хлеб, и тогда можно увидеть босорок. Целый год следовало делать и борону из бузины, начиная с Юрьева дня, ежедневно, не пропуская ни праздников, ни воскресений, в течение года до следующего Юрьева дня. Затем на Юрьев день до рассвета нужно идти этой бороной боронить, тогда к дому исполнителя ритуала должна прийти каждая ведьма, какая есть в селе; нередко она и сама не знает, зачем пришла, но не прийти не может. В магическую силу бороны верили и южнорусские крестьяне; по их представлению, ведьм можно было увидеть и в доме, и во дворе, если по четвергам Великого поста делать борону из осины, а в Страстную субботу спрятаться с зажженной свечей за этой бороной и ждать появления ведьм.

В районе польского Спиша, как и в Словакии, изготавливали и стульчик, работая ежедневно от дня св. Люции до Рождества; затем с этим стульчиком и цедилкой шли в костел и могли, став коленями на стульчик и глядя через цедилку, увидеть ведьм, стоящих спиной к алтарю. После этого нужно было поспешить домой, чтобы не попасть в руки ведьмам, которые будут гнаться за разоблачившим их человеком; самой надежной защитой от преследующих ведьм является мак, который лучше всего бросить в воду. У словаков, кроме стульчика, магическим предметом, разоблачающим стриг, мог быть также пастушеский кнут, сплетенный от Люции до Рождества,

лепешка, испеченная в день св. Люции и принесенная с собой на рождественскую службу в костел, и др. Увидеть стригу в костеле мог также тот, кто каждый день от Люции до Рождества делал по одной насечке на ручке двери; в этом случае он узнавал стригу по исцарапанному носу. Если каждый вечер от Люции до Рождества смотреть в зеркало, то в Рождественский сочельник можно увидеть в нем стригу. В Моравии на Люцию начинали строгать поварешку и кончали ее изготовление в Сочельник, затем просверливали в ней дырку и сквозь эту дырку в костеле высматривали ведьм, узнавая их по подойникам на голове. Магическим предметом, позволяющим увидеть ведьм, могла служить также ветка черешни, срезанная на Люцию и распустившаяся к Сочельнику; ее брали с собой в костел, чтобы разглядеть после окончания службы ведьм, выходящих первыми из костел.

У южных славян тоже известна магия с "люцийским" стульчиком, но она распространена не повсеместно, а ограничена некоторыми районами Словении (преимущественно на юго-востоке) и Хорватии (Славония). Словенцы придавали особое значение дереву, из которого изготавливался стульчик: требовалось использовать три, девять или двенадцать пород дерева или древесины исключительно "мужских" или, наоборот, только "женских" деревьев; каждый день брать дерево новой породы и т.п.; при работе нельзя было говорить, работать можно было только до захода солнца и т.п.; лишь строгое соблюдение всех предписаний позволяло разглядеть на рождественской службе ведьм, обращенных лицом к дверям, с блюдами на голове, "с голы задницей" и т.п. В некоторых районах Словении волшебный стульчик после службы необходимо было уничтожить – бросить в воду или сжечь, чтобы избежать мести ведьм. В Славонии тоже стульчик начинали делать на св. Люцию и кончали на Бадняк; с этим стульчиком шли на службу, и ровно в полночь, став на стульчик, получали возможность увидеть всех вештиц и колдунов, только необходимо было пораньше уйти из церкви, чтобы не стать их жертвой. Вместо стульчика, в подобной магии мог использоваться кожух, который начали шить в день св. Люции, а завершили в Сочельник; надев его в рождественскую ночь, человек приобретал способность увидеть во время службы всех ведьм и колдуний.

Шире распространено представление о том, что ведьму можно привлечь, заставить ее прийти, если в великий праздник, на Рождество или на Пасху, разжечь поленья, щепки, прутья и т.п., откладываясь по одному на протяжении определенного периода времени. По верованиям словаков, на Рождество стриги приходили в дом, где горели поленья, откладываясь каждый день до солнца от Люции до Рождества. В Горегроне, по свидетельству, относящемуся к прошлому веку, параллельно с изготовлением стульчика откладывали поленья от Люции до Рождества; утром на Рождество надо было отправить всех из дома и, оставшись одному, раздеться догола, взять косу, которой режут сечку, развести огонь под печной трубой, сесть на свой стульчик и подкладывать в огонь по одному полену; вокруг трубы будут прыгать кошки, и каждой надо отрезать голову, иначе они тебя разорвут, и в каждой кошке можно будет узнать стригу. В юго-восточной Польше в день св. Люции девушки шли с топором в лес, срубали (непреренно одним ударом топора) молодую осинку, разрубали ее на мелкие чурки и ежедневно вносили по одной в дом и подкладывали в огонь, причем чурок должно было хватить до Рождества. В сочельник они поджигали оставшиеся чурки и на этом огне кипятили завернутые в полотно иголки, шпильки и т.п., купленные за гроши; во время кипячения держали дверь приоткрытой, веря, что должна прийти ведьма и тем самым разоблачить себя.

В Волинской губ. считали необходимым по всем пятницам Великого поста выбирать из мусора по одной щепочке и на Пасху перед рассветом все восемь щепочек зажечь; тогда непременно придет ведьма просить огня. В Купянском уезде, на Харьковщине действовало следующее предписание: "В течение Великого поста бросай каждое воскресенье, начиная с Сыропуста, по одной палочке на печь за комин, а на Светлый праздник, пришедши из церкви, собери все семь палочек, брошенных на печь, и зажги их на припечке, – ведьма явится просить огня"[5. С. 439]. В Полесье, на

Житомирщине был обычай в каждое воскресенье Великого поста вынимать из печки по одному полену из тех, что там сушились, и откладывать их до Пасхи, а потом, во время пасхальной всенощной их поджигать, тогда ведьма прибегает что-нибудь одолжить или под каким-нибудь другим предлогом.

Белорусы подобные рекомендации относили к понедельникам, советуя каждый понедельник Великого поста, принося дрова в дом, часть от каждой охапки откладывать на горище, а в первый день Пасхи, до рассвета взять все эти скопившиеся дрова и поджечь их в хлебной печи, тогда все ведьмы со всего села сбегутся и станут жалобно просить дать им огня. Но давать огня никак нельзя, а надо сразиться с каждой ведьмой по отдельности и постараться покалечить ее так, чтобы у нее потекла кровь, тогда ты на всю жизнь будешь избавлен от колдовских чар. Так же советовали поступать на Черниговщине: "в продолжение всего Великого поста каждый понедельник откладывать по одному полену из охапки дров, идущих в печь; этими семью поленами вытопить перед пасхальной утренней печку; ведьма в таком случае непременно придет просить жару, но давать ей ни в каком случае нельзя – будет беда"[13. С. 58]. Известны такие приемы и русским. Владимирские крестьяне выясняли, является ли человек колдуном таким образом: в продолжение страстной недели топили избу, начиная с одного полена и прибавляя каждый последующий день по полену; в конце недели, в Святой день, должен был явиться в эту избу колдун и умереть. В Сургутском крае весь пост оставляли по одному полену от утренней топки, а во время пасхальной заутрени растапливали этими поленьями печь; ведьмы слетались просить огня; если же вынуть между ними и дверью половицу, ведьмы якобы не смогут найти выхода из избы.

Мотив "замыкания" ведьмы в пространстве дома или церкви, преграждения ей пути назад, присутствует во многих традициях. В Далмации проверяли, не является ли женщина вештицей, переворачивая после ее входа в дом метлу у дверей вверх ногами или переворачивая очажную цепь; при этом считали, что если это вештица, то она не сможет выйти из дома. Там же практиковались разнообразные магические действия, "запирающие" ведьм в церкви во время службы. Например, в Полице во время рождественской службы нужно было взять одну монетку (солдин), расщепить ее на четыре части и разложить эти четвертинки по углам церкви, тогда по окончании службы все начнут расходиться, а ведьмы не уйдут и будут цепляться за священника. Того же эффекта можно достичь, если в Сочельник перебрести через храм полено смоковницы (инжира), благословленное в Белую субботу. На острове Крк во время рождественской службы опоясывали храм пряжей так, чтобы никто не заметил, тогда вештицы и колдуны не смогут выйти из храма. В окрестностях Бара с той же целью втыкали иглу в порог при входе в церковь. В Черногории считали, что легче всего распознать вештиц на Пасху, для чего нужно во время пасхальной службы на крыше церкви перевернуть одну черепицу, и тогда вештицы не смогут сдвинуться с места до тех пор, пока черепицу не перевернуть назад.

Для распознавания ведьмы применялось также "преграждение пути". В Полесье в ночь на Ивана Купалу разбрасывали коноплю по дороге, где скот идет на пастбище, или же протягивали поперек дороги нитку, веря, что корова ведьмы, отнимающей молоко, не сможет перейти через коноплю или через нитку, она будет рвать и поворачивать назад. Болгарские женщины из Софийского округа, встретив весной на лугу у воды черепаху, снимали с себя пояса, расстилали их на траве, преграждая черепахе путь, и определяли, кто из них ведьма по тому, перейдет ли черепаха через пояс, веря, что чрез пояс ведьмы черепаха перейти не может.

Одним из самых популярных способов распознавания ведьмы были действия, якобы причинявшие ведьме нестерпимую боль и потому заставлявшие ее приходиться к исполнителям этих действий, просить их прекратить и обещать не заниматься больше злокозненными делами. Чаще всего такие действия были связаны с огнем, битьем, кручением и т.п. В Полесье на купальском костре кипятили девять иголок с отломанными ушками, и тогда ведьма сама приходила к костру просить пощады.

Поляки Велюнского повета кипятили в полночь молоко в плотно закрытом горшке, и когда оно закипало так, что горшок готов был разорваться, ведьму страшно "пекло", и она приходила под предлогом просьбы о чем-нибудь. Сходные верования известны на Украине. В Купянском уезде Харьковской губ. для разоблачения ведьмы рекомендовали налить на сковороду молока той коровы, которую выдаивает или испортила ведьма, поставить сковороду на огонь, тогда ведьма немедленно придет под каким-нибудь предлогом, потому что по мере нагревания молока будет усиливаться в ней внутренний жар, и она станет умолять снять сковороду с огня. Чтобы доставить ведьме физические муки, словаки выливали молоко на навозную кучу и били по ней прутьями шиповника или же лили молоко на раскаленное железо, и тогда стрига приходила и умоляла прекратить ее страдания. В юго-восточной Польше бросали в огонь "следы" ведьмы или найденную в поле конскую подкову, отчего ведьму начинало жечь адским огнем, и она прибегала просить вынуть их из огня, а западные белорусы бросали раскаленную докрасна подкову в подойник с молоком "испорченной" коровы, тогда ведьма немедленно приходила, потому что сердце ее так "шипит", как подкова в молоке. Русские крестьяне Переславль-Залесского уезда, желая избавиться от "пережинов" в полях, нажали каждый на своей полосе по три горсти колосьев, пропустили их через колесную ступицу, снесли в "трехземельную" яму (где сходится земля трех общин) и сожгли, после чего колдунья болела целый год [12. С. 54]. Такую же цель преследовало сжигание на Рождество или на Пасху поленьев, чурок и щепок, о котором говорилось выше.

Поляки Вармии для отваживания ведьмы считали нужным раздеться догола, завернуться в простыню, запереть двери и окна и бить метлой по порогу дома, веря, что это доставляет нестерпимую боль ведьме и заставляет ее прийти, чтобы дотронуться до угла дома.

Широко известно также калечение животных, в которых якобы обращается ведьма. В Полесье в купальскую ночь караулили в хлеву ведьму, которая могла выдоить корову; заметив лягушку или кошку, отрубали ей лапу, а наутро узнавали, что одна из соседок "кульгае" (хромает) – она и есть ведьма. Этот способ разоблачения ведьмы применяется и южными славянами. Хорваты Истрии в случае, если ночью стрига нападет на спящего человека и начнет "давить" его, советовали как можно скорее вскочить и бросить на пол нож, чем он ранит стригу в ногу; на следующий день можно увидеть, как одна из женщин хромает. Черногорцы племени Кучи, подозревая в летучей мыши вештицу, старались поймать ее и слегка подпалить ей крылья на свече или над огнем, а затем отпустить со словами: "Приходи завтра, я дам тебе соли!" Если бы на другой день в дом пришла соседка за солью, да еще со следами ожога, ее непременно признали бы вештицей. В Боснии и Герцеговине, в Далмации и других сербских и хорватских областях верили, что если покалечить или убить животное (курицу, "черную птицу", лягушку и т.п.), в которое обернулась вештица, то и женщина будет ранена или убита.

К древнейшим способам распознавания ведьм относится известное всем славянским традициям (от кашубов до сербов) "испытание водой", о чем имеется немало письменных свидетельств и множество этнографических записей XIX и XX вв. Уже в XIII в. в "Поучении преподобного Серапиона" осуждался этот языческий способ доказательства вины подозреваемых в колдовстве: "Вы же воду послухомя постависте и глаголете: аще утопати начнет, неповинна естъ; аще ли поплövetь – волховь естъ" (Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 450). Тем не менее еще в самом конце XIX в. он применялся, например, на Украине: во время засухи, которую приписывали злокозненным действиям ведьмы, всех женщин загнали в реку, чтобы определить, кто из них ведьма. У владимирских крестьян применялось также "испытание огнем": чтобы узнать ведьму, всех женщин "пропускали" через "живой" огонь; отказавшаяся пройти через этот огонь считалась ведьмой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
2. *Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая.* Ведьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 297–301.
3. *Т.Р. Борђевић.* Вештица и вила у нашем народном веровању и предању. Београд, 1953 [СЕЗб. Књ. 67].
4. *С. Зечевић.* Митска бића српских предања. Београд, 1981.
5. *П.В. Иванов.* Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 430–497.
6. *Т.А. Новичкова.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.
7. Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.
8. *В.В. Слащев.* Сербскохорватская мифологическая лексика в сопоставлении с украинской. Дипломная работа. МГУ. Научный руководитель Н.И. Толстой. М., 1993.
9. *Толстая С.М.* Магические способы распознавания ведьмы // *Studia mythologica slavica.* Ljubljana, 1998. Т. 1. S. 141–152.
10. *Черепанова О.А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.
11. *F. Kotula.* Przeciw urokom. Warszawa, 1989.
12. *М.И. Смирнов.* Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде // Труды Переславль-Залесского историко-этнографического и краеведческого музея. Переславль-Залесский, 1927. Вып. 1.
13. *Б.Д. Гринченко.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Вып. 1.
14. *М. Federowski.* Lud bialoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1.

2002 г. Е.Л. БЕРЕЗОВИЧ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ МИКРОМИР И МАКРОМИР В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ (К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ КОННОТАЦИЙ РУССКИХ ТОПОНИМОВ)¹

Географическое пространство представляется наивным сознанием как серия концентрических кругов, расходящихся из центра, в котором находится наблюдатель. Если это положение, по-видимому, универсально для наивной модели мира (и концептуальной, и языковой), то конкретные варианты восприятия пространства определяются как экстралингвистическими (этнокультурными) факторами, так и внутрилингвистическими (фактор языковой относительности). Так, априорно можно предполагать, что названные факторы определяют статичную закреплённость/подвижность локуса, занимаемого наблюдателем (т.е. центра освоения пространства), наличие/отсутствие четких границ между чужим и своим пространством и т.п.

Для изучения особенностей языкового моделирования пространственных отношений в рамках определенной традиции (в нашем случае речь идет о русской народной языковой традиции) весьма плодотворно изучение культурных коннотаций географических названий. Имя, "нагруженное" этими коннотациями (*коннотативное имя*), обозначает не только исходный единичный объект, но соотносится с другими явлениями действительности и входит в лингвокультурный фонд данного этноса. С точки зрения своей семантической структуры такое имя имеет усложненную модель семантики, поскольку эта модель включает в себя своеобразный горизонтальный разворот (спектр культурных коннотаций), который иначе может быть представлен как диапазон семантического "рассеивания" имени, создающийся при расширении его смысловой базы. Это расширение может происходить как в рамках того ономастического кода, к которому исходно принадлежит имя, так и при продвижении имени в другие ономастические или апеллятивные коды. Трансформация смысловой базы коннотативного имени свидетельствует о его особом месте в народной картине мира; такое имя нередко становится *прецедентным*, поскольку отсылает к важному для данной традиции культурному прецеденту.

Выделяются различные **способы формирования культурных коннотаций**. Во-первых, может наблюдаться символизация единичного смысла без изменения исходной денотации имени. К примеру, идиомы *обойти Руссу и Ладугу* 'пройти большое рас-

Березович Елена Львовна, – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 00–15–98836 – поддержка ведущих научных школ).

стояние', 'много познать в жизни' [1. Вып. 6. С. 99], *Москва и Вологда видать* 'о некрепком чае' Арх., Волог.² [2] не содержат собственно переносных значений топонимов, но позволяют сделать выводы о значимости соответствующих объектов как рубежных точек "своего" пространства, определяющих пространственный горизонт носителя соответствующего говора. Во-вторых, может происходить "самоцитирование" топонимического кода – перенос из топонимии в топонимию, когда прецедентное имя обнаруживается на другом уровне функционирования (как правило, элемент макроуровня – макротопоним – фиксируется на микротопонимическом уровне): *Байкал*, озеро – *Рыбы там разной много, потому и Байкал* [Арх.: Леш]³; *Карпаты*, урочище – *Они такие холмы, потому Карпаты* [Арх.: Вил]. В-третьих, возможен перенос топонима в другие ономастические разряды, ср., к примеру, переход топонимов в прозвищную антропонимию: *Одесса*, житель д. Погорелово – *Веселый, остроумный был, приврать любил* [Волог.: Кир]; (*Дуня*) *Волга*, жительница с. Вознесенское – *Дуня Воуга лоукая баба, весёлая* [Арх.: В–Т]. В-четвертых, может осуществляться переход из ономастического кода в апеллятивный: *содом* 'мусор, сор, грязь, беспорядок в доме' [3. Вып. 9. С. 56]; *колыма* 'о грязи, бездорожье' [4. Вып. 14. С. 208] и др. Источником информации о коннотативном спектре имени могут стать не только образования, где сохраняется исходная форма топонима, но и разного рода дериваты: *брянская коза* 'непоседливый, подвижный человек', 'глупый человек' [5. Вып. 1. С. 100], *сибирский разговор* 'молчаливое щелканье кедровых орехов в гостях, на посиделках' [6. С. 162], *вавилонить* 'плыть на лодке зигзагами' [7. Вып. 1. С. 158], *посодомить* 'поругаться, поссориться' [4. Вып. 30. С. 193] и т.п.

Исследуемая проблематика глобальна, а материал велик, поэтому в рамках данной статьи мы ограничимся поиском ответа на следующие взаимосвязанные вопросы: какова градация пространственного континуума в сознании носителя языка, какие "пояса" в нем могут быть выделены и насколько тщательно освоен каждый из них; каковы характеристики географического мира в сознании носителей традиционной культуры – качественные, локативные и т.п.; какой логике подчиняется временная динамика изучаемого материала, можно ли говорить о хронологии данных номинативных фактов, отражающей формирование "расширяющейся вселенной" в сознании носителей традиционной культуры.

В географическом континууме можно априорно выделить два пояса: **микромир** (для традиционного сознания это мир соседних деревень, небольших речек, холмов, дорог и т.п., который в той или иной степени хозяйственно освоен) и **макромир** – "чужие земли". Макромир, в свою очередь, включает в себя "заморские страны", которые, как правило, не пропущены через призму личного опыта, никогда не виданы воочию, и некоторую среднюю зону, куда входят географические макрообъекты своей страны. Последние, как правило, пространственно удалены от носителя традиционной культуры, но при этом обладают широкой известностью, вводящей их имена в фонд прецедентных имен традиции. Если спроецировать эту конструкцию на топонимикон, то микроуровень может быть представлен деревней *Сосновка* и речкой *Талица*, макроуровень – с одной стороны, именами *Париж* и *Сион*, а с другой – топонимами *Москва* и *Волга*. Пытаясь осуществить самонаблюдения и примерить это апри-

² Лингвогеографическая характеристика языкового факта при подаче диалектных лексем и фразеологизмов приводится в тех случаях, когда она значима для понимания обстоятельств появления соответствующих единиц. Используются аббревиатуры, принятые в Словаре русских народных говоров. Такая помета не дается, если словарь-источник фиксирует говор одной административной области.

³ Здесь и далее при подаче ономастического материала (топонимов и антропонимов) не приводится указание на источник, поскольку все ономастические факты извлечены из картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, г. Екатеринбург). В квадратных скобках указывается административная область и район фиксации соответствующего факта.

орное деление к представлениям о мире носителя современной книжной культуры, следует предположить, что микроуровень практически не даст коннотативных топонимов, а макроуровень представит значительное количество коннотативных имен, при этом вряд ли будут отчетливо фиксироваться различия между названиями "заморских" и "отечественных" земель в особенностях образования культурных коннотаций. Это объясняется тем, что для носителя современной городской культуры географическая реальность нередко не содержит явно выраженных границ между освоенным и неосвоенным, "своим" и "чужим" пространством, а само освоение может быть виртуальным. Как структурируется пространство в традиционной языковой картине мира?

Диалектный материал обнаруживает ощутимый перевес коннотативных топонимов микроуровня над остальными. При этом следует учесть, что мы работаем с заведомо неполными данными; картина могла бы быть полнее, если бы соответствующие факты были исчерпывающе зафиксированы в словарях: диалектные лексикографы нередко отказывают лексике и идиоматике, образованной на базе местной топонимии, в праве на словарную фиксацию. Однако даже те факты, которые имеются в нашем распоряжении, показывают, что микроуровень разработан весьма подробно и детально.

Во-первых, наименования объектов микроуровня⁴ широко используются для фиксации **ориентационных** отношений. Наиболее показательны в этом плане наименования метеорологических явлений, имеющих четкую локативную привязку, в первую очередь – ветров: *ветер от мокрого Сельца* 'ветер, дующий от д. Сельцо' [7. Вып. 1. С. 86]; *из-за Спирина, из-за Монастыря, из Ондричева, из Подпалузья ветер* 'ветер, дующий со стороны соответствующих деревень Архангельской и Вологодской областей' [2]; *белозёр* 'ветер со стороны Белого озера' Волог. [2]; *вайварка* 'северо-западный ветер, ветер с Вайварских возвышенностей' Пск. [4. Вып. 4. С. 15]; *баргузин* (← г. Баргузин) 'северо-восточный ветер на озере Байкал' Иркут. [4. Вып. 2. С. 111] и др. Апофеозное проявление этой номинативной тенденции состоит в использовании в названиях ветров имен конкретных людей, местожительство которых становится ориентиром, – ср., к примеру, ветрообозначения *проня дует, пахомко задул, ветер с Зенка* (форма имени *Зиновий*) или *из-за дедушки Матвея* [2]. Популярны также оттопонимические наименования при обозначении сезонных явлений, связанных с режимом замерзания рек: *вычегда* (← р. Вычегда, приток р. Сев. Двина) 'грянь на р. Сев. Двина во время ледохода', *тиневка* (← р. Тинева, приток р. Выя) 'грязь на р. Выя во время ледохода' Арх. [2], *леденьга* (← р. Леденьга, приток р. Сухона) 'лед на р. Сухона во время ледохода' Волог. [2] и др. Фиксируются также наименования зари, тумана, росы: *корелка* (← Карелия) 'вечерняя заря' [7. Вып. 2. С. 422], *шенкурская* (← Шенкурский р-н Арх. обл.) 'вечерняя заря' Арх. [2], *ленка* 'туман' (← р. Ленка) Арх. [2], *устюжские росы* (← г. Великий Устюг) 'утренняя роса' Волог. [2] и т.п. (наименования такого рода обычно распространены на территориях, находящихся к востоку или западу от тех, которые обозначены исходным топонимом: вечерняя заря находится на западе, туман или роса связаны с рассветом, а следовательно, с востоком). Кроме того, коннотативные топонимы представлены в идиоматике, обозначающей ориентацию при передвижении. Если в речи горожан идиоматика такого плана оперирует названиями объектов макроуровня (ср. выражения типа *через Харьков в Петербург*), то в народной языковой традиции фигурируют объекты микроуровня: *не хватя Боровую да в Мошево* 'не заметив, пройти мимо того, что никак нельзя обойти' [8. С. 106]; *через Шишу в Маймаксу* 'окольным путем' Арх. [2]; *в Плёсо через Кишкино* 'окольным путем' Волог. [2] и т.п.

⁴ К числу названий объектов микроуровня мы относим не только наименования деревень, сел, небольших рек и т.п., но и обозначения более крупных объектов – уездных и губернских городов (в том случае, если оттопонимический дериват функционирует в зоне соответствующего уезда или губернии).

Во-вторых, весьма популярны названия объектов микроуровня в **релятивных** номинациях, к которым в первую очередь принадлежат обозначения фактов материальной культуры, изготовленных в определенной местности. Ср., к примеру, названия видов сох по месту их изготовления, распространенные на Урале: *байкалка* (← с. Байкалово) [9. Вып. 1. С. 31]; *кунгурка* (← г. Кунгур) [9. Вып. 2. С. 74]; *пермянка* (← г. Пермь) [9. Вып. 4. С. 22]; *тагилка* (← г. Нижний Тагил) [9. Вып. 6. С. 85]; наименования видов речных судов, образованные по тому же принципу: *кенозёрка* (← оз. Кенозеро) 'килевая лодка с приподнятой носовой частью' [7. Вып. 2. С. 339]; *кижанка* (← с. Кижы) 'лодка с высоко поднятым носом и кормой' [7. Вып. 2. С. 344]; *орловка* 'небольшое грузовое судно (получившее название от с. Орловка)' Волж. [4. Вып. 23. С. 344]; *осташевка* 'плоскодонное речное судно' (← Осташковский уезд Тверской губ.) Твер. [4. Вып. 24. С. 62]; в этот ряд можно включить также наименования телег, сортов овощей, тканей, кушаний и т.п.

Кроме того, достаточно распространены оттопонимические именованя в сфере нематериальных этнографизмов, например, в названиях плясок и хороводов, появившихся в рамках определенной локальной традиции: *верхнетоемка* 'разновидность пляски' (← с. Верхняя Тойма) [2]; *вытегора* 'танец, вид кадрили' (← г. Вытегра) [7. Вып. 1. С. 302]; *капшинская* 'танец' (← пос. Капшинский Ленингр. обл.) [7. Вып. 2. С. 327]; *оятская* 'кадриль, распространенная преимущественно на Ояти' [7. Вып. 4. С. 362]; *чащёвица* 'вид пляски' (← д. Чащевица) Арх. [2] и мн. др.

К релятивным номинациям следует отнести также многочисленную, но очень узкую и специфичную по семантике группу идиом, которые эвфемистически выражают понятие смерти через обозначение местного кладбища, например: *пойти на Угол; пойти на Попову Гору; уйти к Ерёме; собраться на Бор; поспеть на Килино; пойти на Петушково; уйти на Падерьмо* и др. (*Угол, Попова Гора* и т.п. – названия кладбищ в Вологодской и Архангельской областях) 'умереть' [2]. В данном случае идею смерти можно считать составляющей коннотативного фона соответствующих топонимов.

Помимо локативных и релятивных признаков, оттопонимические номинации могут опосредованно выражать **качественную** характеристику "своих" земель: **размер** (*как сардаво* 'о чем-либо большем, высоком'. *Сочень-от выскала, как сардаво. Полё у нас есть высокоё, Сардаво называется* [8. С. 88]), **форму** (*вострушский петушок* 'задиристый человек'. *Есть у нас тут горка Воструха, очень вострая. Если кто выдирается, дак говорят: "Ох ты, вострушский петушок", как, бат, на Вострухе сидит* Арх. [2]), **хозяйственную ценность** (*талицкий рыбник* 'шутливое название пескаря (в названии отражено то обстоятельство, что в р. Талица Волог. обл. не водится хорошая рыба и на пироги с рыбой – рыбники – может идти один пескарь)' Волог. [2]), **природные условия** (*вагановская зима* (← д. Ваганово Волог. обл.) 'первый осенний или поздний весенний снег, который быстро тает'. *Вагановская зима – снег выпал и растаял; в Ваганове не хватало корму, вот бог их и пугал* Волог. [2]) и т.п. Нередко качественный признак опосредованно передает не собственно свойства самого объекта (в данном случае населенного пункта), а характеристику его жителей, ср. идиомы, возникшие на базе карельских топонимов: *папило фининской* 'о бесполом, беспутном человеке', *пантелей чистодорский* 'бранно' [7. Вып. 4. С. 391], *что монах палеостровский (стоять)* 'неподвижно, замерев на месте (стоять)' [7. Вып. 3. С. 255], *луша кинеецкая* 'о нерасторопном, медлительном человеке' [7. Вып. 3. С. 161] и др.

Таким образом, наименования "своих" земель, объектов географического микромира, включенных в практическую, хозяйственную деятельность, нередко оказываются коннотативно нагруженными в русской народной языковой традиции, причем коннотативный фон позволяет "прочитать" достаточно объективную информацию о свойствах географических объектов. Несмотря на то, что в номинациях может найтти отражение весьма широкий спектр признаков, отдельный коннотативный топоним

практически никогда не получает разносторонней характеристики, становясь носителем – иногда символическим – какого-либо одного свойства.

При выходе за пределы микромира мы получаем несколько иную картину. Объекты макромира для традиционного сознания – "чужие земли", которые не могут быть освоены в ходе практической деятельности. Соответственно, когнитивная база номинации не может быть создана при подключении личного опыта; источником ее формирования по преимуществу становится национальный культурный фонд, разные зоны которого постигаются народным сознанием с различной глубиной погружения. Это происходит потому, что при формировании мозаики культурного фонда задействуется различное количество каналов трансляции этнокультурной информации. В одних случаях информация оказывается обработанной несколькими каналами, что способствует повышению уровня объективности и детальности конструирования ментального образа, в других случаях – только одним (а это, конечно, стимулирует разного рода модификации и искажения).

Выше говорилось, что в культурном сознании современного горожанина образы "своих" и "чужих" земель не должны принципиально различаться по глубине разработки. Это положение подкрепляется выводами М.Э. Рут, изучившей на широком номинативном материале особенности создания фонда образной номинации носителями городской и традиционной народной культуры, ср.: "Главное противостояние традиционной и новой системы образных моделей – в исходной установке номинатора: для крестьянина основной оказывается ориентация на собственный опыт, у носителя новой системы – на чужой, на некое общее совокупное знание, которое усвоено не в процессе личной деятельности, а опосредованно, через те или иные средства информации... Для создателей севернорусской ономастики важно чувственно-конкретное глубинное знание очерченного его собственной деятельностью круга предметов, для городского жителя – демонстрация широты охвата действительности" [10. С. 305]. Если носители городской культуры игнорируют названия объектов микромира как источник прецедентов⁵ (микромир не стал достоянием культурного фонда, являющегося для них основным источником образного освоения мира), то носители традиционной установки используют в качестве прецедентов преимущественно названия окружающих их географических реалий, а знания о макромире, заимствованные из культурного фонда, иногда остаются на уровне неадаптированных "варваризмов". При этом, вероятно, не следует ожидать существенных различий между логикой освоения "заморских" и "отечественных" объектов макромира (некоторые различия все же есть, но об этом ниже). Перейдем к описанию конкретных особенностей представления объектов макромира в зеркале русской народной языковой традиции.

Одним из ракурсов изображения объектов макромира – так же, как и микромира – оказывается подача их как **координат некоторого ориентационного поля**. Из всего многообразия ориентационных отношений ономасиологически релевантными становятся два: *далеко – близко* и *стороны света*. Как и следовало ожидать, в паре *далеко – близко* работает только признак удаленности, при этом наиболее системно и последовательно он реализуется на уровне вторичных топонимов: *Америка*, покос – *Дальний покос был // Никто его не знал, где он* [Волог.: Ваш]; *За Америкой, лога – Далеко дак, поэтому За Америкой. Бабы говорили: "Куда пошла косить? А За Америкой"* [Волог.: Ник]; *Воркута*, урочище – *Мужики называли эдак после войны уж, далёко от деревни* [Арх.: Уст]; *Ерусалим*, поле – *Дальнее поле, далеко до него, как до Ерусалима* [Арх.: Уст]; *Заполярье*, поле – *Это Заполярье считалось, ото всех сзади* [Волог.: У-Куб]; *Камчатка*, покос – *В углу была, вот и Камчатка* [Арх.: Мез];

⁵ Это не означает, что объекты микромира вовсе не получают номинативного освоения в городской культуре: неофициальные названия различных городских реалий весьма частотны, хотя, к сожалению, пока недостаточно изучены. В данном случае речь идет об отсутствии не самих микропонимов как фактов именика, а прецедентных имен из их числа.

Китай, покос – *Самая последняя наша пожня* [Арх.: Лен]; *Питер*, покос – *Дней на 10 ездили косить – вроде как в Питер съездили* [Волог.: Устюж]; *Гогин Питер*, поле – *Далеко она, сама последняя новина, потому и Питер* [Арх.: Холм]; *Сахалин*, часть деревни – *Сахалин почти в самом конце деревни, далеко до него* [Волог.: Чаг]; *Сибирь*, поле – *Далеко поле, вот и Сибирь* [Арх.: Уст]; *Тайвань*, урочище – *Ушла за Тайвань – заблудилась* [Волог.: Бабуш]; *Турция*, деревня – *Далеко Турция, автобусы не ходили в ту сторону, вот и прозвали так* [Волог.: Бабуш]; *Туруханский Край*, куст деревень – *Далеко и бездорожье дикое* [Волог.: У-Куб]; *Финляндия*, часть деревни – *На отставу она, подальше от других* [Волог.: В-Уст]. Ср. также прозвище жителей д. Хлыщево *китайцы* (имеющее показательный параллельный вариант *лопари*) – *От сельсовета самая крайняя деревня с той стороны* [Арх.: Вель]. В отличие от ономастики, в нарицательной лексике признак удаленности на базе изучаемого номинативного материала имеет ономаσιологически слабую позицию: образ единичного объекта здесь излишен своей конкретностью, адресностью, в то время как мотивационно продуктивной является идея неопределенно дальнего расстояния или отдаленного локуса (ср. раритетные факты вроде *амуры* ‘отдаленное место’ Волог. [4. Вып. 1. С. 252], *уйти в ирбит* (*ирбить*) ‘уйти очень далеко’ Волог. [2]. При реализации отношения *далеко – близко* весьма важной оказывается идея границы освоенного и неосвоенного пространства, которая нередко выражается через такой признак, как возможность зрительного освоения объекта: границей становится визуальный предел, который гиперболизированно обозначается с помощью образов “своего” макромира: *Кострому видно* ‘о ясной погоде’ Волог., *Москву видать* ‘о некрепком чае’ Арх. [2]). Стороны света означиваются через указание на направление, откуда дует ветер или несет лед во время ледохода: *поляк* ‘на Ловати: лед, идущий сверху из Витебской губернии, с которого начинается ледостав’ Пск. [4. Вып. 29. С. 189], *московский ветер* ‘северный ветер’ Тул., Курск., Ряз. [4. Вып. 18. С. 285]. В то же время использование образов макромира в этой позиции менее характерно, чем задействование ближних топографических ориентиров, что говорит о суженности пространственного горизонта носителей традиционной культуры. Объекты макромира осмысляются скорее через их внутренние качества, нежели через ориентационные особенности, поэтому возможны ситуации, когда ориентационная по происхождению модель наполняется иным содержанием: к примеру, названия ветров, образованные от макротопонима Сибирь, мотивированы признаком ‘холодный’, а не ‘дующий с востока’ (*сибиряк* ‘холодный ветер’ Арх. [2], *сибирка* ‘северный ветер’ Дон. [1. Вып. 3. С. 117]).

Естественное расширение топографического горизонта наблюдается в топонимии поморов. Ср. широко используемое поморами противопоставление *русский – немецкий*: эти пространственные показатели, скорее всего, не утратили связи с исходными макроориентирами (ср.: *немецкая сторона, в немецкую сторону* ‘так выражают поморы направление своего пути, идущи Северным океаном в Норвегию или на о-в Новую Землю’ [4. Вып. 21. С. 79]; *русской ветер, ветер с Руси* ‘южный ветер’ [11. С. 85]).

Образы макромира могут быть использованы для обозначения **качественной характеристики локуса**: *алтай* ‘богатое во всех отношениях место’ [12. С. 53]; *Урал*, дорога – *Зимой переметает снегом, задувает, она высоко, как на Урале* [Арх.: Уст]; *Сахара*, поле – *Удобрения надо, чтоб дильно было, так-то бела земля* [Арх.: Вель]; *кубанцы*, жители д. Труново – *Нас называли кубанцы: усадьбы хороши, всё росло как на Кубани* [Волог.: В-Важ] и т.д. Нередко качественная характеристика сводится к общей недифференцированной оценке объекта макромира, превращающей образ в лубочную картинку: *что Волга* ‘красивый, бойкий, веселый’ [13. С. 330]; *Париж*, поле – *Красивое поле, хорошо родит* [Сверд.: Ревд]; *Ленинград*, покос – *Покос большой, хороший, гладкий* [Волог.: Кир].

Географический макромир входит в жизнь носителя традиционной культуры с помощью **фактов материальной культуры** – одежды, сортов сельскохозяйственных культур, средств передвижения и проч., что также находит отражение в языке. Выделяются идеограммы, наиболее открытые для лексики, образованной от обозначений объектов макромира: к примеру, продуктивна в этом плане идеограмма 'печь и ее конструктивные особенности': *голландка*, *полька* 'голландская печь' [4. Вып. 29. С. 182], *шведка* 'печь с закрытой плитой и духовкой' [3. Вып. 10. С. 71], *венгерка* 'передняя часть русской печки' [4. Вып. 4. С. 111], *мурманская печь* 'широкая печь с просторной лежанкой из зеленых изразцов' [4. Вып. 18. С. 357]; ср. *русская печь*). Дифференциация географических "источников" предметов материальной культуры (стоящая за ситуациями, когда одна и та же реалья означает с помощью различных оттопонимических образов) при ближайшем рассмотрении нередко оборачивается нейтрализацией, при которой на самом деле конкретный "производитель" товара не важен, а значим сам факт необычности чужого, "заморского" изделия. Ср., к примеру, наименования нарядной красной ткани с узорами (и изделий из нее – платков или сарафанов): *парижчина* 'хлопчатобумажная ткань, "называемая также красный ситец"' [4. Вып. 25. С. 224], *француз* 'ткань ярко-красного цвета, кумач' [3. Вып. 10. С. 28], *аршавский платок* 'шерстяной платок с цветами богатого рисунка' [14. Вып. 1. С. 21], *агличник* 'сарафан из яркой ткани с цветным узором', *аглицкая фатка* 'нарядный ситцевый платок', *датский сарафан* 'из цветного ситца с рисунками' [2], *московский сарафан* 'праздничный сарафан особого покроя без лент, обшивок и пояса' [4. Вып. 18. С. 285] и проч. Нейтрализация конкретного производителя в данном случае обусловлена тем, что соответствующие товары являются привозными, изготовленными фабрично, ср.: *московская тётка* (*московская Параша*) 'фабрика по производству и пошиву одежды'. *Московскъя тёткъ работъить ни сваими руками, а нъ машинъх, а мы на сваих руках. Эта ш были как пирвабытныи люди, ани сами ткали, пряли, а щкас Масковскъя теткъ обрабатывъить усё 'об одежде фабричного производства'. Раньшы-тъ усё нъсили суконные, дъматканные, и нъ тибе-тъ щкас Масковскъя тётка* [5. Вып. 6. С. 147]. Показательно, что здесь, как и в предыдущих случаях, на равных задействуются образы своей страны и "заграничные" (допустим, *Париж* и *Москва*).

Однако отличие образов "своего" макромира от "заграничного" проявляется в том, что первые могут приобретать в номинативных единицах **социальное звучание** ("заморские" в этой плоскости не осмысляются) в духе оппозиции *город – деревня*, ср.: *намосквичиться* 'перенять ловкость москвичей' [4. Вып. 20. С. 41], *начеркачиться* 'усвоить говор и манеры горожан' [15. Вып. 2. С. 176], *обпитереться* 'приобрести городские манеры, лоск', 'стать бесцеремонным, наглым' [4. Вып. 22. С. 189], *напитериться* 'приобрести манеры жителя большого города'. *Уехала учиться, дак напите-рилась, чубырится над нами* [2]. Интересно, что "окультуривание" может быть интерпретировано в языке и как *выход на русь* (*выйти на русь* 'выйти в люди, набраться опыта, получить образование'. *Был так себе, а вышел на русь – сделался человеком* [2], *обрусеть* 'стать культурнее'. *Обрусели люди, дома с верхом строят, просветлеют вроде, обрусуют, не как раньше* [4. Вып. 22. С. 213], *повырусеть* 'стать культурнее, образованнее' [4. Вып. 27. С. 277]), но последнее воспринимается позитивно, в то время как приобретение манер жителя большого города осмыляется скорее негативно (*петроградка* 'модница, франтиха' [7. Вып. 4. С. 493], *питерец* 'бродяга' [7. Вып. 4. С. 521], *питерка* 'лентяйка'. *Девки питерки нынь, робить ничего не хотят* [2] и др.).

Характерно, что вот эти социальные нотки оказываются подхваченными современным жаргоном и просторечием, однако развитие темы идет в иной тональности, с позиции жителя центра по отношению к провинциалу: ср. коннотации топонимов

Камчатка, Конотоп, Сахалин, Тмутаракань, Урюпинск 'какое-то далекое, глухое место' [16. С. 126], а также появившуюся в результате игровой ремотивации лексику *криворожье* 'глухая провинция, захолустье' [17. С. 292] и квазитопоним *Мухосранск* 'провинциальный город'. *Чем ехать в какой-нибудь Мухосранск по распределению, лучше в Москве замуж выйти* [17. С. 364]⁶.

Недостаточность объективной информации о чужих городах и землях дает богатые возможности для народно-этимологических переосмыслений, демонстрирующих достраивание образа на базе собственно языковых ресурсов. Так, семантика "попойки" в смысловом наполнении идиомы *съездить в питер* 'хорошо провести время в развлечениях и попойках' [2] появилась благодаря притяжению к слову *питер* < *пить*, которое выступает в сочетаниях, обозначающих питье, напиток: *питередер*, *питер и ядер*, *питер и идер* [4. Вып. 27. С. 53]⁷, ср. также *ни питера, ни идера не знать* 'о высокой степени усталости' [22. Вып. 7. С. 61], *питёра* 'обжора' [4. Вып. 27. С. 53]. Позитивные коннотации многочисленных *англицких платов*, *фаток* и *сарафанов* сформировались не без влияния со стороны слова *ангел*, ср. *ангельский плат* 'нарядный цветастый платок' [2] (показательно, что в одной локальной традиции в архангельских говорах *ангельский плат* употребляется параллельно слову *хранцуз*, *француз* 'то же': *У баушки ангельский плат быу, красный, с цветками, хранцуз-от* [2]). Лексема *Украина* 'окраина, дальние деревни', 'запущенное, заросшее место', 'захолустье' [2], очевидно, возникла без участия известного топонима, непосредственно от слова *край*, однако народно-этимологическое притяжение к макротопониму провоцирует появление апеллятивных лексем *украина*, *хохляндия* 'захолустье'. *Смелясь: кто поедет в нашу украину, в хохляндию таку. У нас тут хохляцкий край, украина* [2]. Отмечены также народно-этимологические трансформации вторичных образований от имен *Содом* (← *судить*), *Гоморра* (← *гам*, *гомон*), *Палестина* (← *поле*, *паль*, *пластина*), *Мордовия* (← *морда*) и др.

В отличие от образов объектов микромира, которые, как правило, сводятся к одной доминирующей характеристике, реалии макромира могут разносторонне прорабатываться в номинациях. Пожалуй, в русской языковой традиции наиболее детально прорисован "*портрет*" *Москвы*. Здесь могут быть выделены следующие мотивы.

Москва – **символ русского**, представляет Русь вообще: *московка* 'о русской женщине', *московский* 'русский' [4. Вып. 18. С. 285] и мн. др.; ср. также широко распространенное прозвище русских *москали*.

Москва имеет черты **большого города**: в ней **много жителей** (*Москвы уголок* 'о деревне, где проживает много жителей' [2]), **высокие дома** (*Москва* – название болота в бассейне р. Казым; по мнению информантов, болото названо так потому, что на нем огромные кочки, похожие на многоэтажные дома, между которыми легко заблудиться [устное сообщение Т.Н. Дмитриевой]). В некоторых номинациях отражены более индивидуализированные приметы внешнего облика Москвы. Интересен, к примеру, образ **золотых маковок**, обнаруживаемый в названии поля *Москва-Золотые Маковки* [Арх.; В-Т], а также в идиоме *прощай, Москва-золотые маковки*

⁶ Показательны также многочисленные жаргонные факты, содержащие оценку интеллекта провинциала: *глуп, как тульский пряник* 'о глупом человеке' [18. С. 40], *тульский пряник* 'дурачок, простачок', *тюмень* 'провинциал; недалекий, некультурный человек', *урюпинский* 'неразвитый, "темный" (о человеке)' [19. С. 382, 485, 495], *краснодарский край* 'глуповатый человек', *сибирский валенок* 'о глупом, неразвитом человеке' [20], *Маша с Уралмаша* 'о простоватом, глупом человеке' [18. С. 92], *туз колыванский* 'чрезмерно доверчивый человек' [17. С. 601], *Ванька из Криворожья* 'о недалеком, малообразованном человеке, провинциале' [17. С. 88].

⁷ Этимологический комментарий к сочетаниям такого рода см.: [21. Вып. 6. С. 39].

‘о том, что безвозвратно утрачено’ [2]. Ср. также представленный в жаргонных номинациях образ **московских колоколов**: *устроить московский звон* (звон московских колоколов) ‘ударить кого-л. с двух сторон по ушам’ [17. С. 221].

Москва представлена **атрибутами материальной культуры**. Чаще всего это одежда и обувь; при этом, как правило, речь идет о нарядной, дорогой, покупной одежде (ср. приводившуюся выше идиому *московская параша*): *московочка* ‘кофта с белым воротником’ [22. Вып. 5. С. 5], *московец* ‘сарафан (обычно нарядный)’, *московка* ‘сорт шерстяных шляп’, *московская рубашка* ‘нарядная рубашка с коленкоровыми белыми рукавами, манжетами и кружевами’, *московские лапти* ‘лапти косоги плетения; по бокам делается полоса, через которую переплетают лыко; за нее зацепляют оборы’ [4. Вып. 18. С. 285] и мн. др.; показательно и жаргонное *москвичка* ‘ватное полупальто с косыми карманами и воротником – лагерный шик’ [17. С. 357]. Образ Москвы отражен в наименованиях спиртных напитков: *московное вино* ‘водка’ [4. Вып. 18. С. 285]; ср. также *московская резня* ‘особая разделка лосося’ [4. Вып. 18. С. 285].

Москва задает вектор в **ориентационном поле**. В различных регионах России выделяют ветер, дующий со стороны Москвы: *москаль* ‘юго-восточный ветер’ Волог. [2], *москвич* ‘северный холодный ветер’ Латв. [4. Вып. 18. С. 284], *московец* ‘северный ветер’ Тамб. [4. Вып. 18. С. 285] и т.п. Кроме того, как говорилось выше, Москва задает некоторый визуальный предел, определяет линию горизонта, что своеобразно преломляется в номинации *Москва видно* ‘о слабом чае’ [2].

Москва является источником **положительных эмоций**, ее образ мелиоративно окрашен. Спектр мелиоративных коннотаций широк – от признаков ‘нарядный’, ‘дорогой’, ‘красивый’ до наиболее обобщенных ‘хороший’, ‘приятный’: *как в Москву съездить* ‘испытать состояние блаженства, полного удовлетворения от чего-либо’ [2]; поле *Москва – Там хорошая земля, вот поле Москвой-то и назвали* [Волог.: В-Уст]; *московик* (параллельное название *дорогой гриб*) ‘белый гриб’ [2], *москаль* ‘то же’ [23. Вып. 1. С. 525]; ср. и выражение *показать Москву в решете* ‘обмануть, одурачить’ [24. Т. II. С. 520] (где *Москва* заменяет слово *чудо*). Показателен также печальный и ироничный вологодский топоним *Московская Тропинка*, являющийся обозначением дороги на кладбище, – “многие у нас мечтали в большой город поехать. Да не вышло. Все уж поумирали. А после смерти пусть им будет большой город” [Волог.: Бабуш]. Образ Москвы появляется здесь, во-первых, потому, что кладбище представляет собой весьма “густонаселенный” локус; во-вторых, представления о смерти и кладбище связаны с идеей путешествия; в-третьих, существующий в сознании носителей крестьянской культуры миф о Москве сближает ее с раем.

Портрет Москвы немыслим без образа ее **жителей**. Главный признак москвичей – **разговорчивость**, умение хорошо и красиво говорить: *москва* ‘об очень разговорчивом человеке’ [4. Вып. 18. С. 284]; *москва* ‘мастер поговорить’. *Дедушко-то ваш так-то много знает, он говорит мастёрый, москва говорит* [25. Вып. 306]; *Москвич*, житель д. Нижмозеро – *Он говорил, как москвич* [Арх.: Он]; *Московец*, житель д. Бестужево – *Вышел из армии, стал говорить чище, вот и московец* [Арх.: Уст]; *московец* ‘прозвище человека, который умеет хорошо, красиво говорить’ [4. Вып. 18. С. 285] и др. Разговорчивость тесно связана, с одной стороны, с **бойкостью**, доходящей до **плутовства**, с другой стороны – с общей **культурой, знаниями, умением красиво одеваться** и т.п.: *москва* ‘о разговорчивом бойком обманщике, плуте’ [4. Вып. 18. С. 284] (ср. также приведенное выше *намосквичиться* ‘перенять ловкость москвичей’); *московка* ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’. *Она московка, всё знает, а я ничего не знаю. Московка, говорят, вот идёт: снаредится, выступиват и говорит хорошо. Московка – котора хорошо говорит, много знает, хорошо одевается. Про детей чаще так говорят: "У, какая московка ты у нас" [2];*

Москва, жительница д. Чуласа – *Дусяка Леонидова Москва така, всё знат* [Арх.: Леш]; Москва, жительница д. Дийково – *Была богатой и много знала* [Волог.: Баб]. Признак **высокого благосостояния**, промелькнувший в мотивировке последнего прозвища, проявляется и в прозвище жительницы с. Верхняя Тойма *Московка – Манька в центре живёт, богатая, вот и зовём Москоука* [Арх.: В-Т]. Все это создает противопоставленность "москвичей" и жителей деревни, поскольку первые **не умеют настоящему работать**: *москвичка 'неженка, любительница "чистой" работы'. Нонь все девки москвички, в деревне копать не надь. Старша Танька у их москвичка така, ничего не нравится ей, всё гребует деревенской жизнью* [2]; *московка 'не умеющая работать, манерная женщина'. Кланя москоука така, ничего не умеет, всё жеманится* [2] (ср. также пословицу: *Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а большие (а лучше) деревенского едят* [26. Т. I. С. 110]). Негативные коннотации в образе москвичей хорошо проявляет и жаргонная лексема *москвич* 'заснавшийся, наглый и глупый заключенный' [17. С. 357]. Сложный комплекс оценок "москвичей" отражен в мотивировках прозвища *Москвичи* (параллельное прозвище *Чаевые*), жители д. Веселая – *Кто-то сказал, что эта деревня лучше всех // Хорошо в деревне жили, на горе, весело им // Есть нечего, а они нарядные ходят // Без чая на работу не выдут* [Волог.: К-Г].

Наконец, для жителя провинции весьма значим мотив самой **поездки в Москву**, который выражен во внутренней форме ряда фразеологизмов: *поехать в Москву за песнями* 'поехать, пойти куда-либо без определенной цели', *поедет до Москвы на языке* 'все разузнает, найдет' [6. С. 141], *до Москвы съездить* 'родить' [27. С. 39], *на языке через Москву переехать* 'о ком-либо словоохотливом, бойком на язык' [8. С. 73]. Кстати, напомним также о мотиве **показать Москву** (ср. упоминавшееся выше выражение *показать Москву в решете*, а также просторечное *показать Москву* 'приподнять кого-либо за уши'), который тоже дает яркий "стоп-кадр" в картине взаимодействия приезжих со столицей.

Таким образом, Москва предстает как наиболее освоенный народным сознанием образ макромра. Проработанность этого образа объясняется тем, что этнокультурная информация о Москве транслируется многими каналами, создавая стереометричность изображения, а также тем, что Москва включена в сферу непосредственного опыта носителя традиционной культуры (об этом говорят, например, фреймовые, "сценарные" мотивы *поехать в Москву, показать Москву*).

Очень важным, но трудно решаемым представляется вопрос о хронологической стратификации рассматриваемых номинативных фактов, которая могла бы показать, как формировалась "расширяющаяся вселенная" в сознании носителя традиционной культуры. В некоторых случаях материал позволяет говорить об относительной хронологии. Так, частотность фиксации языковых фактов, образованных от определенных макротопонимов, и детализированность номинативной разработки образа заставляет думать о том, что к более раннему пласту следует отнести производные от библейских имен (*Палестина, Вавилон, Содом*), а также топонимов *Москва, Дунай, Карпаты*.

Об абсолютной хронологии – естественно, с изрядной долей осторожности – можно говорить в тех случаях, когда номинативный факт "привязывается" к историческим событиям. К примеру, многозначная идиома *за (в) можай загнать (гнать, загонять, вогнуть)* 'отправить, выслать очень далеко, в самые отдаленные места', 'наказать, проучить, отомстить', 'изнурить, утомить работой, измучить', 'превосходить кого-нибудь в работе' [5. Вып. 6. С. 135] (ср. также *за можай (мазай) загнать* 'утомить', 'заставить страдать, мучиться' [28. Вып. 3. С. 10, 27]) содержит отсылку к ситуации отступления армии Наполеона во время войны 1812 г. (*можай* ← *Можайск*) (интересно, что "генная память слова" как будто возрождает эту ситуацию в новое время,

когда в деэтимологизированном уже фразеологизме место французов занимают немцы, ср. один из контекстов: *Немец здесь не был, наши-ть быстръ их зъ мажай загнали* [5. Вып. 6. С. 135)]⁸. Еще примеры: сочетание *стара ладога, разорёна ладога* 'о заброшенном, разрушенном доме' [2] указывает на события, связанные с блокадой Ленинграда; вторичные топонимы *Порт-Артур, Дарданеллы, Хасан, Нагорный Карабах* обязаны своим появлением, соответственно, событиям русско-японской войны, Дарданелльской морской десантной операции 1915 г., боям у озера Хасан в 1938 г., конфликту между Арменией и Азербайджаном конца 80-х – начала 90-х годов XX в. и т.п. Несомненно, что большинство образов макромира закрепилось в языке именно в XX в., когда произошло резкое расширение кругозора носителя традиционной культуры. В наибольшей степени это положение относится к топонимической номинации: ономастический факт имеет менее отработанную и выкристаллизовавшуюся, а также более "слабую" и ситуативно зависимую семантику, нежели апеллятивный, поэтому мотивировки онимов (как первичные, так и вторичные) могут казаться случайными, отражающими далеко не существенные характеристики, ср.: *Румынцы, жители д. Кряж – Нет у них реки, так поэтому. Мы румынцев-то не любили* [Волог.: К-Г]; *Португальцы, жители д. Левково – В войну богато жили* [Арх.: Вель]. Однако и в этом случае мы получаем достаточно важные сведения о способах бытования представлений о макромире в сознании носителей народной культуры.

Итак, географическое пространство в традиционной народной картине мира делится на две зоны – макромир и микромир. Первая из них, являющаяся зоной непосредственного практического освоения, разработана подробно и объективно, именно отсюда наиболее часто черпаются прецедентные имена; образы второй зоны, "питаемые" зачастую только культурным фондом, предстают как менее иконичные в семиотическом плане и более субъективированные, причем эта субъективность усиливается за счет срабатывания фактора языковой относительности, который фактически не вмешивается в создание образов объектов микромира. Описанная система не является замкнутой, поскольку в XX в. произошло ее резкое расширение, которое, возможно, в будущем изменит принципы организации системы. Дальнейшая разработка заявленной в данной статье проблематики поможет воссоздать карту "круга земель", существующую в народном сознании.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

в наименованиях административных районов:

- Баб – Бабаевский район Вологодской области
- Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области
- Ваш – Вашкинский район Вологодской области
- В-Важ – Верховажский район Вологодской области
- Вель – Вельский район Архангельской области
- Вил – Вилегодский район Архангельской области
- В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области
- В-Уст – Великоустюгский район Вологодской области
- К-Г – Кичменьгско-Городецкий район Вологодской области
- Кир – Кирилловский район Вологодской области
- Лен – Ленский район Архангельской области
- Леш – Лешуконский район Архангельской области
- Мез – Мезенский район Архангельской области
- Ник – Никольский район Вологодской области
- Нюкс – Нюксенский район Вологодской области
- Он – Онежский район Архангельской области

⁸ Возможно, исторические события 1812 г. мотивируют также лексему *можайский* 'обедневший, обнищавший' [4. Вып. 18. С. 199].

Ревд – Ревдинский район Свердловской области
У-Куб – Усть-Кубенский район Вологодской области
Уст – Устьянский район Архангельской области
Холм – Холмогорский район Архангельской области
Чаг – Чагодощенский район Вологодской области

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.
2. Лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета.
3. Ярославский областной словарь / Ред. колл.: Г.Г. Мельниченко, Л.Е. Кругликова, Е.М. Секретова. Ярославль 1981–1991. Вып. 1–10.
4. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л., 1966. Вып. 1.
5. Словарь орловских говоров / Научн. ред. Т.В. Бахвалова. Ярославль, 1989. Вып. 1.
6. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994. Вып. 1.
8. Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья // Сост. К.Н. Прокошева. Пермь, 1972.
9. Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1964–1987.
10. Рут М.Э. Оразная ономастика в русском языке: ономастиологический аспект: Дис. на соискание степени д-ра филол. наук / Урал. ун-т. Екатеринбург, 1994.
11. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
12. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
13. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.
14. Словарь брянских говоров. Л., 1976. Вып. 1.
15. Словарь русских донских говоров / Авторы-составители Валюсинская З.В., Выгонная М.П. и др. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
16. Отин Е.С. Материалы к словарю коннотаций собственных имен (буква А) // Восточно-украинский лингвистический сборник. Донецк, 2000. Вып. 6.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
18. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь: Словарь разговорных выражений. М., 1994.
19. Елистратов В.С. Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг. М., 1994.
20. Картотека молодежного сленга (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета).
21. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. акад. О.Н. Трубачев. М., 1974. Вып. 1.
22. Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983. Вып. 1.
23. Словарь пермских говоров. Пермь, 1999. Вып. 1.
24. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. В 2-х т. М., 1994.
25. Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения. Екатеринбург, 1996.
26. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV.
27. Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
28. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978. Вып. 1.

© 2002 г. Д. МЛАДЕНОВА

"ГЛАЗА" И "ЗРЕНИЕ" НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ: СВЯЗЬ КОНЦЕПТОВ СВЕТА И ЗРЕНИЯ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Занимаясь изучением балканских народных астрономов, я установила, что в основе восприятия небесных светил в традиционной культуре и языках балканских народов лежат некоторые устойчивые концептуальные связи. Первую, самую общую связь, включающую в себя в некотором смысле и другие связи, можно определить как "параллелизм человек–небесные светила". Вторую связь я назвала бы "небесные светила – образец человеческой красоты", третья, которой и посвящена данная статья, получила условное название "о глазах и зрении небесных светил".

1. СВЯЗЬ МЕЖДУ КОНЦЕПТАМИ СВЕТА И ЗРЕНИЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Представление о том, что солнце, месяц и звезды "смотрят", распространено очень широко не только на Балканах. Вот некоторые из самых характерных примеров в балканской традиционной культуре:

1. Румыны считают, что солнце и месяц – это глаза Бога [48. S. 117], при этом солнце служит ему днем, а месяц – ночью [49. S. 314; 52. S. 25]. Согласно одной румынской легенде, солнце и месяц произошли из правого и левого глаза матери дьяволов [49. S. 145–148]. Болгары полагают, что звезды – это глаза Бога ([1. АЕИМ 881-П. Л. 56]) или дыры, сквозь которые он смотрит на землю [18. С. 20; 22. № 35. С. 90]. В болгарской народной песне говорится, что из глаз попавшей в вихрь девушки образовались звезды: *ф сѣлу са светрушка свѣлу / и ми я Рада дигналу, / ... / дѣту хи ѝбчи пѣннали, / дрѣбни хи дзвѣзди стѣнали* [23. Кн. 47. С. 51]; песня записана в с. Стан, р-н Нови Пазар у переселенцев из с. Сюит в Малой Азии. Греки тоже воспринимают солнце как глаз Бога, причем корни этого представления уходят еще в древнегреческую мифологию [74. S. 133–134].

Интересно отметить, что в ведийском гимне Пуруше – мифическому человеку, из частей тела которого происходит мироздание, говорится, что "из глаза солнце родилось" [11. С. 820]. Можно указать и на аналогичные германские верования: звезды – это либо окна, дыры, сквозь которые смотрят ангелы, либо глаза ангелов [42. Вд. 9. S. 767, 772]. Н. Политис приводит множество параллелей к греческому представлению о солнце как глазе Бога не только из индоевропейской, но и из других традиций [74. S. 134].

Младенова Дарина – д-р филол. наук Института балканистики БАН (София).

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

2. Болгары верят, что у солнца есть множество глаз, которыми оно осматривает мир, или что у него четыре или два глаза, или один глаз [18. С. 37]. Согласно одной болгарской легенде, змея выпила один из двух глаз солнца [18. С. 38]. Хорваты говорят, что у солнца было десять глаз, девять из них выпила змея, а последний, десятый, спасла ласточка [45. С. 223]. Греки считают, что у солнца один большой глаз [78. С. 6]. В другой греческой легенде говорится, что во время ссоры солнца и месяца месяц выколол солнцу глаз, и с тех пор у солнца один глаз [72. С. 127 / пр. 230].

3. В болгарских и греческих легендах, известных в разных вариантах, солнце и луна поспорили, кто из них красивее и кто греет сильнее (в некоторых вариантах уточняется, что сначала они излучали одинаковый свет и тепло). Разгневанное солнце бросило в лицо месяцу грязь или нечистоты и таким образом ослепило ему один глаз или, по другим вариантам, испачкало ему лицо. С тех пор на месяце видны пятна и он светит слабее [23. Кн. 11. С. 83–84; 22. № 1. С. 117; 1. АЕИМ 878–II. Л. 6, 49; 1. АЕИМ 778–II. Л. 1, 22; 72. С. 127–129]. В одной румынской легенде Бог ослепил луну, чтобы она (в румынском языке *luna* 'месяц' женского рода) не видела красоты своего брата солнца и не влюбилась в него [48. С. 118]. Другая румынская легенда рассказывает, что, когда небо находилось низко над землей, паству бросил в месяц нечистоты и ослепил его. Тогда Бог рассердился и поднял небо высоко [52. С. 4]. Существуют и болгарские легенды, в которых не солнце, а девушка бросает нечистоты в лицо месяцу [18. С. 30]. В других вариантах не указывается, кто именно ослепил месяц [2. С. 229]. Очень часто в балканских легендах ослепленным глазом или испачканными грязью или калом глазами месяца объясняется его более слабый по сравнению с солнцем свет.

4. Представление о том, что солнце, месяц и звезды "смотрят" и "видят" все, что происходит на земле, лежит в основе балканских песен, в которых к месяцу, солнцу или звездам обращаются, желая узнать судьбу пребывающего в далеких краях близкого родственника или передать ему приветы или известие [23. Кн. 4. С. 29; 44. С. 292; 62. Т. 4/1. С. 98; 62. Т. 5/2. С. 300; 64. С. 435; 78. С. 6; 74. С. 136–140; 49. С. 598]. С тем же представлением о том, что солнце, обращаясь вокруг земли, все знает и видит, связан известный у болгар, румын и греков сказочный сюжет, в котором герой советуется с солнцем (иногда и с месяцем и звездами) о том, как решить трудную задачу или найти потерянного родственника (ср. [18. С. 40–41; 7. С. 162–165; 49. С. 215–216; 73. С. 138–139; 69. С. 278–285]), а также греческие, арумынские, албанские, болгарские и итальянские варианты сказки братьев Grimm "Снегурочка", в которой злая мачеха/мать спрашивает, есть ли на свете кто-нибудь красивее ее, обращаясь не к волшебному зеркалу, а к солнцу [74. С. 137; 7. 246–247].

5. О том, что небесные светила "смотрят", свидетельствуют также обрядовые практики и запреты. При этом в греческих описаниях обычно прямо говорится о том, что небесные светила "смотрят", тогда как у других балканских народов это представление служит мотивировкой соответствующих обрядовых действий. Например, у болгар и у греков сосуд с так называемой молчальной водой (*мълчана вода*), при набирании и перенесении которой соблюдается молчание и которая используется во время гаданий о женитьбе в обряде *Еньова буля* (гр. Κλήδον), оставляют ночью накануне Ивана Купалы (болг. *Еньовден*) [6. С. 113] во дворе, чтобы она постояла под звездами; в греческих описаниях обряда прямо говорится, что это делается для того, чтобы "звезды увидели" воду (о-в Родос [71. С. 203]). В румынских любовных заговорах сосуд с ритуально зачерпнутой водой тоже оставляют ночью под звездами и, на следующий день девушка умывается этой водой [53. С. 40]. Распространенный у балканских народов обычай оставлять под звездами лечебные травы тоже объясняется у греков необходимостью, чтобы "звезды увидели" эти травы (о-в Крит [78. С. 9]; о-в Самос [61. С. 562]). С другой стороны, запрет давать закваску взаймы после захода солнца соблюдается для того, чтобы "звезды не увидели" закваску (о-в Самос [61. С. 562; 62. Т. 3. С. 241]). В связи с солнцем тоже есть подобные запреты – например, у греков рожнице запрещается выходить из дома, чтобы ее "не увидело солнце"

(Перюстерá в Македонии [68. S. 230]), и, наоборот, детские пеленки нельзя оставлять на дворе после захода солнца, но, если это случится, то нельзя убирать их, пока их "не увидит солнце" (Фракия, [77. S. 402]).

Запрет показывать пальцем на звезды, месяц и солнце лужичане и поляки связывают с верованием, что таким образом человек может выколоть глаза Богу [25. Т. 2. С. 294].

6. В болгарской загадке из р-на Ботевграда (Етрополе) и Пловдива (Зелениково) [26. № 1654] о голове человека волосы кодируются как густой лес, лоб – как поляна, брови – как шнур для окантовки крестьянской одежды, глаза – как звезды, щеки – как яблоки, нос – как источник, уста – как лохань, подбородок – как кочерыжка: *Гаста ми гаста корийка, под корийка полянка, под полянка гайтанки, под гайтанки дзвездици, под дзвездици ябълки, под ябълки изворче, под изворче копанкя, под капанкя кочанче*. Глаза в загадке о коте обозначены как "светлячки" [26. № 1143, см. и с. 52], а в загадке о лошади как "два, которые светят и смотрят" [26. № 1032, см. также С. 52].

В румынских загадках звезды загадываются как светящиеся глаза, а глаза – как яркие звезды: *Peste munți și peste mări numai ochi licăritori* [Stelele] 'Над горами и над морями только сверкающие глаза [Звезды]' [54. S. 100]; *Peste munți și peste văi / numai ochi luminațori* [Stelele] 'Над горами и над долинами только светящиеся глаза [Звезды]' [50. S. 181]; *Am doi luceferei: cît îi arunc, afită se duc* [Ochii] 'У меня две яркие звезды: как далеко бы я их не бросил, они туда идут [Глаза]' [39. S. 123]; (*Luceafăr* используется как название утренней и вечерней Венеры, а также и других ярких звезд или планет); *Doi luceferei, privesc lumea cu ei* [Ochii] 'Две яркие звезды, ими смотрю на мир [Глаза]' [39. S. 123].

В греческой загадке из Хиоса солнце загадывается как глаз, который смотрит на весь мир: Μ'ένα ἴματι, μονόματο ὄλον τοῦ κόσμου βλέπω [63. S. 77. № 76].

В албанской загадке² о солнце тоже фигурирует его глаз: *Sa hap syrin, gjithcka ndrin, / sa e mbyll, gjithcka nxin; / mat e jetë vjen e shkon / gjë e gjallë pa të s'rron* 'Когда откроет свой глаз, все освещается, / когда его закроет – все темнеет, / оно постоянно приходит и уходит, / без него ничего не может быть живым' [38. S. 134].

Примеры из фольклорных текстов и этнографических описаний, в которых присутствует мотив глаз и зрения небесных светил, можно продолжить, но и приведенные материалы, как кажется, уже достаточно ясно показали присутствие этого мотива в балканской традиционной культуре. Конечно, этот мотив является частью общей антропоморфизации небесных светил – напомним, что в народных представлениях солнце, месяц, утренняя и вечерняя звезда – это люди, обычно родственники; что у солнца и месяца есть мать; что солнце женится, возвращается вечером в свой дворец, оно ест, купается, спит, сердится, тужит; месяц ужинает, женится; восход и заход небесных светил представляются как рождение и умирание и т.д. [18; 52; 74; 75].

Обратимся теперь к языку.

2. СВЯЗЬ МЕЖДУ КОНЦЕПТАМИ СВЕТА И ЗРЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

2.1. Мотив излучения света в языковом концепте небесных светил

Важность этого мотива отражается: 1) в номинации по этому признаку, ср. этимологию праслав. *gvězda и родственных с ним балтийских названий для звезды, которые восходят к и.-е. корню **ǵhwoj-* 'блеск, сияние' [30. Т. 7. С. 182]; происхождение новогреческого названия месяца *φεγγάρι* из др.-гр. *φέγγος* 'свет' [60. S. 398]; происхождение латинского названия месяца *lūna* и родственных с ним среднеирланд-

² Албанские материалы из [36, 35, 38, 32] мне предоставила коллега Русана Христова-Бейлери, за что я ей очень признательна.

ского и армянского названий месяца из и.-е. корня *louk^hsnā- со значением 'светящее тело', 'светило' [11. С. 684–685]; 2) в обычной для названий небесных светил сочетаемости с глаголами, существительными или прилагательных со значением 'греть', 'светить' и т.д. / 'свет', 'блеск', 'сияние' и т.д. / 'светлый' и т.д. (эту сочетаемость болг. звезда и связанную с ней метафорику я подробно рассматриваю в другом месте (см.: [46]).

2.2. Связь между концептами зрения и света

Концептуальная связь 'свет', 'небесные светила' ~ 'зрение', 'глаза' и та же связь со знаком минус: 'темнота, мрак' ~ 'слепота' проявляется как в языке, так и в речи, и ее можно проследить и на синхронном, и на диахронном уровнях. Далее будут приведены примеры разных типов языкового проявления связи концептов 'свет', 'светить', 'небесные светила': 'темнота, мрак' ~ 'зрение', 'смотреть', 'глаза': 'слепота'. Необходимо, однако, подчеркнуть, что не всегда легко однозначно отнести то или иное языковое явление к определенному типу и потому разделение на типы условно и не очень четко.

2.2.1. Проявление связи концептов света и зрения в диахронии

Здесь имеются в виду, с одной стороны, случаи, когда в одном и том же этимологическом гнезде объединяются слова, выражающие концепт света (или небесных светил, или темноты), и слова, выражающие концепт зрения (или глаза, или слепоты), а с другой стороны, случаи, когда в ходе языкового развития произошел переход определенного слова от одного к другому концепту.

1. Этимологи связывают праслав. *ględati 'смотреть' со ср.-в.-нем. *glinzen* 'блестеть' [27. Т. 1. С. 418; 30. Т. 6. С. 123].

2. Наследники (и некоторые производные) праслав. *zorkъ в южнославянских языках означают 'луч', а в русском, польском и словацком языке – 'взгляд', 'зрение', 'зрачок' [4. Т. 1. С. 655; 10. С. 80]. Этимологические словари славянских языков обычно отмечают родство продолжений праславянских корней *zor-, *zar- и *zbr-, различающихся чередованием корневого гласного. Для праславянских слов, образованных с этими корнями, судя по значениям их континуантов и производных в современных славянских языках, можно реконструировать следующие значения: *zorkъ 'луч', 'взгляд', *zor'al*zar'a 'заря', 'свет, сияние', 'луч', 'звезда', 'утренняя звезда', *zbręti 'смотреть' [4. Т. 1. С. 609–610, 654–655, 671–672; 58. Т. 3. S. 660, 661–662; 27. Т. 2. С. 81, 105–106; 29. Т. 3. С. 298, 344, 345–346, 347; 16. Т. 2. С. 256, 278, 279]. И.-е. корень *g'her-, к которому восходит праславянский корень *zor/*zar-/*zbr-, значит 'блестеть, сиять' [29. Т. 3. С. 344; 16. Т. 2. 278].

Примечательно, что в рум. *a zări* (< др.-болг. зърети совмещаются оба концепта ('свет' – 'зрение'): '1) смотреть; видеть; 2) видеть плохо, неясно; 3) замечать; 4) (пассивное употребление) становиться видным, появляться; 5) (неперех.; устар. и региональное) светить', ср. пример к пятому значению: *Casele lui Dobrișean Nu-s case ca casele, Ci zăresc ca soarele*. 'Дома Добришана не как другие дома, но светят (букв. 'видят'), как солнце'; *În mijlocul lor, fiul de împărat s-a zărit Ca lucefărul de ziă când iese la răsărit* 'Царский сын светил (букв. 'видел, смотрел') среди них, как утренняя звезда, восходящая на востоке' [34. Т. 14. S. 96].

3. Некоторые производные болгарского глагола *видя* 'видеть' в диалектах семантически связываются с другим элементом концептуальной связи – с концептом 'свет': *видел, виделив* 'светлый', *виделина* 'свет', *виделърче, виделé* 'маленькая газовая лампа', *видело* 'свет', 'светило, лампа' [4. Т. 1. С. 143, 145], наречие *видело* 'светло' [15].

4. В древнеирландском языке и.-е. слово со значением 'солнце' *s(a)uHel-/n- сохранилось в значении 'глаз' [11. С. 684]. То же семантическое развитие наблюдается и

у алб. су ‘глаз’, которое сближается этимологами с и.-е. названиями солнца [32. V. 2. S. 119].

5. Согласно одной из этимологических версий, алб. *dritë* ‘свет’ родственно и.-е. корню **derk-* ‘видеть’ [32. V. 1. S. 140].

2.2.2. Проявление связи концептов света и зрения на синхронном уровне

Здесь имеются в виду случаи, когда одно слово объединяет значения правого и левого члена концептуальной пары или когда внутренняя форма слова (далее – ВФ) указывает на один компонент концептуальной связки, а значение – на другой.

1. Интересные примеры слов, значение которых относится к одному члену концептуальной пары, а внутренняя форма – к другой, дают некоторые редкие болгарские диалектные названия зрачка с ВФ ‘утренняя звезда’: *зорничка* ‘зрачок’ [4. Т. 1. С. 654] и ‘звезда’: *зв’ездá, звездá, звéзда, зв’áзда* ‘зрачок’ – р-н Ивайловград (Горноселци, Камилски дол, Покрован), Севлиево (Градище) [15]; *звездúчка* – р-н Гоце Делчев (Крибул) [15]. Параллель к этой номинационной модели в названиях зрачка представляет, напр., серб. *zvjezdica* ‘зеница’ [56. Т. 21. Sv. 95. S. 191], нем. *Augenstern* с ВФ ‘глазная звезда’ [37. Bd. 1. S. 812] и др.-инд. *tārakā* ‘1) звезда; 2) зрачок; глаз’ [57. S. 30].

В румынском языке самое распространенное название зрачка имеет ВФ ‘свет (глаза)’ – *lumina (ochiului), luminița (ochiului)* [31. V. I. Н. 29]. Отметим, что еще лат. *lumen* ‘свет’ могло (особенно во мн. ч.) обозначать глаза [51. P. 1050], и что к этому румынскому названию зрачка имеются романские – ср. итал. диал. *luminella* ‘зрачок’ [55. S. 5161] – и балканские параллели – ср. алб. название зрачка *dritë, drita e syrit* с ВФ ‘свет, свет глаза’ [59. S. 111; 36. S. 376]; то же самое значение и в гегском диалекте – см. [41. Т. 3. S. 32]. Ср. значение ‘зрение’ у греческих названий света *φῆγγος* и *φῶς*, ср. *Θάμπωσε πιά το φῶς του παππού από τα γυράματα* ‘зрение (букв. ‘свет’) дедушки уже тускнеет, слабеет от старости’ [66. Т. 2. S. 1139] и выражение *έχασε τό φῆγγος του* ‘он потерял зрение (букв. ‘он потерял свет’)’ [20. S. 786, 802; 66. Т. 3. S. 2576]. Ср. еще идиоматическое значение ‘глаза’ у греческого прилагательного *φωτερός* ‘светлый’ в субстантивированной форме *φωτερά* (мн. ч., ср. р.), ВФ ‘светящие, светлые’ [66. Т. 3. S. 2577], к чему точную параллель представляет название глаз *светила* в болгарском тайном профессиональном говоре из р-на Гоце Делчева [26. С. 52].

2. Обратный семантический переход представлен армянским названием солнца *areg-akn*, имеющим ВФ ‘солнце-глаз, т.е. глаз, который солнце’ [57. S. 51–52].

3. Гр. глагол *βλέπω* ‘смотреть’ в некоторых греческих диалектах значит ‘светить’ [62. Т. 3. S. 556–557].

4. В понтийском греческом диалекте глагол *τζαραιζω* сочетает значения ‘светить слабым светом’ и ‘видеть неясно’ [70. S. 377].

5. Цаконское гр. то *καυτήλι* объединяет значения ‘лампадка’, ‘свет’ и ‘глаз’ [65. S. 35].

6. Рум. глагол *a vedea* ‘смотреть’ в непереходном употреблении со словами, обозначающими источник света, значит ‘светить’, например, *Lampa nu vede bine* ‘лампа светит (букв. ‘видит’) плохо’ [34. Т. 13/1. S. 216].

То же самое значение и у глагола *a vedera*, распространенного в Трансильвании и Банате и образованного от отглагольного существительного *vedere* ‘видение; зрение’ (< *a vedea* ‘видеть’): ср. *Focul vederează și încălzește însă și soarele tocma aceeaș face* ‘Огонь светит (ВФ ‘видит’) и излучает тепло, однако и солнце делает то же самое’; *Lampa asta vederește slab* ‘Эта лампа светит (ВФ ‘видит’) слабо’; *Acasă când îi cina Lumina te-a vedera* ‘Дома во время ужина свеча осветит (ВФ ‘видит’) тебя’ (фольклорный пример из Трансильвании) [34. Т. 13/1. S. 240]. Адъективированное

причастие от глагола *a vedera* – *vederat* сочетает значения ‘видный, которого можно увидеть’ и ‘светлый, блестящий’ [34. Т. 13/1. S. 240].

У отглагольного существительного – *vedere* ‘видение; зрение’ (от *a vedea*) тоже существует значение ‘свет’, ‘источник света; свеча’, которое отмечается как устарелое и региональное: *În loc de uiağă (sticlă) era pănuș... de animale prin care străbătea vederea în chilii* ‘Вместо стекла были пузыри животных, сквозь которые свет (букв. ‘видение, зрение’) проникал в кельи’; диал. *Și s-au dus unde-o fălănit femeii torcând la vedere* ‘Они пошли туда, где встретили женщин, которые пряли при свете свечей (букв. при ‘видении, зрении свечей’)’ [34. Т. 13/1. S. 246].

У прилагательного *vederos*, образованного от отглагольного существительного *vedere* с помощью суффикса *-os*, есть следующие значения: 1) (устар.) зрячий (о глазах); 2) (устар.) видный, заметный; 3) (устар., регион.) яркий, светлый (о звездах, светящихся объектах и т.п.); 4) пронизанный светом; 5) (устар. и регион.) красивый; 6) (устар.) замечательный (о людях); 7) (устар.) очевидный’, ср. следующий фольклорный пример к третьему значению: *O, ce lună luminoasă și la rază vederoasă* ‘О, какая светлая луна, светом сияющая (ВФ ‘видящая’)’; *Dar ca luna nu-i niciuna De mândră, de vederoasă* ‘Но нет девушки, столь же красивой и блестящей (букв. ‘видящей’), как луна’ [34. Т. 13/1. S. 250].

7. Среди переносных значений румынского названия глаза *ochi* есть группа значений, объединенных авторами Академического словаря румынского языка на базе общей семы ‘пятно’: 1) ‘часть поверхности, выделяющаяся цветом или инородным веществом (водой, песком, снегом, зеленью и т.п.)’; 2) ‘(с определением *de pădure*) поляна’; 3) ‘пятно света, светящаяся точка’; 4) ‘капелька жира’; 5) ‘каждое очко на игральном костяке или картах и т.п.’; 6) ‘каждое из цветных пятен на хвосте павлина’; 7) ‘элемент рисунка вышивки’. Вот несколько примеров к третьему значению ‘пятно света, светящаяся точка’: *El privea în ochiul lumînărei, cu buzele strânse* (М. Eminescu) [34. Т. 7/2. S. 98] ‘Он смотрел в пламя свечи (букв. ‘в глаз свечи’), сжав губы’; *Dar printre crengi adormitoare Din cer un singur ochi de soare Căzu pe brîu și l-a răpit* (G. Coșbuc) [34. Т. 7/2. S. 98] ‘Один солнечный блик (букв. ‘глаз’) упал с неба на пояс сквозь погружающиеся в сон ветки и унес его’; *Tudorică, chinchit de vatră, să uită pe gînduri la ochiurile roșii din spuză* ‘Стоя на коленях у очага, Тудорикэ задумчиво смотрел на красные искры (букв. ‘глаза’) в пепле’ [34. Т. 7/2. S. 98]; *Pe obraji ei tremura un ochi argintiu de lumină, înfrumusețindu-i* (L. Rebreanu) [34. Т. 7/2. S. 98] ‘На ее щеках играло серебряное пятно света (букв. ‘глаз света’), делающее ее более красивой’; *Tremuînd s-a sfîns vâpaia lumînării de masă, iar acuma numai ochiul de jăratîc din cămin Licărește-n umbra dulce, ca o piatră de rubin* ‘Дрожа, пламя свечи на столе угасло, И сейчас только огоньки углей (букв. ‘глаз угля’) в очаге Светились в сладкой тени, словно рубины’ (G. Torîcseanu) [34. Т. 7/2. S. 98]; *Lucea cînd și cînd doi ochi de jar din spuză* ‘Иногда просвечивали два огонька (букв. ‘два глаза жара’) в горячей золе’ (М. Sadoveanu) [34. Т. 7/2. S. 98].

8. К характерным выражениям, связанным со звездами, относится обозначение глаголом или прилагательным прерывистости их света – болг. *тrepтjа, затrepткам, мигам*, рум. *clipi, sclipi, pîlpîi*, алб. *vagëlloj* (подробнее о болгарских обозначениях этой особенности света звезд см.: [46]). С точки зрения концептуальной связи свет/небесные светила ~ зрение/глаза, особый интерес представляют болг. *мигам*, рум. *clipi, sclipi*, алб. *vagëlloj*. Основное значение болг. *мигам* – ‘мигать, моргать’, но у глагола есть и значение ‘мерцать (о звездах, лампах, свечах, лампадках и т.п.)’, ср. *Попът пее, хорът приглася, и воцениците спокойно мигат, накацали по свециниците* ‘Поп поет, хор припеваает, свечи спокойно мерцают (букв. ‘мигают’) на подсвечниках’ [21. Т. 9. С. 416]; *звездичите замигаха една подир друга на свода* ‘звездочки начали мерцать (букв. ‘начали моргать’) одна за другой на небесном своде’

(Ив. Вазов) [3]; *Мигат-премигват звездици / божии прашни клепачи* ‘Мерцают (букв. ‘мигают’) звездочки – Божьи пыльные веки’ (П. Яворов) [3].

Производные от болг. *мигам* тоже продолжают оба значения глагола: *мигáлка* ‘фара, лампа с прерывистым светом’, *мигáч* ‘указатель поворота (на автомобиле)’, диал. *мигалé* ‘маленькая газовая лампа или лампадка без стекла’ (Самоков) [28. С. 242], *мигáч* ‘(устар.) веко; ресницы’, *ми́гли* ‘ресницы’ [21. Т. 9. С. 416–418].

Можно предполагать, что еще у праслав. **migati* были оба значения – ‘мигать’ и ‘мерцать; сверкать; поблескивать’ – если иметь в виду их наличие у континуантов праслав. **migati* почти во всех славянских языках [30. Т. 19. С. 26–28]. Ту же самую двузначность, хотя и в неодинаковой степени, можно наблюдать и у глаголов и имен, производных от праслав. **migati*, ср. **migadlo*, **miganь(jь)*, **miganьka*, **mignъti*, **migotati (sę)*, **migotěti*, **migun* [30. Т. 19. С. 26–30].

В качестве семантической параллели к двузначности праслав. **migati* следует отметить появление значений ‘мерцать’, ‘сверкать’ и у некоторых продолжений другого праславянского глагола с близким значением – **mъrgati* ‘мигать, моргать’ [30. Т. 20. С. 237–238]. Параллелью может служить и развитие славянского заимствования в румынском *a clipi* ‘моргать’, которое имеет переносное значение ‘светить колеблющимся, прерывистым светом, мерцать’ ср. *Frunzele șoptesc, Stelele clipecș și 'n cale se opresc* ‘Листья шепчут, Звезды мерцают (букв. ‘мигают’) И останавливаются по пути’ [33. Т. 1/2. S. 557]. Интересно, что у глагола *a sclipi* (< *s-* + *clipi*) и у его производных *sclipici*, *sclipicios*, *sclipire*, *sclipiș*, *sclipit*, *sclipitor*, *sclipitură*, *sclipos*, *sclipui* основные значения связываются уже с другим компонентом концептуальной пары – ‘свет’, ср. значение ‘излучать слабый, прерывистый свет, мерцать; блеснуть, блестеть’, например, *Afară, peste oraș, sclipesc stele palide* ‘На улице, над городом мерцают бледные звезды’; пословицу *Nu tot ce sclipește e aur* ‘Не все, что блестит – золото’, хотя этимологическое значение *sclipi* – ‘мигать’, и это значение сохранилось в разговорном стиле румынского языка [34. Т. 10/2. S. 395–396].

В румынском языке есть заимствованный из болгарского глагол *мижа* ‘жмуриться’ < праслав. **mižati*, этимологически тождественный **migati* и характерный для южнославянских диалектов [30. Т. 19. С. 62–63]. В р-не Софии (Доброславци) глагол зарегистрирован и в значении ‘мигает, едва светит (о лампе)’, букв. ‘лампа жмурится’ [4. Т. 3. С. 784–785]. Румынский глагол *a miți* тоже значит ‘жмуриться’, но у него отмечено и значение ‘появляться, виднеться’ при непереходном употреблении в 3 л. по отношению к светящимся объектам, например, *Vezi încă mijind printre ierburi licurici* ‘Видишь, еще в травах как виднеются (букв. ‘жмурятся’) светлячки’ [34. Т. 6. S. 517], а выражение *a(se) miți de ziuă* значит ‘рассветает’, букв. ‘жмурится ко дню’ [34. Т. 6. С. 517]. У производного глагола *a omizi* тоже сочетаются значение ‘мигать’, которое характерно для диалектов в Трансильвании, и значение ‘рассветать’ при безличном и рефлексивном употреблении глагола в конструкции *a se omizi de ziuă*, букв. ‘мигает ко дню’ [34. Т. 7/2. S. 210].

Рум. глагол *a scăpăra* ‘1) высекать огонь; 2) мерцать, искриться; 3) сверкать, блестеть (о глазах)’ значит в Марамуреше и в северной Трансильвании ‘мигать, моргать’ [34. Т. 10/1. S. 300].

Алб. глагол *vagëlloj* ‘мигать; смотреть прищурив глаза; плохо видеть’ может употребляться и по отношению к звездам, источникам света – ср. *kandilja vagëllon* ‘лампадка почти гаснет (букв. ‘мигает, плохо видит)’ [32. V. 2. S. 259], *vagëllojnë ujet* ‘звезды мерцают (букв. ‘мигают’) [36. S. 2104].

Гр. глагол $\sigma\kappa\alpha\rho\delta\alpha\iota\sigma\sigma\omega$, $\sigma\kappa\alpha\rho\delta\alpha\iota\tau\tau\omega$, $\sigma\kappa\alpha\rho\delta\alpha\iota\kappa\tau\acute{\omega}$ ‘мигать, моргать’ в сочетании с $\phi\omega\varsigma$ ‘свет’ тоже обозначает прерывистость света [66. Т. 3. S. 2180].

9. Сложные албанские прилагательные *syndritur*, *syshkëndijë*, *sygacë*, имеющие значение ‘со светящими глазами’ (*y syshkëndijë*, *sygacë* также и значение ‘храбрец’),

образованы от су ‘глаз’ и причастия от глагола *ndrit* ‘светить’, существительного *shkëndijë* ‘искра’ или существительного *gacë* ‘жар, раскаленные угли’, т.е. их ВФ – ‘светлоглазый, со светящими глазами’, ‘искроглазый, с глазами, как искра’ и ‘с глазами, как жар’ [36. S. 1810].

10. Интересно рассмотреть семантическое проявление той же связи ‘свет’ ~ ‘зрение’, но со знаком минус, т.е. связи концептов тьмы и слепоты (хотя в некоторых случаях можно говорить скорее о семантике сочетаний слов, чем об особых лексических значениях). В этой связи заслуживают внимания рассуждения О. Младеновой о метафорическом обозначении виноградных почек как глаз и высказанное ею предположение о нейтрализации оппозиции активного и пассивного значения. Среди приведенных О. Младеновой примеров – рус. *слепая копия* ‘неясная копия, которую трудно читать’, где *слепой* означает не ‘тот, кто не видит’, а ‘тот, кого невозможно увидеть’, болг. *издавам глухи звуци* ‘производить тихие звуки’, где *глух* означает не ‘лишенный слуха’, а ‘неслышный’ [47. S. 132–133]. Эти примеры наводят на мысль, что в некоторых из рассматриваемых в данной статье случаев, таких как рум. *a zări* (см. 2.2.1/2), производные болг. глагола *видя* (см. 2.2.1/2/3), рум. глагол *a vedea* и его производные (2.2.2/6) и ниже рассматриваемые переходы ‘темный’ ↔ ‘слепой’, семантическое развитие при отождествлении двух концептов шло примерно так: ‘видеть’ (активно) → ‘быть видным, виднеться’ (пассивно) → ‘светить’ (о небесных светилах и источниках света: чтобы их было видно, нужно чтобы они светились); ‘темный’ = ‘кого нельзя увидеть’ ↔ ‘тот, кто не видит’ = ‘слепой’.

В болгарском переселенческом говоре деревни Олшанка на Украине *t'ëmnu* значит ‘слепой’ (БЕР, в печати)³, букв. ‘темный’. Тот же самый семантический переход показывают и производные от *темница* ‘тьма’ *темничар* ‘слепец’ (в р-не Прилепа), *тъмничар* ‘слепец’ (*просяците слепци казват: "подарете мене тъмничару"* ‘нищие слепцы’ говорят: “подайте мне слепцу” (букв. ‘темному’)) и *темничарка* ‘слепая женщина’ (в народной песне из Струги). В БЕР в качестве параллели приводится рус. *темнота* ‘тьма’, устар. ‘слепота’ и восстанавливается семантическое развитие: ‘пребывающий в темноте’ > ‘незрячий’ > ‘невежественный’. Здесь можно добавить еще один русский пример⁴ – в говоре старообрядцев Забайкалья *темный* тоже значит ‘слепой’ [24. С. 470].

Обратный семантический переход наблюдается при рум. *orb* ‘слепой’, которое может означать и ‘темный, который не светит’, ср. *Peste adîncurile oarbe ale nopții, geana lunii înlăcărâte trimetea lungi raze de lumină* ‘Отблески зажженного месяца посылали длинные лучи света над темными (букв. ‘слепыми’) глубинами ночи’ (С. Нogaș); *Felinarele erau tot oarbe și solemne, așteptînd pe trecători să dea peste dinsele* ‘Все фонари были темными (‘слепыми’) и тождественными, ожидая прохожих, чтобы их осветить’ (М. Sadoveanu) [34. Т. 7/2. S. 217].

Дальнейшие примеры этой концептуальной связи можно найти в гагаузском языке, в котором *гүн, гөрмәз* значит ‘темный’ и имеет ВФ ‘слепой день / слепое солнце’ [14. С. 119], а плохо светящая, тусклая лампа называется тоже ‘слепой’ – *көөр лампа* [14. С. 286]. Ср. рум. *chior* ‘слабо светящая газовая лампа из жести или из глины’ с ВФ ‘слепой; одноглазый’ [33. Т. 2/1. S. 367].

В румынском глагол *a apune* ‘заходить’ (о небесных светилах) может употребляться и по отношению к глазам и обозначать ‘закрывать; гаснуть, терять живость, зоркость зрения, взгляда’: ср. *Mănele și picioarele sânt legate, ochii apuseră și audzul asurdzi* ‘Руки и ноги связаны, глаза погасли (букв. ‘зашли’), слух заглох’ (Ioan

³ Я благодарна коллеге Марии Рачевой за то, что предоставила мне словарную статью слова *t'ëmnu*, автором которой она является, из находящегося в печати тома Болгарского этимологического словаря.

⁴ Этот пример предоставлен мне С.М. Толстой, и я ей очень признательна за это.

din Vinti, 1689 г.) [43. V. 2. S. 220]; *Și-au deschis ochii, care erau cu totul apuși de spaimă* ‘Они открыли глаза, глаза были совершенно погасшими (букв. ‘зашедшими’) от страха’ [33. Т. 1/1. S. 217]. То же самое употребление, хотя и редкое, поэтическое, возможно и у другого румынского глагола – *a asfinți* ‘заходить’: *Ce amar și ce alean! ... Ochii să ji-i asfințesc Într'o negură de jele* ‘Какое горе и какая печаль! ... Погасить твои глаза (т.е. сделать, чтобы они зашли) в тумане скорби’ [33. Т. 1/1. S/ 311].

Алб. глагол *perëndoi* ‘зайти (о небесных светилах)’ употребляется и применительно к глазам со значением ‘закрываться’: *sytë më perëndoinë* ‘у меня глаза закрываются (букв. ‘заходят’)’, ср. также греч. эпирское выражение с той же ВФ и с тем же значением: та μάτια μέ βασιλεύουν [41. S. 3, 98] и общегр. βασιλεύουν та μάτια μου ‘у меня глаза закрываются (из-за того, что мне хочется спать)’ [66. Т. 1. S. 543]. В албанском литературном языке выражение *perëndoi sytë* с транзитивным употреблением глагола *perëndon* ‘заходить’ означает ‘он умер’ [59. S. 399].

Рум. глагол *a murgi* ‘смеркаться’ в старых текстах с прямым дополнением *ochii* ‘глаза’ значит ‘ослеплять’: *Se murgească-l ochii a nu vedea* ‘Пусть ослепнут его глаза (букв. ‘чтобы его глаза померкли’), чтобы он не видел’ [34. Т. 6. S. 1006]. Алб. глагол *err* ‘темнеть; темнеть’ тоже может относиться к глазам и взгляду: выражение *iu errën sytë* букв. ‘его глаза потемнели’ означает ‘он умер’ [36. S. 434]; ср. и *ia erri sytë dielli* ‘его ослепило солнце (букв. ‘солнце затмило ему глаза’); *m’u errën sytë* ‘мои глаза потускнели (букв. ‘у меня потемнели глаза’)’ [36. S. 434].

Рум. глагол *a stinge* ‘гасить; гаснуть’ имеет широкий семантический диапазон. Среди обычных употреблений этого глагола – сочетание и с названиями небесных светил (и источников света, огня), и с названиями глаз, взгляда: *După ce soarele a să se stingă Doar stelele vor lumina pământul* ‘После того как солнце угаснет, Только звезды будут освещать землю’; *Ochi-mi se sting* ‘Мои глаза гаснут’ (G. Coșbuc); *Privirile dușmănoase i se stinseră, vocea lui pierdu toată brutalitatea* (I. Agîmiceanu) ‘Его неприятный взгляд угас, его голос потерял всякую грубость’ [34. Т. 10/5. S. 1599]. Подобную сочетаемость обнаруживают и болгарские глаголы *гасна* и *гаснея*: ср. *Очите му гаснеят и цялото му лице губи изведнаж всичките си мускули и приема вид на череп* ‘Его глаза гаснут, и все его лицо вдруг теряет все свои мускулы и становится похожим на череп’ (Л. Стоянов) [21. Т. 3. S. 82]; *Из угасналите му очи... бризнаха сълзи* ‘Из его угасших глаз покатались... слезы’ (Ел. Пелин) [3]. Албанский глагол *shuaj* ‘гасить’ и его производное *shuar* ‘угасший’ употребляется и по отношению к глазам: *iu shuan sytë* ‘он умер (букв. ‘его глаза угасли)’; *me sy të shuar* ‘с угасшим взглядом’ [36]. В албанском языке значение ‘слепой’ выражается сложным прилагательным *dritëshuar* ‘слепой’ (букв. ‘с угасшим светом’) [36. S. 378].

Гр. глагол $\theta\alpha\pi\lambda\acute{\omega}\nu$ ‘ослеплять; делать тусклым; тускнеть’ и прилагательное $\theta\alpha\mu\lambda\acute{\omega}\varsigma$ ‘мутный, тусклый’ тоже могут употребляться как по отношению к глазам и зрению, так и по отношению к свету: $\theta\alpha\mu\lambda\acute{\omega}\varsigma$ ‘тусклый свет’ и $\theta\alpha\pi\lambda\acute{\omega}\nu\tau\alpha$ $\mu\alpha\tau\acute{\iota}\alpha$ $\mu\omicron\upsilon$ $\alpha\lambda\acute{\omicron}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\lambda\acute{\nu}\omicron$ ‘у меня тускнеют глаза от дыма’ [66. Т. 2. S. 1138–1139].

2.2.3. Связь концептов света и зрения на уровне сочетаемости слов

Здесь будут рассмотрены примеры, в которых обычная для одной стороны концептуальной связи сочетаемость характеризует и другую сторону, как правило, в случаях переносного употребления. Между переносной сочетаемостью и возникновением нового переносного значения у слова не всегда может быть проведена четкая граница, поэтому некоторые примеры можно отнести и к предыдущему разделу с примерами объединения значений с двух сторон концептуальной связи в семантическом спектре одного и того же слова.

1. Глаголы со значением 'светить', 'блестеть', 'сверкать', 'гореть', 'греть', 'вспыхнуть', 'искриться', 'мерцать', существительные со значением 'луч', прилагательные со значением 'ясный', которые обычно сочетаются с названиями небесных светил и источников света, могут употребляться также и по отношению к глазам, взгляду или лицу человека, часто, чтобы выразить сильно проявление чувств или красоту человека.

В болгарском языке такие употребления отмечаются, например, у глаголов *блестя*, *горя*, *грея*, *искря*, *лъця*, *пламна*, *светя*, *святкам* и др. и их производных, у существительного *зрак*, *лъч* 'луч', у прилагательных *ведър*, *ясен* 'ясный; безоблачный': *Очичките им греят от възторг и любопытство* 'Их глазенки горят от восторга и любопытства' [21. Т. 3. С. 385]; *А лицето на баща ми? То грееше като ясно слънце от гордост и щастие, когато му честитяха чорбаджиите* 'А лицо моего отца? Оно светилось, как ясное солнце, от гордости и счастья, когда богачи его поздравляли' (Ив. Вазов) [21. Т. 3. С. 385]; *Очите му горяха* 'Его глаза горели' [9]; *Ради гърло белееше, Лицето ѝ светеше, очите ѝ зрак даваха* 'Шея Рады белела, Ее лицо светилось, Ее глаза излучали свет' [12. Т. 2. С. 165]; *Стаичката бе изпълнена със звезден полумрак и в този полумрак блестяха само очите и златистите колени на Мария* 'Комнатка была погружена в звездный полумрак, и в этом полумраке блестели только глаза и золотистые колени Марии' (Е. Манов) [3]; *И никаква неволя нито можа да смръкне ведрите му големи очи, ни от устни му да пропъди веселия гласен смях* 'Никакая беда не смогла погасить его ясные большие глаза и согнать с его губ веселый смех' (П. Тодоров) [21. Т. 2. С. 76]. *В ясните детски очи на Рада живо се отразяваха вълненията на душата ѝ...* 'В ясных детских глазах Рады живо отражались волнения ее души...' [8]; *В очите утренни лъчи горят* 'В глазах горят утренние лучи' (Д. Дебелянов) [21. Т. 8. С. 796].

В румынском языке такое употребление отмечается у глаголов *străluci*, *luci*, *lumina*, *scînteia*, *sclipi*, *scăpăra*, *sticli* и их производных, у существительного *rază* 'луч' и у прилагательного *senin* 'ясный': *Privirea îi străluci de o bucurie mare* 'Его взгляд сиял от большой радости' (М. Preda) [34. Т. 10/5. С. 1692]; *Ochii tăi de pietre scumpe Strălucesc ca roua-n luncă* 'Твои глаза из драгоценных камней Блестят, как роса на лугу' (фольклорный пример из Молдовы) [34. Т. 10/5. С. 1692]; *Un tânăr... cu niște ochi negri, mari și strălucitori* 'Парень... с черными, большими и блестящими глазами' (М. Preda) [34. Т. 10/5. С. 1695]; *Ochii, cu luminile mărite, negre, luceau ațintiți, plini de gînduri* 'Глаза с расширенными черными зрачками светились сосредоточенно, погруженные в размышления' (М. Sadoveanu) [34. Т. 7/2. С. 93]; *Ochii îi scînteiau înviați ca două licăre sub spuză* 'Его глаза сверкали живо, как две искры в золе' (Cezar Petrescu) [34. Т. 10/1. С. 370]; диал. *Îi sclipesc ochii de bucurie* 'У него глаза блестят от радости' [34. Т. 10/2. С. 395]; *Cînd vede însă o grămadă de bani... ochii îi sticlesc hain și fanatic* 'Но когда увидит кучу денег... его глаза начинают светиться злобно и фанатически' (М. Ralea) [34. Т. 10/5. С. 1581]; *O lasă-mi capul meu pe sîn, Iubito, să se culce, Sub raza ochiului senin și negrăit de dulce* 'Любимая, дай мне положить голову тебе на грудь Под лучи твоих ясных и неисказанно сладких глаз' (М. Eminescu) [34. Т. 9. С. 51].

В греческом языке такое употребление существует у глаголов $\lambda\alpha\mu\pi\omega$, $\alpha\sigma\tau\rho\alpha\beta\omicron\lambda\omega$, $\alpha\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\pi\tau\omega$, $\gamma\upsilon\alpha\lambda\acute{\iota}\zeta\omega$ и их производных: $\lambda\alpha\mu\pi\omega$ $\alpha\pi\acute{o}$ $\chi\alpha\rho\acute{\alpha}\nu$ / $\upsilon\gamma\epsilon\iota\alpha\nu$ / $\nu\epsilon\acute{o}\tau\eta\tau\alpha$ ... 'Блестеть от радости / здоровья / молодости...' [66. Т. 2. С. 1468]; $\lambda\alpha\mu\pi\epsilon\iota$ $\tau\acute{o}$ $\pi\rho\sigma\omega\pi\acute{\alpha}\kappa\iota$ $\sigma\upsilon$ 'светится твое личико' (народная песня с Карпатоса) [67. С. 119]; $\alpha\kappa\tau\iota\nu\omicron\beta\omicron\lambda\omicron\varsigma$ $\acute{o}\psi\iota\varsigma$ 'блестящий, лучистый взгляд' [66. Т. 1. С. 110]; $\tau\alpha$ $\mu\acute{\alpha}\tau\iota\alpha$ $\tau\omicron\upsilon$ $\pi\epsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\alpha\nu$ $\alpha\sigma\tau\rho\alpha\pi\acute{\alpha}\varsigma$ 'его глаза мечут (букв. 'бросают') молнии' [66. Т. 1. С. 455]; $\alpha\sigma\tau\rho\alpha\beta\omicron\lambda\omicron\nu$ $\beta\lambda\acute{\epsilon}\mu\mu\alpha$ 'мечущий молнии взгляд' [66. Т. 1. С. 455]; $\alpha\sigma\tau\rho\alpha\beta\omicron\lambda\acute{\alpha}\epsilon\iota$ $\alpha\pi\acute{o}$ $\tau\eta$ $\chi\alpha\rho\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\upsilon$ 'он сияет (букв. 'бросает молнии') от радости' [66. Т. 1. С. 455]; $\tau\omicron$ $\pi\rho\acute{o}\sigma\omega\pi\acute{o}\nu$ $\tau\omicron\upsilon$ $\eta\sigma\tau\rho\alpha\phi\epsilon\nu$ $\epsilon\kappa$ $\chi\alpha\rho\acute{\alpha}\varsigma$ 'его лицо просияло (букв. 'сверкнуло молнией') от

радости' [66. Т. 1. С. 456]; диал. Στράφνε τ'ορμάτá μ' 'мои глаза сверкнули' [62. Т. 3. С. 240]; диал. Γυαλιζούν та μάττα 'блестят, светят глаза'; диал. Ο πρόσωπος 'άτες γυαλιζει 'ее лицо светит' [62. Т. 5/2. С. 252].

Албанские названия искры *xixë* и *shkëndijë* и производные от них, а также глагол *shkëlqej* 'блестеть, светить' и его производные, глаголы *shkrep* 'зажечь' и *ndrit* 'светить' употребляются как по отношению к глазам, так и по отношению к звездам, огню, лучам, свету и т.д.: фразеологизмы *me syrin xixë* 'с широко открытыми глазами и очень внимательно', букв. 'с глазом, как искра' и *e ka syrin xixë (i ka syte xixë) / syrin shkëndijë e ka* '1) у него очень хорошее зрение; 2) он очень смелый', букв. 'у него глаз, как искра' [36. С. 2192]; ср. также сочетаемость в выражениях *i leshojnë (i bëjnë, i nxjerrin) sytë xixa (shkëndija)* 'его глаза сверкают (букв. 'испускают искры')' [36. С. 2192], *xixëllimi i ujeve / i dritës / i syve* 'мерцание, сверкание звезд / света / глаз' [36. С. 2192], *dritë xixëlluese / uje xixëlluese / qiell xixëllues / rreze xixëlluese / sy xixëllues* 'блестящий, искрящийся светом / искрящиеся звезды / искрящееся небо / искрящийся луч / искрящиеся глаза' [36. С. 2192]; *shkëndijon dielli / zjarri; i shkëndijonin sytë* 'солнце / огонь блестит', 'у него блестели глаза' [36. С. 1857]; *i shkëlqejn sytë nga gëzimi* 'его глаза блестели от радости'; *sy plot shkëlqim* 'глаза, полные блеска, света' [36. С. 1855]; *i shkrepin sytë* 'его глаза зажглись' [36. С. 1867]; *i ndritën sytë* 'его глаза засветились, засверкали' [36. С. 1221]; *i ndritin bebet* 'его зрачки блестели' [36. С. 120].

2. В художественных текстах и в фольклоре звезды часто сравниваются с глазами и, наоборот, глаза со звездами (ср. загадки в разделе 1/6).

Болг. *От небето хиляди звездици, като ангелски очици, устремиха взор надолгу и с любов загледаха греховната земя* 'Тысячи звездочек, как ангельские глаза, устремили свой взгляд вниз и с любовью стали смотреть на грешную землю' (Елин Пелин) [3]; *Той подига очите си към звездите, но сега не търси в тях знаци и поличби, а му се струва, че вижда очите на Бога* 'Он поднял глаза к звездам, но уже не искал в них знаков и предзнаменований, а, как ему казалось, видел глаза Бога' (Й. Йовков) [3]; *Дошла бях да убия княза, / но той ме победи. / Видях невинните очи звезди, / обхванаха ме малките ръчички / и в миг обърнаха пред мене всичко* 'Я пришла убить князя, Но он меня победил. / Я увидела его невинные глаза-звезды, / Маленькие ручки обняли меня, / И в миг все для меня перевернулось' (М. Петканова) [3]; *Илиица приближи детето до светлината ... Очиците, силно потънали навътре, се поотвориха ... и светнаха, като звездици, от отражението на свещта* 'Илиица приблизила ребенка к свету ... Глаза, сильно ввалившиеся, приоткрылись... и блеснули, как звездочки, от отражения свечи (Ив. Вазов) [3].

Рум. *Stele mii räsar cu-ncetul, ochi ai cerului albastru* 'Постепенно всходят тысячи звезд – глаза голубого неба' (Al. Davila) [34. Т. 7/2. С. 93]; *Ca stele ochii sänini De a lor lacrimi neuscate Turbure-s amu finitini* 'Ясные глаза – как звезды, Их неосушенные слезы – мутные источники' (Gh. Asachi) [34. Т. 10/5. С. 1552].

3. Глаголы, означающие 'смотреть', 'видеть', сочетаются с названиями небесных светил – сюда относятся примеры из художественных текстов, некоторые фразеологизмы, а также фольклорные примеры, приводившиеся выше.

Болг. *Тяя облаци са високи, тънчки и тук-там през тях успява да надникне някоя звезда* 'Эти облака высоки, прозрачны, и кое-где сквозь них удается выглянуть какой-нибудь звезде' (Й. Йовков) [3]; *През прозрацеца гледат звездите, а в стаята е тъмно* 'Через окно смотрят звезды, а в комнате темно' (Дора Габе) [3]; *Храни, горо, таквиз чеда, / дорде слънце в света гледа* 'Корми, лес, таких детей, Пока солнце на мир смотрит' (Хр. Ботев) [21. Т. 3. С. 190]; *Да го не виде ни сънце, ни месечина* (проклятие) [21. Т. 9. С. 353] 'Чтобы его не увидело ни солнце, ни месяц'; ср. еще фразеологизм из кукушского говора '*Слънце не-о-видело*, который употребляется по отношению к очень бледному человеку', букв. 'его не видело солнце'.

Рум. *Stelele bolșii albastre Văd toate* 'Звезды голубого небесного свода видят все' (G. Coșbuc) [34. Т. 13/1. S. 217]; *Soarele dorind să vază Pruncul... Frunza-n lături mi-o alege* 'Солнце, желая увидеть Младенца... Раздвигает листву в сторону' (M. Beniuc) [34. Т. 13/1. S. 217]; *Soarele... privea la ei cu drag* 'Солнце смотрело на них с любовью' (M. Eminescu) [34. Т. 8/5. S. 1522]; *Privirea-i peste lume aruncînd, [luna] Lumina adînci prăpăstii* 'Бросая свой взгляд на мир, [луна] освещает глубокие пропасти' (Gr. Alexandrescu) [34. Т. 8/5. S. 1528]; *O lumină cenușie, tulbure, privea pe ferestre* 'Сквозь окна проникал (букв. 'в окнах смотрел') серый, мутный свет' (L. Rebreanu) [34. Т. 8/5. S. 1522]; *Ochea cîteodată și soarele, dar tot mai mult ploua cu vînt* 'Иногда и солнце выглядывало, но чаще всего шел дождь с ветром' [34. Т. 7/2. S. 10]; выражение *soarele privește înapoi / soarele se uită înapoi*, букв. солнце 'смотрит назад' употребляется, когда на закате солнце просвечивает сквозь облака [52. S. 35].

Греческое проклятие *Να μή σε ἴδη ο ἥλιος, Ο ἥλιε να μη ντ' οράει* 'Чтоб ты умер', буквально значит 'чтоб тебя не увидело солнце' [78. S. 6; 65. S. 321], а поговорка *Είδες, ἥλιε μου, το Γιάννη; Ούτε ἦταν, οὐτ' εἶπνε* букв. 'Солнышко мое, ты видело Яниса? – Он не был и не являлся' [62. Т. 5/1. S. 91] употребляется, когда невозможно найти даже следа какого-то лица или предмета. Сюда же относится и поговорка *Σπίτι που δεν το βλέπει ο ἥλιος, το βλέπει ο γιατρός* 'Если солнце не заглядывает в дом, туда заглядывает врач' [66. Т. 2. S. 1120]. Ср. также следующий гр. понтийский пример с глаголом *αποτζίτιζω*: *Επειτίτιξε ο ἥλιος ας σό παραθύρ* 'солнце заглядывает в окно' [70. S. 126]. Еще один пример из народной песни: *Κόρη, όταν εφιλώμαστε, νύχτα ἦταν, ποίος μας εἶδε; – Μας εἶδε τ'άστρο της νυχτός, μας εἶδε το φεγγάρι...* 'Девушка, когда мы поцеловались, была ночь, кто нас увидел? – Нас увидела звезда ночи, нас увидел месяц...' [76. S. 159. № 124].

Алб. тоск. клятва *për sy të diellit!* букв. значит '[клянусь] перед глазом солнца!' [41. Т. 2. S. 106], а выражение *nuk e sheh dielli* букв. 'его не видит солнце', как и аналогичное болгарское выражение, употребляется по отношению к очень бледному человеку [36. S. 1882]. Ср. диал. *Dieli çë shen, ngroh*, 'букв. Солнце, которое видит, согревает' [35. S. 50].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные факты, число которых можно было бы еще увеличить, ясно указывают на то, что в балканской традиционной культуре и в балканских языках ставится знак равенства между "глазами", "взглядом" небесных светил и излучаемыми ими светом и теплом, между глазами человека и небесными светилами и вообще источниками света, между концептами зрения и света. Иначе говоря, глаза воспринимаются как светящиеся, а потому и видящие, а небесные светила (и другие источники света) как смотрящие и, следовательно, светящиеся. Примеры из других, главным образом, индоевропейских языков и культур, привлекались не для того, чтобы очертить ареал распространения концептуальной связи 'зрение' ~ 'свет', а для того чтобы показать – эта связь не является только балканской, и ее можно найти и за пределами Балкан. Дальнейшие исследования позволят установить, имеет ли эта концептуальная связь характер языковой универсалии или речь идет об индоевропейской семантической особенности. Но причинно-следственная связь между двумя концептами (можно видеть, если и когда светло), предполагаемые корни концептуальной связи в архаическом мышлении (см. ниже) и отражение представления о глазах небесных светил в других явлениях человеческой культуры, связанных с примитивным взглядом на мир – например, в обычном для детских рисунков образе солнца с глазами и ртом – говорит в пользу возможной, но пока недоказанной универсальности этой концептуальной связи.

Связь понятий 'свет', 'светить', 'небесные светила': 'темнота, мрак' ~ 'зрение', 'смотреть', 'глаза': 'слепота' замечательна своей параллельной реализацией в народной культуре и в языке – параллелизм, который отнюдь не является обязательным

(ср. [5. С. 27–38]). Если сравнить языковую и культурную реализацию данной связи, можно заключить, что в обоих случаях она осуществляется путем отождествления двух концептов – либо эксплицитно (например, звезды – это глаза Бога, ВФ названий зрочка ‘звездочка’), либо имплицитно (солнце и месяц спорят, кто из них красивее, → солнце ослепляет один глаз месяца, пачкает его лицо грязью → [месяц видит хуже] → месяц светит слабее), либо посредством другого элемента (‘глаза’ → ‘мигать’ → ‘светиться прерывистым светом’ → ‘небесные светила’). В отличие от реализации концептуальной связи в языке, где связь строится всегда на основе тождества концептов, в культуре (в фольклорных примерах) эта связь может покоиться и на мотиве происхождения небесных светил от глаз или наоборот, что невозможно для языка из-за его оторванности от сюжетности. Кроме того, в большинстве примеров из традиционной народной культуры, за исключением загадок, концепт зрения и глаз накладывается на концепт света, небесных светил (‘зрение’, ‘глаза’ → ‘свет’, ‘небесные светила’), а в языке концептуальная связь осуществляется более свободно в обоих направлениях (‘зрение’, ‘глаза’ ↔ ‘свет’, ‘небесные светила’).

Когда на концепт света накладывается концепт зрения, происходит “очеловечивание”, антропоморфизация природы, а когда осуществляется переход с концепта света к концепту зрения, наблюдается обратное – “оприроднение” человека. Таким образом, связь между концептами света и зрения является частью широко представленного изоморфизма, отождествления микрокосмоса (= человека) и макрокосмоса (= вселенной) в архаичной модели мира – см. подробнее об этом изоморфизме в исследованиях П. Гжибека о южнославянской загадке [40; 13] и В.Н. Топорова и В.В. Иванова о мифологии [19. Т. 1. С. 87–88; Т. 2. С. 6–9]. Этот изоморфизм проявляется в отождествлении частей тела человека с элементами и объектами мироздания, например, в загадках, или в легендах и в космогонических и антропogонических мифах о происхождении вселенной из тела прачеловека или о создании человека из элементов мироздания, ср. плоть ↔ земля, кровь ↔ вода, волосы ↔ растения, кости ↔ скалы, глаза ↔ солнце, дыхание ↔ ветер, череп ↔ небо и т.д. [40. S. 207; 19. Т. 1. С. 88]. П. Гжибек указывает на важность мезокосмоса (= дома) как связующего звена между микро- и макрокосмосом в модели мира. В нашем случае элементом из сферы мезокосмоса являются окна дома, отождествляемые с глазами человека, что характеризует не только балканскую культуру и языки (о связи ‘окно’ ~ ‘глаз’ см. [40. S. 202–203] и работу Е.А. Казанцевой на материале восточнославянских и польских загадок [17], но здесь на этом нет возможности останавливаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АЕИМ – Архив Этнографического института и музея (София) при Болгарской академии наук.
2. Ангелова Р. Село Радуил. Народопис и говор // Известия на Семинара по славянска филология при Университета “Свети Климент Охридски”. 1941–1942. Кн. VIII–IX.
3. АРБЕ – Архив словаря РБЕ в Институте болгарского языка (София) при Болгарской академии наук.
4. БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1.
5. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
6. Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
7. Български фолклорни приказки. Каталог / Съст. Л. Даскалова–Перковска, Д. Добрева, Й. Коцева, Евг. Мицева. София, 1994.
8. Вазов Ив. Под игото. Роман из живота на българите в предвечерието на Освобождението. 1894 // slovo.orbitel.bg/vazov/podigoto.
9. Вазов Ив., Тертер Св. Роман из българската история в края на XIII в. 1907 // slovo.orbitel.bg/vazov/terter.
10. Варбот Ж.Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.

11. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
12. Геров Н. Речник на българския език. София, 1975–1978. Т. 1–4.
13. Гжибек П. Микрокосмос, мезокосмос, макрокосмос. Модел на света и поетика във фолклора (По примери от българските народни гатанки) // Български фолклор. 1992. Кн. 1. С. 5–22.
14. ГРМС – Гагаузско-русско-молдавский словарь / Сост. Г.А. Гайдаржи, Е.К. Колца, Л.А. Покровская, Б.П. Тукан. Под ред. проф. Н.А. Баскакова. М., 1973.
15. ДА – Картотека Болгарского диалектного словаря в Институте болгарского языка (София) при Болгарской академии наук.
16. ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Київ, 1982. Т. 1.
17. Казанцева Е.А. Роль метафорических стереотипов в славянских загадках // Веснік БДУ. Сер. 4. 2001. № 2. С. 77–81.
18. Ковачев Й. Народна астрономия и метеорология. Принос към българския фолклор // СбНУ. София, 1914. Кн. 30.
19. МНМ – Мифы народов мира. М., 1987–1988. Т. 1–2.
20. НГРС – Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь / Под ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса. М., 1980.
21. РБЕ – Речник на българския език. София, 1977. Т. 1.
22. РКС – Дипломные работы под руководством акад. Ст. Романского, которые сохраняются в Университетской библиотеке в Софии.
23. СбНУ – Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1889. Т. 1.
24. СГСЗ – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.
25. СД 2 – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2 (Д–Крошки).
26. Стойкова Ст. Български народни гатанки. София, 1984.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
28. Шапкарев Ив., Близнаев Л. Речник на самоковския градски говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1967. Кн. III.
29. ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978. Т. 1.
30. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974 – Вып. 1.
31. ALRM – Pop S. Micul Atlas lingvistic român. P. I. Vol. I. Cluj, 1938; Vol. II. Sibiu-Leipzig, 1940.
32. Çabej Eq. Studime Gjuhësore. Prishtine, 1976. V. 1–2.
33. DA – Dictionarul limbii române / Sub redacția lui S. Pușcariu. București, 1913–1949. Т. 1/1–3–2/1–3.
34. DLR – Dictionarul limbii române. Serie nouă / Sub conducerea lui I. Iordan, Al. Graur, I. Coteanu. București, 1965. Т. 6.
35. Fjalor arbëresh – shqip. Shkodër, 2000.
36. FGSSh – Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1980.
37. GDW 1 – Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch, hrsg. von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Leipzig, 1962. Bd. 1.
38. Gjuha letrare shqipe. Tiranë, 1989.
39. Gorovei A. Cimiliturile românilor / Ed. îngrijită de M. Bucur. București, 1959.
40. Grzybek P. Der Körper im Rätsel. Das Verhältnis von Mikrokosmos, Mesokosmos und Makrokosmos am Beispiel serbokroatischer Volksrätsel. – Körper, Essen und Trinken im Kulturverständnis der Balkanvölker. Beiträge zur Tagung vom 19–24. November 1989 in Hamburg / Hrsg. von Dagmar Burkhart. Berlin, 1991. S. 195–216 [= Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin. Balkanologische Veröffentlichungen. Bd. 19].
41. Hahn J.G. von. Albanesische Studien. Jena, 1854.
42. HDA – Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin, 1938–1941. Bd. 9.
43. HEM – Petriceicu-Hasdeu B. Etymologicum magnum Romaniae. Dicționarul limbei istorice și populare a românilor / Ediție îngrijită și studiu introductiv de Gr. Brâncuș. București, 1974. Vol. 2.
44. Banátsći balgarsći folklor. I tom. Nárudni pesmi. Prebráni, zapisani, pudredéni i izdádini ud profesor Ivánčov Karol-Matej / Literaturna miselj. Timișvár, 1993. Broj I, II, III, IV.

45. *Ivanišević Fr.* Polica. Narodni život i običaji / Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena. Zagreb, 1905. Knj. 10.
46. *Mladenova D.* Die Sterne im bulgarischen sprachlichen Weltbild: 1. Die Sterne leuchten // Фолклор, традиция, култура. Сб. в честь проф. Стефаны Стойковой (в печати).
47. *Mladenova O.* Grapes and Wine in the Balkans. An Ethno-Linguistic Study. Wiesbaden, 1998 [= Balkanologische Veröffentlichungen. Fachbereich Neuere Fremdsprachliche Philologien der Frein Universität Berlin. Hrsg. von N. Reiter und H. Sundhaußen].
48. *Muşlea I., Bîrlea O.* Tipologia folclorului. Din răspunsurile la chestionarele lui B.P. Hasdeu. Bucureşti, 1970.
49. *Niculija-Voronca E.* Datinele şi credinţele poporului Român. Cernăuţi, 1903. Vol. I.
50. *Nour A.M.* Ghicitori // Şezătoarea. 1916. T. XVI. № 12.
51. OLD – Oxford Latin Dictionary / Ed. by P.G.W. Glare. Oxford, 1982.
52. *Pamfile T.* Cerul şi podoabele lui după credinţele poporului român [= Din viaţa poporului român. Culegeri şi studii XXVI. Bucureşti, 1915].
53. *Pamfile T.* Dragostea în datina tineretului român. Bucureşti, 1998.
54. *Păsculescu N.* Literatură populară românească. Bucureşti, Viena, Leipzig, 1910 [= Din viaţa poporului român. Culegeri şi studii, 5].
55. REW – *Meyer-Lübke W.* Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1972.
56. RjA – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. T. 1–23.
57. *Scherer A.* Gestirnamen bei den indogermanischen Völkern. Heidelberg, 1953.
58. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971–1974. T. 1–4.
59. WAD – *Buchholz O., Fiedler W., Uhlisch G.* Wörterbuch Albanisch-Deutsch. Leipzig, 1977.
60. Ανδριώτης Ν.Π. Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη, 1983.
61. Δημητρίου Ν. Λαογραφικά της Σάμου. Αθήνα, 1983.
62. ΓΛ – Ιστορικό λεξικό της νέας ελληνικής της τε κοινώς, ομιλουμένης και των ιδιωμάτων. Αθήνα, 1933. Τ. 1.
63. Κανελλάκης Κ.Ν. Χιακά ανάλεκτα. Ήτοι συλλογή ηθών, εθίμων, παροιμιών, δημωδών ασμάτων, αινιγμάτων, λεξικολογίου, ιστορικών και άλλων χειρογράφων, χρυσοβούλλων, σιγίλλων κλπ. Αθήνα, 1890.
64. Καρανικόλας Σ. Συμιαϊκά λαογραφήματα // Λαογραφία 17 (1957).
65. Κωστάκης Θ. Λεξικό της τσακωνικής διαλέκτου. Αθήνα, 1986. Τ. 2.
66. ΛΕΓ – Λεξικό της ελληνικής γλώσσας. Έκδοσις “Πρωΐας”. Αθήνα, 1933–1934. Τ. 1–3.
67. Μιχαηλίδου Νουάρων Μ. Ποικίλα λαογραφικά της Καρπάθου // Λαογραφία 16 (1956).
68. Μουτσοπούλου Ν.Κ. Περιστέρα. Ο ορεινός οικισμός του Χορτιάτη και ο ναός του αγίου Ανδρέα. Θεσσαλονίκη, 1986.
69. ΝΚ – Νεοελληνικά κείμενα. Ελληνικός λαϊκός πολιτισμός. Αθήνα, 1985. Τ. 1.
70. Παπαδόπουλος Α.Α. Ιστορικό λεξικό της Ποντικής διαλέκτου. Αθήνα, 1958–1961. Τ. 1–2.
71. Παπαχριστοδούλου Χ.Ι. Λαογραφικά σύμμεκτα Ρόδου // Λαογραφία 21 (1963).
72. Πολίτης Ν.Γ. Μελέται περί του βίου και της γλώσσας του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα, 1904. Τ. 1–2.
73. Πολίτης Ν.Γ. Οι περί αστέρων και αστερισμών μύθοι / Πολίτης Ν.Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα. Αθήνα. Τ.Β.’ 1921. C. 178–208.
74. Πολίτης Ν.Γ. Ο Ήλιος κατά τούς δημώδεις μύθους // Πολίτης Ν.Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα. Αθήνα. Τ.Β.’ 1921. C. 110–153.
75. Πολίτης Ν.Γ. Η Ξελήμη κατά τούς μύθους και τας δοξασίας του Ελληνικού λαού // Πολίτης Ν.Γ. Λαογραφικά σύμμεκτα. Αθήνα, 1921. C. 154–177.
76. Πολίτης Ν.Γ. Εκλογαί από τα τραγούδια του ελληνικού λαού. Αθήνα, 1969.
77. Σαραντή-Σταμούλη Ελπ. Προλήψεις και δεισιδαιμονίες της Θράκης // Λαογραφία 14 (1952).
78. Φραγκάκι Ε.Κ. Συμβολή στα λαογραφικά Κρήτης. Αθήνα, 1949.

© 2002 г. О.В. БЕЛОВА

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В СВЕТЕ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ: МАТЕРИАЛЫ ИЗ РЕГИОНОВ ВОСТОЧНОЙ СЛАВИИ

Проблема толерантности в историко-социологическом аспекте активно разрабатывалась славистикой с 1990-х годов. Ряд исследований на эту тему представлен в отечественной серии сборников "Славяне и их соседи"; интересным опытом подхода к проблеме стал сборник "Tolerancja. Szkice sociologiczne", вышедший в Польше в 1994 г. [1].

Проблема затрагивалась также филологами (лингвистами, фольклористами) в связи с описанием системы стереотипов, существующих в традиционном и массовом сознании по отношению к "чужим" – этнически, социально, конфессионально. Из наиболее интересных отметим работы Е. Бартминьского (Польша) о ментально-языковых стереотипах по отношению к "чужим" в польской культуре [2], А. Цалы (Польша) об образе еврея в польской народной культуре [3], О. Тодоровой (Болгария) о представлениях о евреях в болгарской книжности и фольклоре [4; 5], Р. Градевой (Болгария) об образе турка в болгарской средневековой книжности [6], Э. Крековичовой (Словакия; [7, 8]). Само название недавнего исследования Э. Крековичовой, посвященного образу цыган и евреев в словацком фольклоре – "Между толерантностью и барьерами" [8], – особенно актуально для темы нашей статьи. Именно так, от одного полюса к другому, развивается фольклорно-мифологическая трактовка образа "чужого", сочетая в себе на первый взгляд противоречивые и несовместимые характеристики. Рассматривая отношение к "чужому" в традиционной культуре славян с позиций этнолингвистики, можно, на наш взгляд, не только выявить и описать стереотипные составляющие образа "инородца" или "иноверца", но также показать механизмы формирования и трансформации этих составляющих.

В традиционной культуре образ любого этнически или конфессионально "чужого" может быть описан при помощи стандартной схемы. Ключевые позиции, по которым опознается чужой среди своих: внешность, запах, отсутствие души, сверхъестественные свойства, поведение, язык.

Данное сообщение посвящено одному из аспектов языковой репрезентации культурной оппозиции "свой–чужой" – народным представлениям о языке этнических соседей, связанным с языком "чужих" коммуникативным принципам и ритуальным практикам. Источниками служат материалы фольклорно-этнографических сводов XIX–XX вв., представляющих данные из различных регионов Восточной Славии,

---

Белова Ольга Владиславовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

архивные данные и полевые материалы, собранные во время работы Полесских этнолингвистических экспедиций (1980-е – 2000 гг.) и во время полевых исследований в Подолии летом 2001 г.

В контексте фольклорно-мифологических представлений о "чужих" языковой аспект не играет ведущей "мифологизирующей" роли, что для регионов тесных этнокультурных контактов может объясняться, в частности, активным присутствием "лингвистической составляющей" в ежедневной коммуникации. Даже универсальный сюжет о библейском "размещении языков" в локальных традициях межкультурного пограничья приобретает дополнительные мотивы, аргументирующие взаимосвязь всех языков и, следовательно, их взаимную "понятность". Об этом – рассказ о родстве языков из волынского Полесья.

«После Потопы стал расхóдытыся народ, стали засэляты зэмлю, и задумалы, значыть, кирпичи стали палыти и задумалы робыти башню до нэба. Это в Библии напысано – башню до нэба робыты. И робота йшла успэшно. И Бог сам подумал, ну до чо́б ж, всё раўно ж вони нэ достроят до того, это дарóбный труд, як йих прыостановыты? И вот помэшал языки. Помэшал языки – той крычыть: "Давай воду!", а той нэсэ хлиб. Крычыть, давай, значыть, кирпич, а вин нэсэ воду, нэ понимае. От и оставыли тую башню. Так гóвóрать, шо дэ-то вона строилась, шо и досе там останки есть. Оставыли ййи робыти и давай города строиты. Бог сказаў, от так робите города, стрыйтэ. И от того врэмья так язык и помэшался. Бо народы одыхóбе, стал росхóдытыся, одын жэ ж то народ одыйшоў. Я сам удивляюся, это потым гóвóрать, шо русский из всех [языков] самый найтягшы. От и я замэчаю сам: польский (я за польские школы ходыў) богато там таких русских, примэрно – буква "о", одинаково за Польшу, буква "кэ" тожэ подходыть, а ўжэ буква "тэ" ужэ по-польску "эм", там ўжэ по-дрўгу. Допиро шо – язык нэмецкый подходыть под еврэйский. Да, под еврэйский. Бо от ужэ дажэ у нас у тую войну [рассказчик имеет в виду Первую мировую войну], як я был малым, то ў дэрэвне стоял нэмец, одын, и пэрэговоршчык быў еврей. Дак воны понималисе. А цёй, так амэрыканьскый, рымьскый, японьскый – то тожэ трошку под польский похоже. И от тэпэрь на разных тых, тикэтках, есть его [русские] буквы. И там жэ, колó Ерусалима, богато нацый, богато языкйў есть. Но еврэйского языка, вин, кажуть, найлегший, алэ для нас-то вин тяжкый... А всэ ж дэ шо ж такэ понимаешь» (Ефим Варфоломеевич Супрунюк, 1910 г.р., с. Речица Ратновского р-на Волынской обл., 2000 г., зап. О.В. Белова).

При этом, безусловно, широко бытуют и "этноцентрические" легенды о "чужих" говорах как демонических и о "своем" языке как истинно правильном. Согласно легенде из Западной Белоруссии (Волковысский пов.), в начале света был человек, который никому не уступал дорогу. Однажды он встретился с чертом и стал с ним драться. Черт ударил его и выбил ему зубы. Человек стал шепелявить, и от него пошел целый такой род, так как дети переняли его речь [9]. Но каковы бы ни были особенности языка "чужих", "свой" говор всегда оказывается лучше, совершеннее и помогает своему носителю в трудных ситуациях. Об этом – карпатский народный "лингвистический" анекдот. Русин и мазур нашли на дороге мешок ("мех") с ячменем и решили: кто сможет одним словом назвать находку, тот ее и получит. Мазур попытался: "Wogecsek-jęcnionecek, jęcnionek-wogecsek" – неудачно. Тогда русин гордо сказал: "Ячміх"! (ср з.-укр. диал. *ячміх* 'ячень') [10. С. 201].

В регионах этнокультурных контактов на территории Восточной Славии (Подолия, Полесье и примыкающее к нему польское Подлясье, Карпаты) языковая толерантность достигала значительной степени и могла корректировать ментальные стереотипы.

Согласно исследованиям проф. В. Москвича (Израиль), можно говорить о высокой степени владения языком идиш среди славянского населения местечек и окрестных сел на территории Украины и Белоруссии (о существовании своеобразной славяно-идишской диглоссии см.: [11]). Идиш активно использовался славянами как "язык торговых операций" в общении с соседями-евреями. Об устойчивости такой ситуации

свидетельствуют и недавние записи из Полесья (2000); при том, что евреев в Полесье нет со времен Второй мировой войны, в памяти местных жителей сохраняется и лексика, и набор фраз, необходимых для минимального общения, и рассказы о бытовых контактах. Уже упомянутый 90-летний Е.В. Супрунюк из с. Речица рассказывал, как благодаря знанию "еврейской азбуки" (числительных) с выгодой для себя сторговал коня у еврея и как с помощью еврейских слов "фляйш" и "гут" при немцах смог сдать на мясо маленького бычка вместо молочной коровы-кормилицы.

Аналогичная ситуация наблюдалась в 2001 г. и в Подолии (Винницкая и Хмельницкая обл.) во время полевой работы в бывших местечках этого региона. Большинство из этих поселений сейчас уже утратили свой "городской" статус, превратившись в большие села с моноэтническим населением. Однако в памяти информантов старшего поколения, также как и в Полесье, сохраняется невостребованный в настоящее время своеобразный "разговорник", бывший актуальным до середины 1950-х годов, когда местечки еще сохраняли остатки своего традиционного быта и уникальной языковой ситуации. Большинство рассказчиков свидетельствовали о том, что в быту соседи-евреи общались исключительно на своем языке, поэтому среди местных жителей-украинцев, знание идиша было распространено – многие помогали евреям в работах по дому и по хозяйству, работали в еврейских мастерских да и просто жили по соседству. При этом информанты подчеркивали, что большинство евреев были билингвами или даже трилингвами (владели идишем, украинским/русским и польским): "Воны миж собою розговаривали по-еврэйски. А так вони знали и украинский язык, и русский язык, вот. А молитвы всё у них было по-еврэйски (...) Алэ еврэй говорили и ту мову, и ту мову. Вони вси мовы знали (...) Миж собою вони говорили всё по-еврэйски. И бильше ниякей мови... вони тильки ў свою мову вирили" (Б.И. Ридвянский, 1919, г.р., с. Вербовец Мурованокуриловецкого р-на Винницкой обл., 2001 г., зап. О.В. Белова, В.Я. Петрухин). В то же время последняя проживающая в Копайгороде (Барский р-н Винницкой обл.) еврейка Дора Иосифовна Яцкова-Креймер (1924 г.р.) утверждала, что до войны в Копайгороде евреи говорили между собой "по-русски": "[Знаете ли Вы еврейский язык?] Я понимаю всё, я и разговариваю, но очень плохо. Я ни с кем не общаюсь, понимаете, всё уже позабывала, столько лет – ну ни с кем... [Разговаривали в местечке по-еврейски?] Нет, никогда. Я знала еврейский, но я не учила, но я ж в окружении евреев, так я запоминала всё. Мой брат так вообще ничего не понимает. Евреи в местечке все владели русским, все разговаривали по-русски. Между собой все мы только по-русски разговаривали. Знали они [евреи] еврейский, знали украинский. А старики не знали русский язык. Разговаривали в основном так, чуть-чуть. (...) А евреи только по-русски разговаривали, так мы общались" (2001 г., зап. О.В. Белова, В.Я. Петрухин). Это единичное и выбивающееся из общего контекста свидетельство, на наш взгляд, говорит не столько об ошибке памяти информантки, сколько проецирует ее личный опыт (опыт отдельной семьи – отец информантки был учителем в школе, и в семье был принят именно русский язык) на общую ситуацию местечка.

При этом более молодые информанты владеют лексикой этнических соседей уже пассивно, осознавая ее "иноязычность" и "непонятность": «На вэрбовэцких, значыть, на местечковых казэлы – "хэбэ". "Хэбэ" казэлы. Цэ еврэй, то есть "мэстные еврей", мол, "хэбэ". Слово есть такэ, можэ, вы чулы такэ слово чи нэ чулы? Я сам нэ знаю, шо вонб означае. Еврэй сами, "ты шо, – говорэть, – ты хэба!" А шо воно означае? "Куда ты полізла, хэба!" [так и сейчас в селе окрикивают непослушную скотину, корову]. А "пійду на гóту"? Дид Пэтро кáжэ мэні: "Чо приліз, габэл?" – А шо "габэл"? – А я шо, знаю? Цэ еврэйске слово. Алэ я звідки знаю – "габэл", "хэба"» (Н.А. Ковальский, 1951 г.р., с. Вербовец Мурованокуриловецкого р-на Винницкой обл., 2001 г., зап. О.В. Белова, В.Я. Петрухин).

Владение несколькими языковыми кодами значимо для такого фольклорного жанра, как анекдоты об этнических соседях. Смысл таких текстов – подчеркнуть возможность разного лексического выражения одного и того же значения.

Возникающее при этом непонимание – только внешнее. На самом деле речь идет о диалоге, который могут оценить рассказчики и слушатели, владеющие как своим наречием, так и наречием "чужих". Именно по этой схеме построен разговор украинца ("мужика") с евреем, основанный на использовании лексических параллелей. Еврей потерял саночки и спрашивает мужика: «Загубило я Гринджало, на Гринджалі ричка, в ричці ричина і сім корсаків і месір і польовий виторопень». Мужик отвечает: "Знайшов саночки, на саночках торба, в торбі торбинка і сім коржів жидівської маці, і ніж, і заїц". Получив такой ответ, еврей успокоился: "То не моє, Бог з тобою!" ("Гринджало" – "саночки", "ричка" – "торба", "месир" – "нож", "польовий виторопень" – "заїц" [12. С. 13]).

Аналогичная ситуация представлена в разговоре "хохла" и "москаля" из Купянского у. Харьковской губ.: «Раз москаль смеялся над пословицами хахла (sic!) и говорит: "Вот сказано, хохол мазница [мазница – традиционное прозвище украинцев, многие из которых занимались извозом и имели дело с тележным дегтем. – О.Б.], говорит сегодня на улице так: був та нема, та пойхав до млина, заприг пыньки, та пойхав по быкы". Нада говорить: "Был да нетути, да поехал на мельницу". Потом опять говорит хахол: "Забув рукавиці в хаті на полиці", а нада так говорить: "Забыл рукавицы в клетке на палици"» ("млын" – "мельница", "хата" – "клеть" и т.п.; Архив Ин-та этнологии и антропологии, кол. ОЛЕАЭ. Д. 121. Л. 6 об.–7; собирателем отмечено, что в свободе Ново-Николаевке, где сделана запись, проживает 2434 малоруса и 272 великоруса).

На фонетических созвучиях построен диалог русинки и мадьяра – русинка, считая, что она хорошо "знает по-мадьярски", покупает на базаре обувь и спрашивает: "Годь йа рарá, чіжмарарá? [годь – венг. *hody* 'как; как дорого'; чіжмі – венг. *csizma* 'черевик, обувь']" Мастер не понял и спросил: "Міт, руска, міт? [міт – венг. *mi* 'что, как']" Русинка решила, что он обвиняет ее в краже мыла (*мідло*), и бросилась бежать. Призывы обувщика: "О не сáладь, руска, не сáладь [сáладь – венг. *szaladi* 'убегать']", – не остановили ее, потому что она подумала, что ее обвиняют еще и в краже сала (созвучие сáладь – *сáдло*) (Угорская Русь; [13. С. 292]).

Судя по всему, анекдотические ситуации такого рода часто "списывались с натуры". Лариса Терентьевна Кузевич (1929 г.р.) из п. Сатанов Городецкого р-на Хмельницкой обл. рассказывала: «Ешшо хочу вам сказаты, тут {...} в кожном силі свий акцент быў мобы. Вот, примерно в Иванькивцах – у нас село булò [4 км от Сатанова. – О.Б.] – поросе-é, теле-é, поте-é ["т" произносит подчеркнуто очень мягко. – О.Б.]. Цэ значит порося́, теля́ и поця́. То они так, у них быў акцент. А вот, примерно, в Западной [Сатанов стоит на левом берегу р. Збруч, исторически разделяющей Подолию и Галицию. – О.Б.] я раз пришла, тожэ в Западной було: "У вас га́ци е?" – Шо за га́ци? – Мэшты у вас е?" Я не знаю, шо такэ, ну не знала и всё! Оказываеца, цэ выходыт – трусы. А потом казали, вы́бачте, "га́ци – в них наса́ци". А мэшты, то выходит обувь, туфли. Но я не знала. А там "пўтня". "Пўтня" – цэ вздрó. Вот тоже я не знала, шо такэ. В кожном буў якась силі даже акцент розмóвы. То й так, то й так, то й так, а то й так. Вообще, короче говоря, чэсто украинска мова дўже важка́. Чэсто. А у нас нэма чэстой» (2001 г., зап. О.В. Белова, В.Я. Петрухин).

Особое отношение проявляется к молитвам на "чужом" языке. В отличие от бытовой лексики (идиш), сакральные древнееврейские тексты могли восприниматься славянами как набор "заумных" слов, среди которых можно было уловить "знакомые" звукосочетания и обыграть их соответствующим образом. Наибольшее количество вариантов породила еврейская молитва, начинающаяся словами: "Барух ата Адонай элохейну мелех ха-олам" ("Благословен Господь Бог, царь Вселенной"): "Bure chate dojne udojne melech" (Подлясье, [3. S. 145]); "Aduhui, adunuj, wziecia koszka juj" (Подлясье; [3. S. 145]); "Борохате адинуй, с. и в хаті буде гнуй" (Черниговщина; [14. С. 165]). Помимо кратких шуточных присловий известные и более пространственные тексты, как, например, травестийная "еврейская молитва" из Западной Белоруссии

"Baruchaty adynój, / Slużyu u minie goj...". В этой молитве еврей жалуется, что "гой" (работник нееврей), которому он не заплатил, украл у него кобылу. За возвращение утраты еврей теперь готов заплатить гою и "цвай", и "драй" [15. S. 250].

В то же время "непонятные" еврейские тексты получали статус апотропейного средства. Полевые материалы свидетельствуют о практике использования еврейских молитв для тушения пожара, обезвреживания "заломов", снятия порчи со скота (Полесье). Вариант использования "чужих" сакральных текстов представляет собой обмен "письменными" амулетами между славянами и евреями. Как говорили в полесском селе Стодоличи (Лельчицкий р-н Гомельской обл.), оберегом для роженицы и ребенка служило некое "святое письмо", которое надо держать при себе: "Около Днепра появилась икона на вершине березы. Никому письмо не давалось, только одному молодому еврейчику. Он всё переписал. Кто письму верил, тому отпускались все грехи. Женщина рожать будет легко. Написано, как замовлять пули. Младенец счастливый будет вечно" (1974 г., зап. Р.А. Агеева). По материалам из Подлясья, у местного христианского населения пользовались популярностью "еврейские" амулеты – тексты, воспроизводившие знаки еврейского письма [3. S. 110–111]; ср. сохранение мезузы (футляра с текстом молитвы) на косяке двери при покупке украинцами еврейских домов в Подолии. А. Филипов, автор рукописи "Художественное творчество белорусских евреев" (1891) отмечал, что в Могилевской и Минской губерниях "у городского и местечкового христианского населения в большом почете гадалычики евреи (евреек никогда не бывает), путешествующие из города в город с замавленной книгой, написанной на халдейском языке. Им верят почти безусловно, к ним прибегают в случае какого-либо несчастья, болезни и т.п. Они имеют всегда с собой некоторое количество амулетов, шнурков с перевязями, таинственных [?] кореньев и аптекарских средств" (Архив Ин-та этнологии и антропологии, кол. ОЛЕАЭ. Д. 381. Л. 27–27 об).

Для украинских и белорусских нарративов характерна также своеобразная "слуховая транскрипция" еврейских названий (например, "макаронический" перечень праздников в рассказе из Галиции: "Судный день, Трубки, Кучки, Гамана, Пейсах, Зелени Сьвета" – [16. С. 212]); традиционный славянский термин *зелени сьвета* ("зеленые святки", "Троицкая неделя") прилагается здесь, по всей видимости, к празднику Шавуот, подчеркивая, таким образом, "растительную" символику этих праздников в обеих культурах. Отметим в связи с этим такие "синонимичные" названия праздников, как "крестцы" (среда на 4-й неделе Великого поста, *Средопостье*) и "жидовские крестцы" (Пурим) на Виленщине или "Żydowskie Zapusty", т.е. "еврейская масленица" (Пурим) в Подлясье, и связанные с ними народные легенды и ритуалы, "уравняющие" эти праздники в глазах носителей традиции.

Относительно праздника Средопостья, или "крестцов", на Виленщине бытовали такие представления: «Замечательно, что часто случающийся об эту пору еврейский праздник Пурим тоже почему-то называется евреями и крестьянами "жидовские крестцы". Многие евреи по невежеству думают, что этот праздник у них потому называется "крестцами", что в оное время Аман задумал евреев приневолить к принятию христианства» [17. С. 9].

Как рассказывают информанты-славяне (Бельско-Подляское воеводство), в день праздника Пурим ("Żydowskie Zapusty"), евреи занимали за плату парня, которого потом могли толкать и бить колыями, как Иисуса Христа [3. S. 89]. С одной стороны, здесь налицо обычное для народного христианства соотнесение всех еврейских обычаев и обрядов с евангельскими событиями, как более значимыми – с них в фольклорном сознании начинается мироздание и история (ср. народные легенды о том, как Христос творил мир, что еврейский Талмуд есть ничто иное, как тайная книга о распятии Христа, что в Пасхальную ночь евреи собираются для того, чтобы вспомнить, как они распинали Иисуса и т.д.). С другой стороны, описанный ритуал с битьем и преследованием совершенно органично входит в систему масленичных бесчинств, которыми сопровождалась проводы зимы и обряды изгнания смерти

в славянской традиции, что и могло послужить основанием для сближения еврейского Пурима и славянской Масленицы на лексическом и акциональном уровнях. Славяне же на Страстной неделе, накануне Пасхи (эти дни являются значимыми не только с точки зрения церковных ритуалов, но отмечены многочисленными обрядовыми действиями, имеющими очистительный и охранительный смысл) также привлекали евреев к обязательным в этот период ритуальным бесчинствам. Так, повсеместно у западных славян в различных вариантах известно предпасхальное действо, называемое "наказание", "преследование", "сжигание" или "повешение Иуды", смысл которого сводился к изготовлению обрядового чучела с последующим его уничтожением (все эти обряды могут быть рассмотрены как христианизированный вариант уничтожения куклы – олицетворения зимы и смерти). В вариантах "повешения Иуды", записанных на территории ю.-вост. Польши (Пшемысль), обращают на себя внимание следующие моменты: "Иуду" одевали в вещи, украденные у евреев, вешали на ворота или на дерево напротив дома еврея, и еврей должен был откупиться, заплатить за куклу [3. С. 130–131]. Затем эту куклу тащили к реке, поджигали и бросали в воду или же сбрасывали с башни костела. Здесь также имеет место ежегодная реализация евангельского мифа в сочетании с элементами ритуальных обходов ряженных (чучело, выкуп, преследование, уничтожение), происходивших в поворотные моменты года.

В обрядовой сфере параллелью к языковой толерантности может служить участие "чужих" в ритуальных действиях. По сообщениям из Могилевской губ., в 1889 г. во время эпидемии оспы еврейские женщины участвовали в обряде опаживания села вместе с белорусскими крестьянками: "Евреи участвуют, если не прямо, то косвенно, в исполнении обрядов белорусов-крестьян. Так, в 1889 г. в одном поселке Могилевского уезда в продолжении 3–4-х месяцев царил оспенная эпидемия (...) Решено было сделать опаживание. Евреи особенно настаивали на этом. И ночью, во время самой церемонии еврейские женщины были в процессии, хотя не принимали активного участия" (Архив Ин-та этнологии и антропологии, кол. ОЛЕАЭ. Д. 381. Л. 27).

На Гуцульщине евреи участвовали в ритуальном обливании водой в "Волочильный понедельник" (после Пасхи), чтобы уберечься на весь год от коросты: "як на Волочільний понегілок его (еврея. – О.Б.) скупают, то его короста ніколи не возьме сі" [18. С. 41]. При этом евреи вели себя вполне в русле местной славянской традиции, где ритуал обливания как раз и способствовал получению здоровья и благополучия.

В канун некоторых праздников (Юрьев день, Купала) славяне и евреи исполняли одни и те же охранительные ритуалы. Так, в Закарпатье "на Юрья" (день св. Георгия, 23 IV/06 V), когда согласно народным верованиям ведьмы отнимают у коров молоко, и гуцулы, и местные евреи разжигали костры из вонючих материалов, чтобы не допустить ведьм к скотине; у костра все время должен был находиться стражник, чтобы никто не мог взять уголек от костра и таким образом навести порчу на коров [18. С. 43].

Отметим также возможность своеобразного "перевода" обрядовых текстов "чужой" традиции. В Прикарпатье рассказывали, что во время пасхальных праздников евреи едят мацу. Берут деревянную ложку и кавалок хлеба и сжигают. После праздника они "перепрошуют" хлеб и говорят: "Гам, гам! Ходи хлібе 'д нам!" [10. С. 199–200]. Из этого описания хорошо видно, как праздничный ритуал избавления от *хамеца* (остатков квасного) и поиски *афикомана* (спрятанный кусочек мацы) в глазах славян превращается в некий магический обряд "приглашения" хлеба (ср. славянское обрядовое приглашение на рождественский ужин мороза, предков-"дедов", животных и т.п. ради урожая и благополучия в наступающем году).

Проблема языковых взаимоотношений и лингвотолерантности среди этнических соседей еще ждет своего детального исследования. Однако уже сейчас представляется очевидным, что в языковой сфере (как в сфере непосредственных контактов) смягчаются наиболее конфликтные мотивы "фольклорной этнологии" и корректируются традиционные стереотипы, формирующие этнолингвистический портрет "чужого".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tolerancja. Szkice sociologiczne / Red. naukowa A. Rosół, M.S. Szczański. T. 1. Częstochowa, 1994.
2. *Бартминьский Е.* Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих со-седях // Славяноведение. 1997. № 1.
3. *Cała A.* Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa, 1992.
4. *Тодорова О.* Образът на "нечестивия" евреи в българската книжнина от XVIII – началото XIX век и във фолклора // Български фолклор. 1994. Кн. 3.
5. *Тодорова О.* Евреите в българската словесност от началото на XIX век до Освобождението // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха (XIX–XX век). София, 2001.
6. *Градева Р.* Турците в българската книжнина, XV–XVIII век // Балкански идентичности в българската култура от модерната епоха (XIX–XX век). София, 2001.
7. *Krekovičová E.* Židovstvo očami iných. Reflexia Žida v slovenskom folklóre // Traditiones 24. Ljubljana, 1995.
8. *Krekovičová E.* Medzi toleranciou a bariérami. Obraz Rómov a Židov v slovenskom folklóre. Bratislava, 1999.
9. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1.
10. *Франко І.* Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. 5.
11. *Moskovich W.* Mr. Khauruchenka, Miss Shaihets, Mrs. Hoika and Others: the Origin of Some Unusual Family Names in East Slavic Areas // Philologia Slavica. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993.
12. *Шимченко О.* Українські людські вигадки // Етнографічний збірник. Львів, 1895. Т. 1.
13. *Гнатюк В.* Етнографічні матеріали з Угорської Русі. Т. VI. Байки, легенди, історичні перекази, новелі, анекдоти – з Бачки // Етнографічний збірник. Львів, 1911. Т. 30.
14. *Заглада Н.* Побут селянської дитини. Матеріяли до монографії с. Старосілля // Матеріяли до етнології. І. Київ, 1929.
15. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1903. T. 3.
16. *Гнатюк В.* Галицько-руські анекдоти. Ч. II // Етнографічний збірник. Львів, 1896. Т. 6.
17. *Берман И.* Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Виленской губернии, Ошмянского уезда // Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии. СПб., 1873. Т. 5.
18. *Онищук А.* Народний календар у Зелениці Надвірнянського пов. (на Гуцульщині) // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1912. Т. 15.

2002 г. Е.В. ВЕЛЬМЕЗОВА

ОБ ИМЕНАХ ПЕРСОНАЖЕЙ ЧЕШСКОГО ЛЕЧЕБНОГО ЗАГОВОРА¹

Структуралистский подход к описанию организации мифопоэтических (фольклорных) текстов предполагает представление систем элементов последних набором бинарных оппозиций, признаки которых могут быть связаны с самыми разными семантическими параметрами. Среди оппозиций выделяются более общие и более частные: при этом правые и левые части первых соотносятся с соответствующими частями последних как множества и подмножества.

В настоящей работе, посвященной именам собственным персонажей чешского лечебного заговора, рассматривается привативная оппозиция *'имеющий имя, называемый по имени/безымянный'*. Как мы постараемся показать, данное противопоставление непосредственно связано с более общими эквивалентными оппозициями *'свой (способствующий исцелению, положительный)/чужой (связанный с болезнью, отрицательный)'*, а признак *'имеющий имя'* имеет важное значение для определения заговорного персонажа как *'своего', 'положительного'* – что может быть описано через отношение элементов соответствующих подмножества (категория частного) и множества (категория общего).

Материалом для работы послужили чешские лечебные заговоры, записанные в XIX–XX вв. Всего было проанализировано около 500 текстов.

Выделим две группы заговорных персонажей.

I. Персонажи, называемые по именам

Большинство персонажей данной группы – это либо субъект (или объект) заговора, либо святые, к которым произносящий заговор обращается за помощью с просьбой об исцелении.

I.1. В первом случае заговаривающий чаще всего произносит свое подлинное собственное имя, так же, как и подлинное собственное имя больного, на исцеление которого направляется заговор. Многие тексты построены по модели "Я, Н., заговариваю (больного/ую) М. / заговариваю (больному/ой) М. болезнь...": *Já (udá své křestní jméno) zažehnávám tebe (udá křestní jméno nemocného)...*² 'я (имя заговаривающего) заговариваю (имя больного)...' [I. S. 606–607]; *ve jménu Duchy sv.*

Вельмезова Екатерина Валерьевна – канд. филол. наук, мл. научн. сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: грант № 01-04-00218а "Заговорный текст: генезис и структура".

² Во всех приводимых в работе примерах из чешских заговорных текстов сохраняются орфография и пунктуация оригинального источника.

zažehnávám já N. (žehnačka), M. (nemocný) bouli na krku 'во имя Духа святого, заговариваю я Н. (имя заговаривающего) М. (имя больного) шишку на шее' [2. S. 110]; já N. (zažehnáváč) zažehnávám M. (uštknutého) uštknutí 'я, Н. (имя заговаривающего), заговариваю М. (имя укушенного) укус' [3. S. 90] и т.д. Эти два подлинных имени, имя заговаривающего и имя больного, можно считать едва ли не единственными переменными величинами заговорного текста. Только в одном известном нам тексте субъект заговора (он же, в данном случае, и его объект) должен был назвать себя не своим именем: его "имя" в этом случае оказывалось в заговоре такой же константой, как и все прочие имена. Таким оговоренным заранее "заговорным псевдонимом" было имя Adam 'Адам': Já Adam vítám tě, měsícu, až budeš mítí tři rohy, aby mne Adama moje zuby nebolely 'я, Адам, приветствую тебя, месяц; пусть у меня, Адама, не болят зубы до тех пор, пока у тебя не будет трех рогов' [4. S. 10]. Возможно, что имя Adam в этом контексте апеллировало к образу Первочеловека, как нам кажется, имплицитно присутствующему в заговорном тексте и непосредственно ассоциирующемуся с объектом заговора³.

1.2. Из всех святых, называемых в заговорах по именам, чаще других упоминается Иисус Христос. Многочисленные упоминания о нем и его жизни (рождение, крещение, распятие, воскрешение) представляют собой высказывания неоспоримой истины, преследующие магические цели. Имена же прочих библейских персонажей чаще всего приводятся в заговорных текстах именно в связи с фактами из жизни Христа.

Вообще частое употребление собственных имен святых в лечебных заговорах представляется вполне закономерным, если вспомнить, что во многих мифопоэтических традициях исцеление от каждой конкретной болезни связывалось с определенным святым покровителем, способствующим этому процессу. Так, Иоанн Креститель в чешской традиции почитался как святой, содействующий исцелению от эпилепсии (*padoucnice*), святой Петр – как помогающий предотвратить облысение, а святой Блажей – как целитель болезней горла [8. S. 146, 236]⁴. Однако чешские заговорные тексты XIX–XX вв. такой зависимости не отражают: между множеством лексем – названий болезней, упоминающихся в чешских заговорах, и множеством имен святых изоморфных отношений установить нельзя. Против одной болезни могут призываться на помощь сразу несколько святых, а имя одного и того же святого может упоминаться в заговорах против нескольких разных болезней: в силу самой жанровой специфики заговоров данный изоморфизм изначально был для них не столь важен, как для текстов других жанров, а потому, даже если и существовал когда-то, не сохранился. Кроме того, упоминание имен разных святых в заговоре часто объясняется и чисто фонетическими закономерностями: называется тот святой, имя которого рифмуется с каким-нибудь другим именем (часто нарицательным), употребленным в тексте (примеры см. ниже, в приводимых заговорах от сглаза).

Непосредственная связь очевидной положительной семантики святых персонажей в заговоре с названием их по имени интересно выявляется тем фактом, что изначально безымянные библейские персонажи в отдельных случаях получают в заговорах особые имена – иногда эти имена заимствуются из апокрифических источников. Очень показателен в этом отношении заговорный персонаж, носящий имя *svatý Longin*

³ О возможности установления ассоциации "объект заговора – Первочеловек" на основании отождествления частей тела больного, перечисляемых в заговоре, с элементами ландшафта и космоса как образованными из соответствующих частей тела принесенного в жертву великана, см. [5; 6]; по признаку квази-отсутствия пола у описываемого объекта заговора см. [7].

⁴ Зависимости такого рода бывают не случайны: к примеру, святой Блажей почитался как святой, исцеляющий от болезней горла, так как он, по легенде, "спас мальчика, у которого в горле застряла рыба кость" [9. С. 191]. Ср. также чешский заговор, который следовало произносить, "если в горле застряла косточка": *Svatý Blažej porouč, vyjdi zpět nebo jdi dovnitř!* 'Святой Блажей приказывает, выйди назад или иди внутрь!' [8. S. 7].

‘святой Лонгин’. В Евангелии от Иоанна упоминается воин, проткнувший распятого Иисуса копьем, после чего из тела Христа вытекли кровь и вода: "...один из воинов проткнул копьем бок Его, откуда истекли кровь с водою" [Иоанн: 19.34]. В Евангелии это персонаж безымянный, однако в апокрифах он получает имя *svatý Longin* ‘святой Лонгин’, которое, возможно, связано с длиной копья, проткнувшего тело Иисуса: *longinus* < лат. *longus* ‘длинный’⁵. Это же имя используется и в заговорных текстах, прежде всего, в заговорах на раны – что, конечно, связано с изначальной библейской историей: *Longin Pánu bok otevřel, odkudž, vyšla krev, jest vykoupení, voda jest krěst* ‘Лонгин Господу бок проткнул, оттуда вышла кровь, это искупление, вода – крещение’ [4. S. 13]; *ta rána sečená neb kláná neb zastřelená neb vrážená. Tak se jí staň, jako se stalo té ráně, jžto Longin našemu Pánu Jezu Kristu pravý bok proklál, aby též ta rána nebolela, ani se zhoršila, ani potila. Ani zjitřila, ani se které nečistoty k tomu přivrhlo. Tak se staň té ráně* ‘эта рана, резаная или колотая, стреляная или пронзенная. Пусть будет с ней то же, что стало с (той) раной, когда Лонгин нашему Господу Иисусу Христу правый бок пронзил, чтобы эта рана также не болела и не ухудшалась, и не потела, и не расправлялась, и не прилипали к ней нечистоты. Пусть так будет с этой раной’ [4. S. 11]; *Pán Ježíš umičen i Longin, rytieš slepý, proklál jemu bok svatý. Tu jest tekla krev s vodú, i přestala. Také tomuto člověku N. bílá i červená nemoc byla i přestala* ‘когда Господа Иисуса замучили, Лонгин, рыцарь слепой, проколол ему бок святой. Тут текли кровь и вода, и перестали (течь). Также и у этого человека Н. (имярек) белая и красная болезнь была и прошла’ [8. S. 40]. По-видимому, само уже упоминание – называние по имени – этого персонажа, отсылающее к исходной библейской ситуации, имело в сознании заговаривающего вполне определенную прагматическую функцию: оно считалось способствующим исцелению.

Поясним это более наглядным примером, следующим заговором от лихорадки: *Ve jménu Otce i Syna i Ducha svatého. Ve vrchu Kelion odpočívá sedm spících: + Maximian + + Martinian + Malkus + Konstantin a + Diviš + Serafion + a Jan. Pane Kriste osvoboditi ráčíš tuto služebnici od zimnic pětidenních* ‘во имя Отца и Сына и Духа святого. В горе Келион отдыхают семь спящих: (перекреститься) Максимиан, (перекреститься) Мартиниан, (перекреститься) Малкус, (перекреститься) Константин и (перекреститься) Дивиш, (перекреститься) Серафим (перекреститься) и Ян. Господи Христе, изволь освободить (свою) служительницу от пятидневных лихорадок’ [11. S. 301]. В отличие от заговоров, упоминающих святого Лонгина, в данном тексте название по именам семерых спящих в горе Келион⁶ никак не связано с сюжетом или очевидной прагматической направленностью заговора. Остается предположить, что заговаривающий наделял "терапевтическими" функциями уже одно только упоминание данных имен, как если бы он вербально обращался к этим персонажам за помощью.

Некоторые святые заговорные персонажи, называемые по именам, являются, кажется, и вовсе не более чем спецификой чешской заговорной традиции: насколько нам известно, практически нигде больше они не упоминаются. Наиболее характерный пример – *svatý Ranec* ‘святой Ранец’, чье имя неизменно вызывает смех у современных носителей чешского языка: чешское слово *ranec* буквально означает ‘котомка, заплечный мешок’. Упоминание о "святом Ранце" в заговорах, возможно, объясняется фонетическими закономерностями, как и называние имен прочих святых: в форме родительного падежа это имя рифмуется с употребленным в той же форме существительным *mazanec* ‘пасхальный кулич’, важность упоминания о котором, по-видимому, обусловлена представлениями о его целебных магических свойствах: *Ve jméno svatého Rance, kus mazance, at’ oučejlat’ ten oučinek přestane, a zdraví nastane* ‘во имя

⁵ С поясом, на котором написано имя *Longinus*, этот персонаж изображается и на некоторых иконах [10. S. 242 usw.].

⁶ По легенде, укравшихся от преследовавшего христиан римского императора Деция (III в.), которые заснули более чем на триста лет [12; 13. С. 426–427].

святого Ранца, кусок пасхального кулича, пусть сглаз/этот сглазик прекратится, а здоровье настанет' [14. S. 375–376; 15. S. 251]; *ve jmě Ranca kus mazanca, by to robě sedelo, toho by nemělo* 'во имя Ранца, кусок пасхального кулича, пусть этот ребенок сидит и этого (этой болезни) не имеет' [15. S. 15]; *šlo sedmdesáte dva stříly, potkal je Ježíš a k nim řekl: Kam jdete střílové? Jdeme zuby N., M., S. lámati! Jděte, dříví a skály lámejte, M. a N., S. s pokojem nechte. Ve jméno svatého Rance, kus mazance, k tomu dopomáhej svatý Kundrát* 'шло семьдесят два прострела, встретил их Иисус и сказал им: "Куда идете, прострелы?" "Идем зубы Н. (имярек), М. (имярек), С. (имярек) ломать!" "Идите деревья и скалы ломайте, М. (имярек) и Н. (имярек), С. (имярек) в покое оставьте". Во имя святого Ранца, кусок пасхального кулича, помогай мне в этом, святой Кондрат' [16. S. 208]. В других контекстах имя *Ranec* не упоминается.

Как можно видеть, называемые по именам персонажи заговорных текстов представлялись мифопоэтическому сознанию в той или иной степени способствующими исцелению от болезней (кроме, разумеется, "нейтрального" в этом отношении объекта заговора)⁷, тем самым наделяясь положительными коннотациями: это и заговаривающий, и многочисленные святые, к которым обращаются с просьбой об исцелении или называют их имена в магических целях⁸.

В то же время некоторые болезненные состояния и болезни в заговорах приходят к людям от существ безымянных.

II. Безымянные персонажи

К безымянным персонажам чешских заговоров относятся не только люди⁹, но и антропоморфные мифологические персонажи.

II. 1. Люди в чешских лечебных заговорах наделяются способностью насылать сглаз¹⁰. Это *bába* 'баба, бабушка', *děvče* 'девушка', *děvečka* 'девочка', *panna* 'девица, девственница', *žena* 'женщина', *vdova* 'вдова', *dědek* 'старик', *dítě* 'ребенок', *mládenec* 'юноша', *muž* 'мужчина', *pachole* 'мальчик', *panic* 'девственник' и т.д. Ср. следующие заговоры: *Uřkla-li tě panna, pomáhej tě svatá Anna; uřknul-li tě mládenec, pomáhej tě svatý Vavřinec; uřkla-li tě žena, pomáhej tě svatá Magdalena; uřknul-li tě muž, pomáhej tě svatý Majnuš; uřkla-li tě bába, pomáhej tě svatá Sába; uřknul-li tě dědek, pomáhej tě svatý Melchisedek; uřklo-li tě dítě, pomáhej tě svatý Víte!* 'Если тебя сглазила девица, пусть тебе поможет святая Анна; если тебя сглазил юноша, пусть тебе поможет святой Вавржинец; если тебя сглазила женщина, пусть тебе поможет святая Магдалена; если тебя сглазил мужчина, пусть тебе поможет святой Майнуш; если тебя сглазила баба, пусть тебе поможет святая Саба; если тебя сглазил дед, пусть тебе поможет святой Мелхиседек; если тебя сглазил ребенок, пусть тебе поможет святой Вит!' [21. S. 510]; *porodila Anna syna Jana*

⁷ Единственным исключением из данной закономерности, обнаруженной нами для чешской заговорной традиции, является имя отрицательного по определению персонажа *Jidáš* – Иуда. Вообще же непосредственное соотнесение признака 'называемый по имени' с признаком 'свой (способствующий исцелению, положительный)' отличает чешскую заговорную традицию от других славянских, в частности, от русской, где по имени могут называться и зловредные персонажи: болезни, бесы и демоны [17. С. 226; 18. С. 408; 19. С. 225–227, 228–261, 265–266].

⁸ Ср. в этой связи следующее высказывание исследователя ономастикона русских заговоров А.В. Юдина: "Включаемые в текст заговора имена собственные [...] служат важнейшим орудием влияния на силы магического мира и мобилизации их на помощь субъекту заговорно-заклинательного акта" [19. С. 17].

⁹ В этом случае очевидным становится несовпадение границы, разделяющей чужое ("иномирное") пространство болезни и ему противоположный (условно назовем его *благополучный*) мир с границей, отделяющей человеческое от нечеловеческого.

¹⁰ О раскрытии внутренней формы названия данной болезни в связи с представлением о ее антропоморфном происхождении и о вредящем взгляде см., в частности, [20]: "Речь идет об опасности контакта со злом, при этом глаз = взгляд служит каналом связи, по которому это зло передается. Откуда? ... Сглаз связан не только с конкретным вредителем, но... здесь затрагиваются отношения иного и этого конкретного мира" [20. С. 166].

s velikou bolestí i u veliké radosti, i pohleděli vdova, manželka, panna, panic, muž chtěním i nechtěním, i pohaněla jeho život ‘родила Анна сына Яна с сильной болью и с огромной радостью, и посмотрели (на него) вдова, замужняя женщина, девица, юноша, мужчина, желая того и не желая¹¹, и охаяла его жизнь/его живот’ [4. S. 12]. Насылают люди и другие болезни: *o Pane Ježíši Kriste, já zazěhnávám oustřeje, jestli je to skrze vůli muže, nebo ženy, nebo pacholka, nebo děvečky* ‘о Господи Иисусе Христе, я заговариваю прострелы, возникли ли они по воле мужчины или женщины, или мальчика, или девочки’ [23. S. 29]; *ranila-li tě panna vlasatá, žena prsatá, rač tě ochránit Barbora svatá, ranil-li tě nějaký mládenec, rač tě ochránit svatý Vavřinec; ranil-li tě muž bradatý, rač tě ochránit Duch svatý* ‘если тебя ранила девица волосатая, женщина грудастая, пусть тебя защитит святая Барбара, если тебя ранил юноша, пусть тебя защитит святой Вавржинец; если тебя ранил бородатый мужчина, пусть тебя защитит святой Дух’ [24. S. 432] (заговор от “натки”¹²).

Заговоры часто подчеркивают сугубо телесную, материальную природу этих безымянных антропоморфных персонажей, как если бы некоторые черты их внешности представлялись заговариваемому гипертрофированными, по сравнению с обликом обычных людей. Их характеризуют, в частности, такие атрибуты, как *vousatý* ‘усатый’, *vlasatý* ‘волосатый’, *prsatý* ‘грудастый’, *bradatý* ‘бородатый’: *Uhranula-li tě žena prsnatá, požehnejž tě Anna svatá, uhranul-li tě muž bradatý, požehnejž tě Duch svatý, uhranula-li tě panna vlasatá, požehnejž tě Sybila svatá, uhranul-li tě mládenec, požehnejž tě sv. Vavřinec* ‘Если тебя сглазила женщина грудастая, пусть благословит тебя святая Анна, если тебя сглазил бородатый мужчина, пусть благословит тебя святой Дух, если тебя сглазила девица волосатая, пусть благословит тебя святая Сибилла, если тебя сглазил юноша, пусть благословит тебя святой Вавржинец’ [26. S. 347]. Кроме того, в заговорах могут специально упоминаться и отдельные части тел этих персонажей, через которые осуществляется их вредоносное воздействие. Это, прежде всего, *oči* ‘глаза’, вызывающие сглаз (см. выше), и *vlasu* ‘волосы’¹³. Подчеркнуто материальная природа безымянных антропоморфных существ противопоставляется духовной святости христианских персонажей, способных исцелять недуги, – ср. употребленное много раз в приведенных выше примерах из заговорных текстов прилагательное *svatý* ‘святой’, выступающее в данных контекстах в функции оппозиита к многочисленным прилагательным, описывающим части тела.

II.2. Не называются по именам и немногие упоминаемые в чешских заговорах языческие мифологические персонажи. Это *divé ženy* ‘дивоженки’, ‘лесные нимфы’, *divé muži* ‘лешие’ и *divé děti* ‘дикие, лесные дети’. Они, как и обычные люди, могут болеть: *Přišly tři divý ženy, a tři divý ženy měly tři divý děti, a tři divý děti měly lišeje, styděly se za ně, plivaly si na ně* ‘Пришли три лесные нимфы (дивоженки), а у трех лесных нимф были три лесных (диких) ребенка, а у трех лесных (диких) детей был лишай, они его стыдились, на него плевали’ [28. S. 234]. Но в то же время, это именно они, согласно заговорам, крадут естественный, здоровый плач у маленьких детей, подменяя его своим, диким: *Dej Pán Bůh dobrej den, černý lese! Nevidím tam nic jiného než divé muže a divé ženy. Vy, divé ženy, mému dítěti jeho rozený pláč dejte a svůj divoký se vemte* ‘Дай (тебе) Господь Бог добрый день, черный лес! Не вижу там ничего, кроме леших и лесных

¹¹ О независимости возникновения сглаза от человеческой воли (как жертвы, так и вредителя) см., в частности, у А.Н. Афанасьева: “Недобрый глаз влечет за собою болезни, убытки и разного рода несчастья, и такое действие его не зависит даже от воли человека” [22. С. 89].

¹² *Nátka, nádcha* или *nádka* – “болезненные отеки лица” [25. S. 196].

¹³ О возможной вредоносной силе волос в славянском фольклоре см., в частности, [27. С. 421–423]; ср. также название болезни *živé vlasu* ‘живые волосы’ [8. S. 61, 203] и фонетическое соположение в славянских языках данного нарицательного существительного с именем хтонического бога *Велес*.

нимф (дивоженок). Вы, лесные нимфы (дивоженки), моему ребенку его собственный плач, дайте, а свой дикий себе возьмите' [29. S. 202]. Это едва ли не единственные персонажи низшей демонологии, представленные в найденных нами чешских лечебных заговорах. И очевидная отрицательная семантика и связь этих персонажей с болезнями дополнительно маркируется их безымянностью.

Как можно заметить из приведенных выше примеров, противопоставление заговорных персонажей, имеющих имена и их не имеющих, непосредственно связано и с другой оппозицией, реализующей противопоставления 'свой/чужой', 'способствующий исцелению/связанный с болезнью', 'положительный/отрицательный'. Это эквивалентная оппозиция 'христианский/языческий'. Как было убедительно показано в работе Н.И. и С.М. Толстых [30], сам акт имянаречения – и даже простого названия по имени – "в контексте христианской культуры [...] отождествлялся с церковным обрядом крещения, во время которого новорожденный получал имя. В народном восприятии крещение и было прежде всего имянаречением, а крест приравнивался в своем значении к имени" [30. С. 90]. Известно, что, по общеславянским представлениям, умершие до крещения – и, следовательно, до имянаречения – дети превращаются в демонические существа. Они относятся к так называемым заложным покойникам (см. [31]), демонические черты которых во многом обуславливаются отсутствием у них имени. Поэтому связь признаков 'называемый по имени' – 'христианский' и 'безымянный' – 'языческий', очевидно выявляемая чешским заговором, представляется вполне закономерной.

В заключение укажем еще на одну интересную оппозицию, непосредственно связанную с противопоставлением 'называемый по имени/безымянный' в чешских лечебных заговорах. В этих текстах выделяются антропоморфные персонажи, которых объединяет с вредоносными существами то, что они никогда не называются по именам, а с персонажами христианского пантеона – то, что они способствуют исцелению от болезней, наделяясь, таким образом, положительный семантикой. Эти персонажи называются терминами родства, часто (но не всегда) они оказываются родственниками святых заговорных персонажей: *bratr* 'брат', *sestra* 'сестра', *dcera* 'дочь': *Šli tři šťastní bratrie jednou šťastnou cestou. I potkal jest je Pán Bůh, i řekl jim: "Kam to idete, tři šťastní bratrie?" "Pane, jdeme rozličného koření rýt na rány, na rozličné, na sečené i bolené". I řekl jim Pán Bůh: "Jděte a vezměte z beránka vlny a z révy vlna a z olivy oleje a žehnejte: ve jméno Boha Otce, Boha Syna, Boha Ducha svatého"* 'Шли три счастливых брата одной счастливой дорогой. И встретил их Господь Бог, и сказал им: "Куда это вы идете, три счастливых брата?" "Господи, мы идем рыть разных целебных корений на разные раны, на разрезанные и причиняющие боль". И сказал им Господь Бог: "Идите и возьмите с барашка шерсти, с виноградной лозы вина, с оливы масла и заговаривайте: во имя Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа святого" [11. S. 320]; *byla panna Maria přechistá, měla tři vlastní sestřičky: jedna předla, druhá vila, třetí na škrkavky žehnala; žehnala srdečným, jaterním, plicním, krevním, střevním té osobě (jméno), aby jí masa nejedly, krve nepily, a té osobě pokoj daly* 'была Дева Мария пречистая, у нее были три родные сестрички: одна пряла, другая плела, третья глисты заговаривала: заговаривала сердечные, печеночные, легочные, кровяные, кишечные, тому человеку (имярек), чтобы его мяса не ели, крови не пили, и человеку этому покой дали' [21. S. 508]; *byla svatá Briga, tři překrásný dcery měla; jednu učila štíti, druhou přísti, třetí škrkavičky na klubička víti* 'была святая Брига, у нее были три прекрасные дочери; одну она учила шить, другую прясть, третью клубочки из маленьких глистов вить' [32. S. 192]; *sv. Sára tři dcery měla, jedna štykovala, druhá šila, třetí na klubičko tomuto N. vila* 'у св. Сары было три дочери, одна вязала на спицах, другая шила, третья клубочек для Н. (имярек) вила' [11. S. 321].

Очевидно, быть членом семьи для мифопоэтического сознания уже само по себе в какой-то мере означало быть вписанным в христианский социум, ведь семья предполагает и определенную степень социального взаимодействия между ее членами.

Поэтому термины родства в заговорных текстах, по-видимому, выполняют ту же дополнительную семиотическую функцию, что и имена собственные: они маркируют принадлежность тех, кого называют, к христианскому ("своему") миру, противопоставленному миру языческому ("чужому"). Кроме того, лексемы *Máti* 'мать', *Otec* 'отец', *Syn* 'сын', употребляемые в записанных заговорных (и не только!) текстах с больших букв, – суть обозначения Богоматери, Бога Отца и Бога Сына: *Mrzte červi jísti toho, jako jsou frejři mrzeli Matičku Boží* 'Пусть вам, черви, будет противно есть этого (человека), как противны были повесы и волокиты Богоматери' [4. S. 12]; *žel svatý Pán Ježíš po svatým mostě, potkal svou milou Máti* 'шел святой Господь Иисус по святому мосту, встретил свою милую Мать' [32. S. 155]; ср. также распространенные заговорные зачины и концовки: *Ve jménu Otce i Syna i Duchu svatého* 'Во имя (Бога) Отца, и Сына, и Духа святого'; *k tomu mi dopomáhej Otec, Syn, Duch svatý* 'помогай мне в этом, (Бог) Отец, (Бог) Сын, (Бог) Дух святой'. Называние в этих примерах святых терминами родства еще раз свидетельствует о положительной маркированности последней группы существительных в заговорных текстах. Предположение же о тождестве дополнительных семиотических функций, выполняемых в чешском заговоре именами собственными и терминами родства, косвенно подтверждается тем фактом, что ни один заговорный персонаж не называется именем собственным и термином родства одновременно: эти "алло"-признаки, реализующие более общие признаки 'христианский', 'свой', 'положительный', 'способствующий исцелению', находятся друг с другом в отношении дополнительной дистрибуции.

Итак, в структуре чешского заговорного текста признак 'имеющий имя' в привативной оппозиции 'называемый по имени/безымянный' непосредственно связан с признаками более высокого уровня обобщения, образующими левые части эквивалентных противопоставлений 'свой/чужой', 'христианский/языческий', 'способствующий исцелению/связанный с болезнью' и 'положительный/отрицательный'. Он тесно коррелирует с признаком 'называемый термином родства' (привативная оппозиция 'называемый/не называемый термином родства'). Называнием антропоморфных заговорных персонажей именами собственными или терминами родства подчеркивается положительная семантика большинства последних и приписываемая им потенциальная способность содействовать исцелению от болезней. Насколько эту особенность чешских лечебных заговоров можно считать распространенной и свойственной другим традициям – покажут дальнейшие типологические исследования заговорного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Čermák E. Vesnické léčení v okolí Proseče na Skutečku // Český lid. 1892.
2. Hajný A. Paběrky lidového léčení z okolí Nymburka // Český lid. 1931.
3. Bačovský J. Zažehnávání uštknutí // Český lid. 1904.
4. Zíbrt Č. Staročeská zařkádla a lekovadla nemoci // Český lid. 1905.
5. Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.
6. Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового дерева" // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
7. Вельмезова Е.В. Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор (опыт исследования семантической структуры). Автореф. канд. дисс. М., 1999.
8. Čižmář J. Lidové lékařství v Československu. Brno, 1946. Sv. 2.
9. Кабакова Г.И. Блажей // Славянские древности. М., 1995. Т. I.
10. Sachs H., Badstübner E., Neumann H. Christliche Ikonographie in Stichworten. Leipzig, 1988.
11. Matiegka J. Lidové léčení // Československá vlastivěda. Řada II. Národopis. Praha, 1936.
12. Семь спящих отроков эфесских. М., 1914.
13. Нестерова О.Е. Семь спящих отроков // Мифы народов мира. М., 1997. Т. II.

14. *Zbřt Ā.* J.A. Komenský, znalec lidového podání českého // Český lid. 1911.
15. *Zbřt Ā.* Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy prstonárodní, pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk. Praha, 1889.
16. *Zbřt Ā.* Lekovadla a zazěhnávadla z r. 1745 // Český lid. 1909.
17. *Агапкина Т.А., Усачева В.В.* Болезнь // Славянские древности. М., 1995. Т. I.
18. *Толстая С.М.* Имя // Славянские древности. М., 1999. Т. II.
19. *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. М., 1997.
20. *Цивьян Т.В.* Защита от дурного глаза: пример из албанской традиции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.
21. *Erben K.J.* Prostonárodní české písně a říkadla. Praha, 1864.
22. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т. I.
23. *Zbřt Ā.* Lidové léčení v Kostelci nad Vltavou // Český lid. 1927.
24. *Franěk B.* Zaříkávání nemocí z Rakovnicka // Český lid. 1903.
25. *Krušina J.* Dějiny Trpína a okolí. Praha, 1948.
26. *Smola J.* Lékovadla či zaříkávávadla // Květy, Praha, 1885.
27. *Толстой Н.И., Усачева В.В.* Волосы // Славянские древности. М., 1995. Т. I.
28. *Bartoš F.* Moravský lid. Sebrané rozpravy z oboru moravské lidovědy. Telč, 1892.
29. *Vlasáková J.* Zažehnávání dětí ze Žiželic n. Cidlinou // Český lid. 1906.
30. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания (три доклада к XII Международному съезду славистов). М., 1998.
31. *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
32. *Průcha E.* Zaříkadla v nemocech na Bernardicku // Český lid. 1903.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков и Л.Я. Гибианский. М., 1999. 528 С.

Подготовленная в Институте славяноведения РАН рецензируемая коллективная монография положила начало серии "Вторая мировая война и Восточная Европа". В книге, созданной на основе широкого круга источников и прежде всего архивных документов, в значительной мере впервые вводимых в научный оборот, анализируется весь комплекс международных проблем в Центральной Европе и на Балканах в 1939 – первой половине 1941 гг., показана динамика изменений внешнеполитического положения государств, оказавшихся на перекрестке устремлений двух больших держав – СССР и нацистской Германии.

Генезис четвертого раздела Польши в сложном контексте советско-германских отношений в канун Второй мировой войны попытка выявить С.З. Случ. Если до середины 1930-х годов Польша в целом придерживалась принципа равноудаленности от СССР и Германии, то в дальнейшем в ее внешней политике все более стал намечаться крен к сближению с третьим рейхом. В фашистской Германии Варшава увидела серьезный противовес экспансионизму СССР, недооценив в то же время реальной опасности германского реваншизма. Столь нерасчетливая позиция наносила удар по системе коллективной безопасности на континенте и, несомненно, ставила в выгодное положение третий рейх, не преминувший воспользоваться благоприятным шансом для активизации усилий, направленных на обеспечение желательного нейтралитета Польши в будущей войне за передел сфер влияния в Европе. Эта политика дала первые всходы уже в 1938 г., когда Польша легко признала аншлюс Австрии. При этом в Варшаве не

придали должного значения тому факту, что столь значительное нарушение баланса сил на континенте в пользу Германии сужало поле для внешнеполитических маневров Польши. Недальновидной оказалась и польская позиция в чехословацком вопросе. Зная о территориальных претензиях Польши к Чехословакии, Гитлер сумел втянуть Варшаву в осуществление своих планов, направленных на расчленение Чехословацкого государства. Существенно облегчив выполнение Берлином этой очень непростой задачи, польская дипломатия довольствовалась умеренной ценой, не использовав затруднений третьего рейха на международной арене для урегулирования спорных проблем в польско-германских отношениях (в частности, данцигской). Между тем падение Чехословакии привело к еще большему изменению в пользу Германии соотношения сил между Берлином и Варшавой на международной арене.

Что же касается отношений с СССР, то польское правительство, иногда даже вопреки давлению Германии, не хотело переходить определенной грани, за которой возникала опасность резкого противостояния, чреватого военным конфликтом. Характерны заявления официальных лиц в Варшаве о том, что хотя "на практике мы, как и Германия, боремся на всех участках с действиями Коминтерна", тем не менее "мы должны считаться с особенностью нашего положения, а именно, с нашим непосредственным соседством с Советской Россией" (С. 86). В Москве, как известно, существовал устойчивый антипольский синдром. Вместе с тем в Кремле осознавали, что чрезмерная эскалация по вине СССР напряженности на западной границе

может в сложившихся условиях вызвать негативную реакцию со стороны как англо-французского блока, так и Германии и тем самым усилить внешнеполитическую изоляцию СССР, продемонстрированную самим фактом мюнхенского соглашения без привлечения Москвы. Участие Польши в разделе Чехословакии, приведшее Варшаву к заметному охлаждению отношений с Парижем и Лондоном, было воспринято в Москве достаточно спокойно и почти не отразилось на состоянии польско-советских отношений, тем более, что вопреки договору 1935 г. руководство СССР отнюдь не было склонно выводить поддержку Чехословакии за рамки публичных деклараций и тайной дипломатии.

С конца 1938 г. в свете военных приготовлений, имевших прежде всего анти-западную направленность, решение польской проблемы для Гитлера было связано с обеспечением тыла на Востоке. Принимая в январе 1939 г. министра иностранных дел Польши Ю. Бека, фюрер пустился в рассуждения о том, что "с чисто военной точки зрения, существование сильной польской армии представляет значительное облегчение для Германии; дивизии, которые Польша должна была бы держать на русской границе, сэкономили бы соответствующие дополнительные военные расходы Германии" (С. 119). Стремление договориться с Польшей становится одним из приоритетных направлений внешней политики третьего рейха.

В Варшаве, однако, не хотели переходить той черты, которая привела бы к полному подчинению Польши германской внешней политике. Категорически отказавшись присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, Бек в беседе с Риббентропом в январе 1939 г. мотивировал свою позицию тем, что, подписав такое соглашение, Польша не смогла бы сохранить то "мирное соседство с Россией, в котором она нуждается для своего спокойствия" (С. 119). В Берлине, между тем, не были склонны принимать во внимание соображения о безопасности Польши. Третий рейх наращивал политику диктата в отношении Варшавы, и любые попытки самостоятельного маневра со стороны последней вызывали окрик. Так, Германия решительно воспрепятствовала созданию общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Украину, на которую претендовала Венгрия. Дав Варшаве время на раздумье, Гитлер прибегал не только к грубому шантажу, но и к мерам опосредованного дипломатического воздействия, адресовав ей, в частности, уже весной 1939 г. ряд жестов, свидетельствовавших о том, что не исключено сближение Германии с СССР на антипольской

основе. Твердость Варшавы в сопротивлении германскому диктату привела к пересмотру Гитлером и его окружением всей стратегии отношений с этой страной. С конца весны 1939 г. ставка была окончательно сделана на силовое решение польской проблемы. Как отмечает С.З. Случ, "груз политической ответственности оказался явно непосилен для польских руководителей, хотя и нашедших в себе мужество первыми среди европейских политиков, подвергшихся всестороннему давлению, сказать "нет" нацистским требованиям, но при этом не сделавших необходимых выводов из этого в сфере подготовки страны к неотвратимо надвигающемуся нападению" (С. 148–149). Правда и то, что облегчение положения Польши в войне с Германией не входило в приоритетные планы западных держав, а ее вероятному поражению не придавалось сколько-нибудь важного стратегического значения.

Своим мужественным сопротивлением гитлеровскому натиску Польша навязала Германии нежелательный вариант развития событий. При всей несоизмеримости военных потенциалов двух стран начало западной кампании при нерешенном "польском вопросе" могло угрожать фюреру перспективой войны на два фронта. Для устранения такой опасности необходимо было договориться с СССР.

Надо сказать, что в Москве внимательно наблюдали за развитием польско-германских отношений, ибо перспектива превращения Польши в сателлита третьего рейха означала бы для СССР наихудший из всех возможных вариантов. В целях противодействия замыслам Гитлера Сталин и его окружение в начале 1939 г. проявили даже некоторую заинтересованность в том, чтобы продемонстрировать фюреру готовность пойти на сближение (конечно, до известных пределов) с Варшавой. Впрочем, необходимость в корректировке прежней последовательно антипольской стратегии Кремля быстро отпала, ибо уже легко можно было видеть серьезные трения в польско-германских отношениях. Выбор в конечном итоге был сделан в пользу договоренности с Германией за счет Польши. Известно, что вопрос о возможности сближения с третьим рейхом был впервые публично поставлен Сталиным еще в марте 1939 г. По мнению С.З. Случа, уже в то время произошло принципиальное изменение приоритетов советской внешней политики. С этого времени Сталина больше занимал вопрос о том, чтобы не продешевить и не совершить слишком решительного разрыва с прежней миротворческой фразеологией. Всю ответственность за обострение обстановки вокруг Польши надо было возложить на

"мюнхенских провокаторов". Обусловленная недоверием к Сталину непоследовательность западных держав в ходе переговоров лета 1939 г., равно как и нежелание Варшавы прини-мать советские гарантии (и прежде всего жесткая позиция Бека в вопросе о проходе советских войск через польскую территорию) лишь облегчали Москве решение поставленной задачи, но не меняли сути политики СССР. Можно согласиться и с тем, что в выборе, сделанном Сталиным, при ограниченности вариантов действий, присутствовал немалый элемент того, что называют "realpolitik". В самом деле, "отец народов" ока-зался весной-летом 1939 г. перед непростой дилеммой. Заключение договора с западными державами повысило бы риск скорого вступления в большую войну, да еще ради "панской" Польши. Этой перспективе Сталин предпочел другую – сделать ставку на общ-ность интересов с Германией конкретно в отношении Польши, согласиться на раздел сфер влияния с третьим рейхом и на время устранить от непосредственного участия в конфликте между главными действующими лицами на мировой арене.

Участие Красной Армии в польской кампании сентября 1939 г., ее взаимодействие с вермахтом, основанное на августовских договоренностях, находятся в центре внимания Н.С. Лебедевой. Общее стремление двух тоталитарных режимов к расчленению зажатой между ними польской территории не исключало расхождений при постановке конкретных тактических задач. В условиях начавшейся Второй мировой войны Москва сохраняла нейтралитет в отношении с западными державами, а потому старалась не афишировать своего участия в военных операциях, хотела выждать до тех пор, пока Польское государство не будет повержено немецкими руками, и только после этого приобщиться к разделу "пирога". Для того, чтобы избежать впечатления о синхронности действий двух армий и, кроме того, не допустить возможных столкновений с немецкими войсками, Советы неоднократно переносили начало вступления на земли Западной Украины и Западной Белоруссии.

Роль марионеточного режима Й. Тисо в Словакии во внешнеполитических и военных планах Германии, а также развитие советско-германских отношений вокруг Словакии рассматриваются в материале В.В. Марьиной. Уничтожив весной 1939 г. Чехословакию и включив чешские земли в состав третьего рейха в качестве "протектората Богемии и Моравии", Гитлер в то же время счел полезным сохранить формальную самостоятельность Словацкого государства,

находившегося в абсолютной зависимости от Германии не только во внешнеполитическом и военном, но и во внутривнутриполитическом аспектах, ибо нацистская индоктринация усиливалась в этой стране с каждым месяцем. Место Словакии в геополитических конструкциях нацистского руководства определялось ее срединным положением между Польшей и Венгрией, которые Гитлер весной 1939 г. стремился теснее привязать к своей политике. По сути дела территория "самостоятельной" Словакии (как и Закарпатской Украины) становится козырной картой в игре, которую вел Берлин с Варшавой и Будапештом, надеясь вовлечь их в число своих союзников. После того, как Польша выбыла в сентябре 1939 г. из игры, Словакия продолжала оставаться средством давления Германии на Венгрию. Для того, чтобы склонить Будапешт к новым уступкам, в Берлине всегда наготове была разменная монета для торга в виде очередных кусков словацкой территории.

Создав режим Тисо под своим патронатом, Гитлер решительно пресекал любые попытки активизации там СССР. Принимая в 1940 г. словацкого лидера, он прямо дал понять, что "Германия не позволит никакой другой державе проникнуть за Карпаты без боя" (С. 226). Между тем лояльная Германии новая словацкая политическая элита (по крайней мере, значительная ее часть) связывала с Москвой серьезные надежды на создание сильного противовеса германской политике полного овладения страной. Корректировка Советским Союзом после августа 1939 г. своей прежней антигерманской позиции в чехословацком вопросе и, в частности, признание режима Тисо не только стали дополнительным свидетельством решительности нового курса Москвы на союз с Берлином, но и породили в Братиславе иллюзии того, что, используя тактику балансирования между двумя союзническими державами, Словацкое государство сможет несколько расширить поле самостоятельных маневров, в первую очередь в отношениях с хортистской Венгрией, не удовлетворенной тем "куском", который достался ей при разделе Чехословакии, и продолжавшей, ссылаясь на свои "исторические права", претендовать на всю словацкую территорию. При этом линия на сближение с СССР находила поддержку в словацком обществе, способствуя расширению социальной базы режима Тисо. Усиление славянофильских настроений в Словакии, обратно пропорциональное усилиям по германизации этого края, вызывало в Берлине серьезную озабоченность, заставляя все больше вмешиваться в словацкие дела, переправлять в эту страну

новые военные формирования и устранять наиболее промосковски ориентированных политиков. Советское полпредство в Братиславе, открытое в начале 1940 г., доносило в Москву о том, что "германское нахальство в Словакии действительно перешло границы допустимого" (С. 230). Поскольку ставка на союз с Германией продолжала оставаться в силе, в Наркоминделе сочли нужным одернуть полпреда Г. Пушкина за то, что тот "плетется в хвосте антигерманских элементов, не разбираясь в главном смысле некоторых фактов" (С. 229). Вместе с тем различного рода антисоветские акции, организованные в Словакии явно по наущению Берлина, подвели НКВД к выводу о том, что в стране прослеживается "определенная линия поведения Германии по отношению к Советскому Союзу" (С. 229). В 1940 г. в Москве явно не хотели каких-либо осложнений советско-германских отношений из-за Словакии и не поддерживали усилий отдельных словацких политиков, направленных на то, чтобы склонить СССР к более активной вовлеченности в дела этой страны. "От нас словаки ждут, пожалуй, больше, чем мы можем им дать. В этом смысле у меня положение довольно деликатное", – докладывал своему начальству Г. Пушкин (С. 219). Полпредство СССР в Братиславе могло наблюдать за тем, как в Восточной Словакии сооружаются новые немецкие военно-стратегические объекты, истинное предназначение которых не могло вызвать сомнений. Таким образом, анализ реальных фактов неизбежно подводил советских дипломатов к мысли о непрочности пакта Риббентропа – Молотова, и только перестраховочные соображения не позволяли идти вразрез с официальной линией. Докладывая в Москву о том, что в Словакии ходят слухи о скором столкновении Германии и СССР, Пушкин делал спасительную для себя оговорку о том, что такие слухи инспирируются немцами, заинтересованными в том, чтобы "скрыть свои истинные планы ближайших военных операций против Англии" (С. 239).

В.К. Волков сконцентрировал свое внимание на узловых проблемах международных отношений в Центральной Европе и на Балканах в канун и первые годы Второй мировой войны. Отсутствие должной реакции западных держав на аншлюс Австрии показывало, как глубоко пустила там корни политика попустительства гитлеровской Германии, которую рассматривали как бастион в борьбе против большевизма. В еще большей мере об этом свидетельствовали последующие попытки соглашения с Германией за счет Чехословакии. За желанием умиротворить

Гитлера стояло плохо скрываемое стремление придать агрессивным планам последнего восточную направленность, хотя, как показали дальнейшие события, в своей реальной политике третий рейх отнюдь не собирался следовать сценарию, составленному в Лондоне. Следствием политики уступок стали не только принципиальное изменение геополитической ситуации в Европе в пользу нацистской Германии, но и глубокая эрозия и деформация всей версальской системы, равновесие сил в которой поддерживалось рядом политических и военных союзов (включая советско-франко-чехословацкие взаимные договоренности, перечеркнутые мюнхенским соглашением, а также Малую Антанту). Для Германии итоги Мюнхена были равнозначны результатам Мобеносной войны, выигранной без единого выстрела. Только после падения Чехословакии весной 1939 г. в Лондоне и Париже возобладало осознание того, что бездействие Запада может привести к установлению полной германской гегемонии в Европе. С этих пор начинаются поиски альтернативной внешнеполитической линии.

Что касается Советского Союза, то в условиях острого политического кризиса в Европе он, по оценке В.К. Волкова, пытался играть одновременно на двух столах, оставляя себе свободу маневрирования в зависимости от того, каким будет дальнейшее развитие событий на международной арене. Сталин рассчитывал таким путем добиться выхода СССР из внешнеполитической изоляции, снизить риск преждевременного выбора в не до конца определенной ситуации. При этом каждая очередная неудача в обращении к Лондону и Парижу побуждала к активизации усилий на германском направлении. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) весной 1939 г. Берлину был сделан намек на возможность сближения СССР с Германией, тогда как западные державы должны были осознать, что для предотвращения нежелательного для них советско-германского альянса необходимо занять более благожелательную позицию в отношении Москвы.

В свою очередь, внешнеполитическую стратегию в условиях предвоенного кризиса предстояло определить и малым балканским странам. В процессе ликвидации Чехословакии ее союзники по Малой Антанте решили, что противодействие Германии выходит за пределы их договорных обязательств. Реальная оценка соотношения сил диктовала, таким образом, выбор в пользу политики умиротворения, что не исключало, впрочем, тактики лавирования между западными державами и фашистскими государствами, посредством осуществления которой малые

страны надеялись достичь хотя бы и ограниченного нейтралитета. Не исключало это и оглядки на позицию СССР как некоего независимого центра силы, само существование которого способно расширить поле для внешнеполитических маневров. Готовность к сотрудничеству с Западом (не говоря уже об СССР) была в то же время лимитированной в силу вполне естественного недоверия, обусловленного мюнхенским опытом. Лондон и Париж начинали теперь пожинать на Балканах первые плоды своей политики умиротворения Гитлера. Тактика лавирования продолжалась и после заключения в августе 1939 г. советско-германского пакта, внушившего в то же время балканским лидерам некоторые надежды на возможность остаться в стороне от начавшегося общеевропейского конфликта, поскольку сговор между СССР и Германией сместил центр тяжести в противостоянии сил на континенте в западном направлении, подальше от Балкан.

После августа 1939 г. в основе балканской политики СССР лежало стремление обеспечить безопасность со стороны Черного моря и проливов. Приоритетное значение в силу этого приобретали отношения с Турцией и Болгарией; ради установления более тесных связей с последней Советский Союз готов был поддержать болгарскую сторону в территориальном споре с Румынией из-за Южной Добруджи. С поражением летом 1940 г. своего союзника Франция Великобритания утратила прежние возможности отстаивать свои интересы на Балканах (и только успешное сопротивление Греции итальянской армии осенью 1940 г. внушало ей некоторые, хотя и слабые надежды на контрнаступление при поддержке США). В этих условиях СССР мог защитить свои приоритеты в регионе исключительно в рамках соглашения с фашистскими державами. Между тем в своей балканской политике Гитлер все более игнорировал СССР, а затем и вовсе действовал наперекор ему. Сталинское же руководство оказалось не в состоянии противопоставить германскому проникновению в Юго-Восточную Европу ни военную силу, ни какие-либо иные средства, которые бы заставили считаться с его интересами. За исключением эпизода с присоединением Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г. инициатива всецело принадлежала третьему рейху, а СССР не только оказывался перед фактами новых дипломатических и военных побед Германии на Балканах, но иногда в известной мере подыгрывал ее устремлениям, например, поддержкой претензий Венгрии на Трансильванию.

Одностороннее предоставление Гитлером без ведома Москвы гарантий существования

Румынии (хотя и в значительно урезанных границах) расходилось с советскими пожеланиями, ибо оно по сути дела означало, что Румыния теперь входила в сферу влияния Германии, а СССР фактически отсекался от Балкан. Признать за Германией исключительное право на контроль над непосредственным соседом СССР в Кремле никак не могли – при том, что в качестве компенсации Советскому Союзу было "позволено" переместить границу с Днестра на Прут. Таким образом, летом 1940 г. противоречия между СССР и Германией в балканском регионе впервые проявились довольно отчетливо. Вместе с тем в Москве не были склонны педалировать возникшую напряженность. В ходе советско-германских переговоров ноября 1940 г. советская сторона хотела добиться от Германии признания сферы интересов СССР и соответственно партнерского разграничения сфер влияния в балканском регионе – поднимались, в частности, вопросы о проливах, о военном присутствии СССР в Болгарии в целях обеспечения контроля над проливами. Но Гитлер уже не воспринимал СССР как партнера, для Германии к этому времени все уже было подчинено подготовке похода на Восток, и балканские проблемы имели подчиненное значение в этом контексте. Хотя Гитлер нисколько не собирался корректировать свои планы в зависимости от переговоров с СССР, раскрывать свои карты он тоже не мог, опасаясь отхода Сталина от линии на поддержание дружественных отношений с Германией. В целях маскировки истинных планов выдвигается предложение о соглашении четырех держав, рассчитанное на то, чтобы увести в сторону мысль о возможной угрозе со стороны Германии и одновременно ограничить возможности внешнеполитического маневра СССР. Конкретные же советские условия (в частности, о союзе СССР с Болгарией) были встречены в штыки.

Политика Румынии, оказавшейся на перекрестке силового воздействия СССР и Германии, явилась предметом изучения М.Д. Ерещенко. После отстранения в августе 1936 г. министра иностранных дел Н. Титулеску, считавшего хорошие отношения с СССР важным гарантом безопасности страны в условиях усиливающегося немецкого диктата, внешнеполитический курс этой страны претерпевает заметные изменения. С одной стороны, в сознании румынской политической элиты возобладал страх перед большевизмом (характерно сделанное в кулуарах признание короля Кароля о том, что он "предпочел бы видеть в своей стране немцев в качестве врагов, чем русских в качестве друзей" –

С. 343). С другой стороны, стремление избегать каких-либо действий, способных вызвать явное неудовольствие в Берлине и Риме, не исключало попыток балансирования между двумя лагерями европейских держав (что, впрочем, было характерно для большинства государств восточноевропейского пространства). Новый министр иностранных дел В. Антонеску, обосновывая свою линию, заметил, что в сложившихся условиях Румыния "не может позволить себе такой роскоши, как ясная внешняя политика" (С. 343). Во время мюнхенского кризиса румынское правительство, не желая осложнений с Германией, заняло недоброжелательную позицию в отношении союзника по Малой Антанте — Чехословакии, отказавшись, в частности, разрешить воздушный коридор с СССР, который мог бы быть использован для поставок вооружения. Мюнхен не поколебал установку румынских правителей остаться в стороне от назревающего общеевропейского конфликта и по возможности использовать свое "независимое" положение и свободу маневра для того, чтобы заручиться какими-либо серьезными гарантиями сохранения своих очень выгодных границ, как итог Первой мировой войны. Такая тактика не имела успеха. Некоторое смягчение тональности в советско-румынских отношениях не означало возврата к последовательной линии Титулеску и не принесло ощутимых результатов. Более того, в период англо-франко-советских переговоров лета 1939 г. Румыния из опасений перед СССР отвергла саму идею сотрудничества с ним в интересах создания единого фронта борьбы с Германией и Италией. К курсу на сближение с Британией и Францией доверие в политических кругах Румынии было подорвано не только вследствие мюнхенского сговора, так и не умиротворившего Гитлера, но в еще большей мере из-за неспособности Запада реально защитить Польшу перед лицом немецкой агрессии. В выигрыше оказалась только Германия, после оккупации Чехословакии настаивавшая на максимальных уступках при подписании новых эконо-мических соглашений с Румынией, и продолжавшая с каждым месяцем наращивать в ней свое политическое присутствие.

Военные победы вермахта на фронтах Второй мировой войны усиливали прогерманское крыло в румынской политической жизни, подталкивали страну к еще большему сближению с третьим рейхом. Как цинично заметил Й. Риббентроп по этому поводу, для того, чтобы "Румыния нашла дорогу в Берлин, Германии нужно было оккупировать Париж" (С. 353). Ставка на фашистскую

Германию, однако, уже тогда же, летом 1940 г., доказала свою несовместимость с подлинными интересами Румынии, ибо во имя стратегических интересов Берлина (в частности, мира и спокойствия в стане его потенциальных союзников) ей пришлось пожертвовать Северной Трансильванией, уступив ее Венгрии согласно второму Венскому арбитражу (подробнее об этом в контексте отношений Берлина, Будапешта и Бухареста с Москвой говорится в разделе Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой). Кроме того, Германия в одной из статей дополнительного протокола к советско-германскому пакту о ненападении 23 августа 1939 г. признала право СССР на Бессарабию, что не могло не вызвать разочарования румынской политической элиты. Король был вынужден с горечью признать, что хотя он "сблизился с Германией, она без зазрения совести предала нас во имя своих интересов" (С. 358). Но прогерманская политика уже не могла иметь альтернативы, поскольку в ответ на выработанное у официального Бухареста согласие на условия венского диктата страна получила итало-германские гарантии ее территориальной целостности, что в тех условиях имело антисоветскую направленность. В основе политики маршала И. Антонеску лежало стремление заручиться поддержкой со стороны Германии планов будущего возвращения утраченных территорий. Преследуя эту цель, Антонеску сам предложил Гитлеру участие румынской армии в войне против СССР.

Эволюция внешней политики Болгарии в условиях начавшейся Второй мировой войны находилась в центре внимания Е.Л. Валеовой. В месяцы, предшествовавшие началу войны, царь Борис и его окружение занимали выжидательную позицию, собираясь лавировать до тех пор, пока "не станет ясно, участие в каком из блоков позволит ... извлечь для себя максимальную выгоду при минимальных потерях" (С. 362). С другой стороны, каждый из противостоящих друг другу блоков прилагал определенные усилия для того, чтобы заручиться поддержкой Болгарии в предстоящей войне, причем борьба за это балканское государство принимала все более интенсивный характер. Пожалуй, как ни одна другая страна, Болгария проявляла открытую заинтересованность в советско-германском сближении, рассчитывая на поддержку как в Москве, так и в Берлине своих территориальных притязаний к Румынии (в частности, в Южной Добрудже). Более того, в мае 1939 г. она даже попыталась выступить в роли посредника в отношениях двух тоталитарных держав. Не удивительно, что в заключении пакта Молотова-Риб-

бентропа болгарское правительство увидело "весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее Болгарии возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по мнению болгарских властей, зависело разрешение территориальных вопросов Болгарии" (С. 366). Пакт был одобрительно встречен и в более широких кругах болгарского общества, где сильные русофильские тенденции сосуществовали с германофильскими.

В Кремле интерес к Болгарии находился в немалой зависимости от состояния советско-турецких отношений и проблемы черноморских проливов, традиционно имевших для СССР (как ранее для царской России) огромное стратегическое значение. Принимая в августе 1939 г. болгарскую парламентскую делегацию, В. Молотов заметил, что СССР заинтересован в сильной Болгарии, не обойдась, правда, при этом без неприкрытой угрозы: "Если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Царьград немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнется на решительное противодействие Советского Союза" (С. 369). Таким образом, советско-германское сближение отнюдь не исключало соперничества двух держав в борьбе за доминирующее влияние в Болгарии. Общность советских и германских интересов применительно к этой стране проявлялась лишь в обоюдном стремлении противостоять дипломатической активности Англии и Франции в Болгарии, как и в целом на Балканах. Хотя с началом войны официальная София, надеясь сыграть на противоречиях великих держав, не отказалась от прежней политики лавирования, и Англия, и Франция, и США едва ли могли рассчитывать на успех в Болгарии, поскольку они выступали в целом за сохранение status quo на Балканах, что в корне противоречило болгарским ревизионистским планам. Кроме того, в самой Болгарии не было организованных политических сил прозападной ориентации.

Как показывает Е.Л. Валева, с конца 1939 г. "Болгария придерживалась линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, но без перехода критической черты – заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимопомощи" (С. 375). Предложение о пакте, поступившее из Москвы, было в Софии отвергнуто, и в этом в условиях лета 1940 г. сыграли немалую роль опасения "балтизации" страны. В течение 1940 г. болгарская политическая элита все более ориентируется на реализацию своих ревизионистских требований при помощи Германии. При этом сохранялись надежды на мирное разрешение в свою пользу

территориального спора с Румынией, а также на то, что Германия довольствуется благожелательным нейтралитетом и не заставит болгар воевать, тем более с СССР. С другой стороны, в диалоге с немцами болгарские лидеры не упускали случая напоминать о том, что в случае "перегиба" с немецкой стороны политические дивиденды на международной арене получит СССР, а в самой русофильской Болгарии – коммунисты. Впрочем, реальная помощь Германии в овладении Болгарией Южной Добруджей сыграла на руку прогерманским силам, укрепившим свои позиции в болгарском обществе. С этого времени диктат Германии усилился. Ссылаясь на то, что присоединение Болгарии к Антикоминтерновскому пакту может резко обострить отношения с Турцией и Грецией, царь Борис сопротивлялся до марта 1941 г., в конце концов уступив перед лицом прямого шантажа. Бессилие СССР в сложившейся ситуации свидетельствовало о его серьезном поражении в политико-дипломатической борьбе с третьим рейхом за Болгарию.

Л.Я. Гибианский, опираясь на широкий круг документов, по большей части впервые вводимых в научный оборот, изучил эволюцию внешней политики Югославии в условиях смены режимов в этой стране. В его работе показаны также роль и место Югославии в столкновении интересов СССР и Германии на Балканах.

Подобно Софии и Бухаресту, Белград долгое время пытался проводить политику лавирования, и пока Гитлер был занят войной с Францией, такой курс позволял остаться вне конфликта. С осени 1940 г., однако, ситуация изменилась. В условиях нарастания германо-итальянской угрозы активизируется движение в целях установления контактов с СССР. Советский фактор был не просто одной из новых карт, разыгрывавшихся в прежней политике лавирования. Предпринимаются конкретные усилия, направленные на приобретение советского оружия. Стремление заручиться поддержкой СССР на международной арене имело явной своей подоплекой желание более эффективно противостоять диктату стран оси. Существовали в то же время опасения, что СССР, для которого важнее была все же дружба с Болгарией, поддержит болгарские территориальные притязания в Македонии.

Будучи заинтересован в укреплении своих позиций на Балканах, в том числе в Югославии, СССР в то же время не хотел ставить под угрозу продолжавшийся диалог с Германией, а потому воздержался от поставок оружия. Отсутствие реальной поддержки со стороны Москвы ослабляло позиции Югосла-

вии, подталкивало ее к дальнейшим уступкам фашистскому блоку, настаивавшему на присоединении Югославии к пакту. Попытки Британии и СССР предотвратить этот шаг оказались безуспешными, договор о присоединении к пакту с Германией и Италией был подписан 25 марта. Однако 27 марта произошел государственный переворот, поставивший под вопрос уже принятое решение. Британская сторона, принимавшая участие в подготовке переворота, питала надежды на создание антигитлеровского союза Греции, Турции и Югославии, само существование которого могло бы "подбодрить" СССР к вступлению в войну с Германией. Советское руководство, напротив, рассчитывало, что новое антигерманское правительство в Югославии смогло бы своим упорным сопротивлением заставить третий рейх увязнуть на некоторое время на Балканах и оттянуло бы участие СССР в военном конфликте. При всем различии позиций важно, однако, то, что события, произошедшие в Югославии, привели к принципиальному пересмотру прежней советской линии в отношении британских усилий в балканском регионе – в контактах с новым югославским правительством Кремль демонстрирует теперь явную заинтересованность в военном сотрудничестве Югославии (как и Греции) с Англией в целях создания антифашистского фронта, способного приковать к себе достаточно значительные военные силы Германии и Италии. Проявляется и готовность скрытно поддерживать такой фронт, в том числе и тайными поставками оружия.

Ожидая скорого нападения Германии на свою страну, новое югославское правительство стремилось заручиться поддержкой не только Великобритании, но и СССР. Оно вынашивало идею заключения военно-политического союза с Москвой, питая надежду, что Гитлер не решится вступить в военный конфликт с СССР из-за Югославии. Не возражая в принципе против договора с Югославией, советское руководство, однако, не хотело брать на себя слишком больших обязательств. Осознавая неготовность СССР к войне с Германией, оно вело переговоры с Белградом с оглядкой на Берлин и хотело смягчить негативную реакцию Гитлера включением в текст соглашения положения о нейтралитете СССР. Лидеры же Югославии надеялись "продемонстрировать Берлину несравненно большую ангажированность СССР в поддержку Белграда, чтобы как можно дольше удержать Германию от нападения на Югославию" (С. 483).

Заключение советско-югославского договора в ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. не было

способно отсрочить вторжение Гитлера в Югославию, дав Белграду, как это планировалось, хотя бы короткую передышку для подготовки к военному отпору немцам и их союзникам по фашистскому блоку. Нападение на Югославию всего через несколько часов после подписания договора этой страны с СССР стало явным вызовом Москве, публичной политической пощечиной, открытой демонстрацией того, что Германия совершенно не склонна считаться с Кремлем, который при существующем раскладе сил в Европе не решился даже на резкий демарш с осуждением гитлеровской акции. Потерпев неудачу в споре за Югославию, СССР окончательно проиграл Гитлеру борьбу за Балканы. Агрессия Германии против Югославии и Греции в апреле 1941 г. завершила процесс подчинения Балкан третьему рейху.

В своей экспансионистской политике Германия использовала острые территориальные противоречия между малыми государствами, особенно активно эксплуатируя стремление некоторых из них, в частности Венгрии и Болгарии, к пересмотру версальских границ. Характерно циничное заявление Риббентропа, сделанное в ноябре 1938 г.: "Основная идея нашей политики в отношении Венгрии и Румынии в настоящий момент должна состоять в том, чтобы держать оба этих утюга в раскаленном состоянии и решать вопросы в германских интересах в соответствии с развивающейся обстановкой" (С. 40). Таким образом, напряженность международных и межгосударственных отношений в регионе облегчала реализацию целей нацистской Германии. Однако тот ход событий, который привел к установлению фашистского господства в Центральной и Юго-Восточной Европе, в немалой мере был определен и действиями главных игроков на международной арене. Ведь ни Великобритания и Франция с их запоздалым отказом от политики умиротворения, ни СССР оказались неспособны противопоставить гитлеровской экспансии ни военную силу, ни эффективные внешнеполитические решения. Только в апреле 1941 г. в связи с ожидаемой агрессией против Югославии в Москве наметились существенные подвижки в вопросе о координации устремлений в Лондоне в целях воспрепятствовать продолжающемуся натиску Берлина. Но было поздно: очередная победоносная кампания вермахта через считанные дни привела к безраздельной доминации Германии на Балканах. Следующей целью нацистской агрессии становился сам Советский Союз.

Е.Л. БЕРЕЗОВИЧ. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. 532 С.

Прочсть информацию, закодированную в названиях, понять, насколько она репрезентативна, какие сведения она дает нам о культуре этноса, о народной картине мира, как они соотносятся с реальной ландшафтной системой и системой традиционных представлений о ней, можно только постигнув сами принципы этого кодирования, т.е. встав на точку зрения номинатора.

"Герой" монографии Е.Д. Березович – топонимия, но не сама по себе, а как часть всего этнокультурного континуума. Это значит, что для автора существует несомненная связь принципов номинации ландшафтных объектов не только с самим ландшафтом, но и с человеком, его видением окружающего мира, языком, народной культурой в целом. В этом смысле топонимы не просто содержат знаки, указания на какой-либо аспект действительности, но и – в закодированном виде – подробный, детализированный рассказ о том, как человек видит мир вокруг себя, как познает, осваивает его, как взаимодействует с ним, что значительное и несущественное выделяет вокруг себя. Важно только уметь правильно и внимательно прочсть этот рассказ. Вся совокупность сведений, содержащихся в географических названиях (автор книги называет ее этнокультурной информацией), как убедительно показала Е.Л. Березович, можно постичь только через изучение топонимов в их внутренней взаимосвязи, системе и, что не менее важно, в связи с системой народных воззрений.

Отсюда и географическое ограничение: исследуется топонимия Русского Севера – достаточно обособленного в географическом и этнокультурном аспекте регионе (вспомним хотя бы Д.К. Зеленина, который не без оснований выделял северновеликоруссов в самостоятельный этнос). Впрочем, ограничением это можно назвать лишь условно, поскольку территория, обозначаемая этим термином, по размеру сопоставима с целыми странами. При этом колоссальный объем топонимов (только архив Топонимической экспедиции Уральского университета, на который опирается Е.Л. Березович, составляет более 900 тыс. единиц, в работе же

встречаются и другие данные) используемых в исследовании, открывает широкую возможность для обобщений, сделанных на основании статистических данных, и сводит до минимума вероятность субъективных оценок и интерпретаций со стороны исследователя.

Выбор региона определен несколькими факторами, из которых наиболее существенны такие: "территория Русского Севера является зоной, где русская топонимия характеризуется исключительным богатством" (С. 13), "топонимический материал этой зоны собран весьма полно (пожалуй, полнее, чем по какой бы то ни было территории России) и, что особенно важно, в условиях фронтальных полевых экспедиций" (С. 13). Последнее обстоятельство тем существеннее для целей и методов исследования, что один из основных принципов работы – анализ, основанный на функционировании топонимов, их "жизни" в этнокультурной среде, взаимоотношениях с другими названиями того же и соседних локусов, восприятию их носителями традиции (местными и неместными), т.е. с учетом информации, не отражаемой картами, атласами, перечнями названий, и в то же время в высшей степени важной для понимания семантики и этимологии названий. Полевые же данные содержат помимо собственно имен и записанные от населения соответствующих мест объяснения, т.е. ту этнокультурную информацию, которая послужила причиной и импульсом для номинации и которая может быть закодирована в топонимах.

Извлечению этой информации и посвящена книга. С самого начала автор оговаривается, что его интересует не только тот незначительный процент названий, которые напрямую выводят на явления духовной культуры, т.е. содержат прозрачные указания на них, но весь корпус имен: "Культуросносным материалом обладают не только отдельные названия, а вся топонимическая система в целом" (С. 12); "таким образом, функционирующему топонимическому материалу требуется не столько анализ "культурных имен", сколько более глубинное культурно-ориентированное осмысление всего топонимикона, своеобразная культурная герме-

невтика системы географических названий" (С. 13). Такая позиция противопоставлена традиционному представлению о топониме как об "ортодоксальном знаке, замкнутом на объект и обладающем только энциклопедическим значением" (С. 82) и основана на идее о том, что "топонимикон, как и остальные сферы традиционной духовной культуры, содержит специфическую версию этнокультурной информации, которая не дублируется полностью другими версиями, но пересекается с ними в ряде фрагментов" (С. 83). Иными словами, речь идет о специфической топонимической версии народной картины мира.

Анализ материала строится примерно так: определяется круг названий, образованных от одного корня или от синонимических корней по близким словообразовательным моделям; эти названия соотносятся с реальными ландшафтными объектами, носителями этих имен и окружающими их; выявляются наиболее частотные номинативные связи. Это позволяет увидеть, какая идея (мотив) лежит в номинировании того или иного типа географических объектов тем или иным словом. Для прояснения принципов номинирования автором используются и мотивировки, записанные со слов местных жителей в ходе работы экспедиций. Через сопоставление анализируемых топонимов с названиями соседних локусов выявляется ряд оппозиций, который также позволяет понять, по какому признаку объекту присвоено данное имя. Рассмотрение однотипных топонимов в топонимических микросистемах (совокупности взаимообусловленных топонимов на одной небольшой территории) и сопоставление таких микросистем позволяет выяснить, насколько типичны номинативные принципы, кладущие в основу названий разных географических объектов какие-либо мотивы. Из суммы этих мотивов выводится топонимическая репрезентация картины мира.

Рассмотрим пример. На исследуемой территории топонимов с компонентом *святой* зафиксировано 159. Примерно 75% этих названий относятся к гидрообъектам (родникам, ручьям, озерам, рекам, болотам, омутам). Единичные топонимы относятся к лугам, полям, мысам, островам, камням, скалам. Большая часть объектов, носящих эти имена, связана с отправлением культа в том или ином виде. При этом просматривается связь не только с христианскими культами (места, расположенные возле монастырей, церквей, часовен, обетных крестов, связанные с культовыми действиями, например, освящением воды, легендарными

сюжетами о святынях), но и с "языческими" (почитание камней, деревьев – ср. покос *Святые Сосны*). Однако это не единственный принцип, лежащий в основе образования таких названий. Второй вариант может быть связан с характеристикой самих географических реалий, которые могут восприниматься как сакрально отмеченные благодаря таким своим характеристикам, как прозрачность, чистота, красота, большой размер, ценность в потребителем отношении (много рыбы в озере), внушаемый ими страх. Особого внимания заслуживает последний признак: среди объяснений происхождения топонимов с компонентом *святой* автор цитирует такие, в которых о водоеме говорится как о страшном, бездонном, в котором живут черти. На это же указывают и дублетные названия: *Крестовый Мыс* – он же *Бесов Мыс*. Таким образом выделяется присущая святому коннотация страшного, опасного, нечистого, что – заметим от себя – проявляется и в других сферах традиционной культуры. Исследование антитетических пар топонимов с компонентами *святой* и *чертов*, *поганый* и т.п. может показывать противопоставление объектов по принципу "святой – нечистый" или по принципу транспонирования исходно "нечистых" свойств ставшего святым локуса на соседний объект (ср., например, легенды об изгнании святым бесов из озера, после чего те переселились в соседний ручей). При этом святыми оказываются по преимуществу высокие, большие или красивые объекты – гора, озеро, а нечистыми низменные, некрасивые – низина, ров (С. 220–234).

Как уже сказано, существенную роль в трактовке семантики, лежащей в основе номинации, играют записанные в ходе полевой работы контексты, связанные с ландшафтными объектами. В значительной степени на них основывается автор, определяя мотив, лежащий в основе номинации, особенно если рассматриваемый топоним не вовсе прозрачен. Однако из цитат не всегда ясно, насколько цитируемое объяснение может быть сочтено единственно верным или хотя бы реально бытующим в данной местности. Всякий, кому приходилось заниматься полевым интервьюированием, знает, что вопрос собирателя часто ставит информанта в тупик, заставляя его рассуждать о вещах, никогда не входивших в тематику его рефлексии. В таких ситуациях интервьюируемый легко пускается в импровизацию, которая хотя и происходит в русле формирования фольклорного нарратива, но далеко не всегда содержит позитивную информацию о предмете вопроса. В таких

случаях особенно важна статистика повторяемости подобных объяснений, которая не приводится в исследовании. Например, название горы *Пердячка* объясняется такой цитатой: "Очень круто, кони вывезти не могут" (С. 377). Аналогичные объяснения приводятся еще для двух топонимов, что позволяет автору отнести эту номинативную модель в раздел "Возвышенность, на которую трудно подниматься", который едва ли отражает весь круг значений данного апеллиатива (ср. название расположенной на ровном месте каргопольской деревни *Пердуново* (официально *Дергуново*), носящее выраженный пейоративный характер (данные архива Каргопольской этнолингвистической экспедиции РГГУ). Не совсем понятно также, учитывается ли, что современные мотивировки, полученные от местных жителей, зачастую вторичны и представляют собой объяснения, строящиеся на народной этимологии или созвучии. Разумеется, такие контексты существенны сами по себе и отражают факт синхронного сознания, но в этом случае следовало бы разграничивать синхронный и диахронный пласты.

Книга структурирована в соответствии с задачей описания "топонимической картины мира". Из пяти глав первая посвящена общим вопросам и методологии исследования, а остальные четыре различным аспектам этнокультурной информации, содержащейся в топонимах: "Концепция географического пространства в русской топонимии" (гл. II); "Народная религия и верования в зеркале топонимической номинации" (гл. III); "Человек и пространственные объекты: процессы интеракции" (гл. IV); "Топонимия и фольклор: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации" (гл. V). (Первые три главы суть переработанная и дополненная версия вышедшей в 1998 г. книги "Топонимия Русского Севера. Этнолингвистические исследования", четвертая же и пятая главы опубликованы впервые.) В каждой из четырех глав (кроме первой) рассматривается система соответствующих топонимов и система взглядов, лежащих в основе номинации. Излагаемый материал подается отчасти в форме своеобразного словаря топонимов, где они сгруппированы по смысловым гнездам (например, "Параметры локализации в пространстве: Ближний – дальний, Правый – левый" и т.п.; "Библийские локативы", "Хозяйственные работы" и др.), а внутри гнезд по апеллиативам; там же обозначены типы географических объектов, носящих приводимое название, записанные от информантов контексты, объясняющие их происхождение, соседние топонимы, образующие

с рассматриваемыми микросистемами, а также указание на место фиксации. Такая подача материала в высшей степени репрезентативна и позволяет увидеть закономерности номинации, степень распространенности (приводится также и статистика) названий, их взаимодействия между собой. Из этого выводится система представлений об окружающем мире.

В главе II, посвященной отражению пространственной картины в севернорусском топонимиконе, выявляется, что пространственные представления, лежащие в основе географических названий, обусловлены прежде всего тем, как объект отвечает хозяйственно-бытовым нуждам человека. При этом система таких названий организована «по принципу матрешки, включающей в себя несколько топонимических поясов с разным "масштабом" (степенью конкретности/абстрактности) изображения местности» (С. 193). Это, по мнению автора, "свидетельствует о суженности пространственного горизонта носителей топонимической системы" (С. 193). Соответственно, в центре этой "матрешки" находится сам номинатор, человек, который и служит точкой отсчета пространственных измерений. Позиция номинатора строго закреплена: "Центр номинативного освоения пространства выделяется в топонимическом континууме не только количественно, но и качественно: в центре преобладают панорамные номинации, соответствующие такому принципу освоения пространства, как карта-обзорение [...] Периферия характеризуется уменьшением количества панорамных номинаций и ростом числа векторных названий, реализующих такой тип освоения пространства, как карта-путь" (С. 195). При этом в освоении пространства преобладает линейный принцип – оно осваивается по линиям радиусам, отражающим "вектор заселения или хозяйственной деятельности" (С. 197).

Репрезентация в топонимии народных верований стала предметом главы III. Рассматривается три группы топонимов: основанные на наименованиях различных персонажей народных верований, использующие библейские топонимы и реализующие понятие 'заветное место'. В результате исследования Е.Л. Березович приходит к следующим выводам: народная религия не может считаться основой для активной номинации, при этом идеи и персонажи, связанные с отрицательным полюсом народной религии, используются чаще, чем составляющие позитивного полюса. При этом топонимия отражает "более архаичную, чем в системе языка в целом, концепцию святого (божьего)", поскольку топонимы, образованные от основы

Бог, могут быть связаны с объектами языческого культа, нечистыми или просто феноменальными (С. 271). При этом не вполне ясной представляется используемая ученым оппозиция "христианский – языческий культ, культовый объект". В начале главы Е.Л. Березович посвящает несколько страниц рассуждению о нерасчлененности в народных представлениях христианского и языческого, образующих единую религиозную систему, однако, перейдя к анализу конкретного материала, тут же отказывается от высказанных соображений и во всем дальнейшем тексте активно пользуется терминами "христианский" и "языческий", не вдаваясь в анализ явлений, к которым эти термины применяются, и не мотивируя своей позиции. Например, беспартийно к языческим относится культ святых камней, объясняемый внутри самой традиции через воздействие на них христианских персонажей. При этом, как следует из анализа материала, в топонимии оппозиция "христианский – языческий" не реализуется, вместо нее представлена несколько иная: "чистый/святой – нечистый/дьявольский".

Топонимия, основанная на понятии заветного места, отражает три макрополя, связанных с данной тематикой: нечистое место, святое место, место смерти и захоронения. Наиболее разработанным в топонимическом смысле оказывается семантическое поле 'нечистое место'. В основе этой номинации лежат действия нечистой силы, реакция человека на контакт со страшным местом, свойства данного места, обусловленные восприятием его как нечистого. Для объектов со значением святого места существенными оказываются как собственные его свойства, так и его связь с культовым объектом и практикой; для поля 'место смерти и захоронения' продуктивны признаки 'христианское кладбище', 'место "нетрадиционного" захоронения', 'место смерти'. "С точки зрения этнолингвистической информации наибольший интерес имеют опосредованные номинации, характеризующие место смерти и захоронения через обозначение покойников, ситуации смерти и т.п." (С. 347).

В качестве еще одного существенного для топонимии аспекта выделяется взаимодействие человека с пространством, чему посвящена глава IV книги. Интеракция с окружающим миром, отраженная топонимией, сводится к нескольким семантическим полям: "1) передвижение в пространстве; 2) хозяйственные работы; 3) быт человека; 4) обрядовая и религиозная деятельность; 5) досуг; коммуникация; 6) интеллектуальная деятельность, связанная с обнаружением и

освоением объекта; 7) перцептивная деятельность; 8) экономические отношения; 9) качество труда по освоению географического объекта; 10) эффективность хозяйственного использования объекта; 11) эмоции, эмоциональные состояния в связи с освоением географического объекта" (С. 425).

Наконец, в главе V рассматриваются фольклорные сюжеты и мотивы, лежащие в основе номинации ландшафтных элементов. По словам Е.Л. Березович, "фольклорная ремотивация обнаруживается чаще всего в топонимических преданиях, которые образуют две группы: предания с мифологическими и историческими мотивами" (С. 476). Под последними понимаются предания об исторических персонажах, столкновениях с чужими народами, древних поселениях и укреплениях, первопоселенцах, разбойниках, кладах. Мотивация топонима посредством фольклорного текста может происходить несколькими путями: «1) фольклорный текст мотивирует географическое название в его первичном ономаσιологическом варианте: связь с фольклорным текстом создает семантическое своеобразие топонима; 2) фольклорный текст мотивирует топоним, созданный по типовым моделям топонимической номинации; 3) топонимическое предание "притягивается" к топониму в результате вторичного мотивационного переосмысления; 4) фольклорный текст и топоним – каждый своими средствами – кодируют информацию о свойствах географического объекта, при этом один вариант не противоречит другому; 5) фольклорный текст и топоним кодируют принципиально разную информацию, не обнаруживая перекличек друг с другом» (С. 476–477). При этом географическое пространство рассматривается номинаторами как арена, на которой происходили исторические или мифологические события, так что тема, "инициированная одним из географических названий, нередко получает развитие в преданиях, направляемых наименованиями смежных объектов" (С. 476–477).

В связи с изложенным хотелось бы высказать сомнение по поводу правомерности разделения фольклорных текстов, мотивирующих номинацию, на мифологические и исторические. Нужно ли говорить, что в сознании носителей традиции (в том числе и номинативной) они вовсе не различаются, ибо и то, и другое мыслится одинаково реальным и актуальным? Но и с точки зрения исследователя народной традиции мифологическое и историческое трудноразделимы. "Исторические" сюжеты, эпизоды, персонажи на поверку оказываются лишь трансформацией все тех же мифологических, как,

например, чужие народы – *чудь, литва, паны* и др., которые и функционально идентичны представителям нечистой силы, и напрямую могут именоваться *нечистой силой, бесами* и лишь в незначительной степени соотносятся (большей частью по названию) с соответствующими этносами. Исторические персонажи также наделяются свойствами мифологических. Для удобства осмысления и подачи материала такое противопоставление тоже ничего не дает и выглядит явным излишеством.

Четыре тематических пласта, каждому из которых посвящена отдельная глава, показывают, что именно составляет круг значимых для топонимии явлений, какие стороны действительности и человеческого сознания оказываются наиболее существенными для топонимии. Порядок расположения глав показывает продуктивность этих пластов (главы расположены в порядке ее убывания), а подробный анализ материала детальнейшим образом объясняет, как происходит отбор этнокультурной информации и ее освоение в топонимии. Среди достоинств этой работы далеко не последнее место занимает то обстоятельство, что читателю продемонстрирован не только путь возникновения названий географических объектов, но и то, как в топонимии отражен процесс освоения окружающего мира в бытовом, хозяйственном, сакральном, эстетическом отношении, т.е. речь идет о "топонимической версии" крестьянской картины мира. Именно крестьянской, поскольку подавляющее большинство севернорусских топонимов связано с крестьянским сознанием. Это обусловлено отсутствием на обозначенной территории помещичьего землевладения, низкой степенью урбанизированности областей. Однако в ходе исследования автору приходится сталкиваться и с названиями иного типа: это, во-первых, незначительное число поме-

щичьих названий; во-вторых, названия монастырские, т.е. обязанные своим происхождением близости объектов к монастырям; в-третьих, новые, советские топонимы, вытеснившие исконные или существующие параллельно с ними. Для всех этих случаев, не выделенных в особые разделы, но возникающих по ходу изложения основного материала, Е.Л. Березович оговаривает особые принципы номинации, не совпадающие с традиционными крестьянскими.

В работе убедительнейше показано, что топонимы представляют собой не единичные образования, оторванные от контекста, а целостный континуум, основанный на мировоззрении; за именами объектов пространства стоит человек, обладающий сложившейся системой взглядов и взаимоотношений с окружающим миром, постепенно осваивающий его, каковой процесс освоения также находит отражение в топонимии.

Среди прочих достоинств работы нельзя не упомянуть четкость и насыщенность повествования, не дающую читателю возможности расслабиться (этому же способствует микроскопический шрифт, которым набрана книга, так что 532 страницы, из которых она состоит, на проверку оказываются семьюстами, так что очень не хватает индекса, сводящего воедино все упомянутые топонимы – это сильно бы облегчило ориентацию в огромной массе материала и дало бы возможность использования работы еще и как справочного издания), колоссальный объем использованной литературы (список на 36 страницах) и объем источников. Самый же большой "недостаток" работы – это тираж в 200 экземпляров, уготовивший изданию с самого момента его рождения горькую судьбу библиографической редкости.

© 2002 г. А.Б. Мороз

Славяноведение, № 6

Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л.П. Солнцева. СПб., 2002. 366 с.

Сборник посвящен выдающемуся русскому ученому П.Г. Богатыреву (1893–1971), чье многогранное научное творчество вошло неотъемлемой частью в отечественную гуманитарную науку. Филолог, фольклорист, этнограф, лингвист, театровед, переводчик

знаменитого романа Я. Гашека о бравом солдате Швейке П.Г. Богатырев оставил заметный след не только в отечественной, но и в чешской и словацкой науке, стал общепризнанным авторитетом. Внимание к научному наследию, жизни и деятельности

П.Г. Богатырева неуклонно растет, о чем свидетельствуют недавние публикации в журналах "Славяноведение" и "Живая старина". Новый сборник – итог проводившихся в 1990-е годы "Богатыревских чтений", организованных Институтом искусствознания, чрезвычайно удачно сочетает мемуарные и документальные публикации с научными статьями, тематически связанными с проблематикой, разрабатывавшейся в трудах ученого. Приняли участие в сборнике и зарубежные исследователи.

Сборник отличается удивительной цельностью, не так часто встречающейся в изданиях подобного рода. Все научные статьи органично увязаны с идеями П.Г. Богатырева, что придает книге определенную монотематичность. Одновременно разнообразие материалов, проистекающее из многообразия научных интересов самого П.Г. Богатырева, дает читателю широкую филологическо-фольклористическую панораму Восточной Европы. Предваряющее сборник вступление Л.П. Солнцевой написано столь умело, что читатель, имеющий о П.Г. Богатыре лишь самые общие сведения, сможет составить представление о главных идеях его творчества, о его подходе к народной культуре, понять, насколько органично ученики и последователи ученого продолжают его дело.

Книга состоит из трех разделов. В первом собраны воспоминания о П.Г. Богатыре. Это в основном маленькие фрагменты того, что удержала память его друзей и учеников. На первый взгляд слишком фрагментарные и беглые, с повторами того, что запомнилось наиболее ярко, они в итоге дают очень выпуклый, яркий, в чем-то даже литературно-художественно поданный образ П.Г. Богатырева как человека и ученого. Большую ценность, несмотря на малый объем (всего три страницы) представляет первая публикация воспоминаний выдающегося чешского лингвиста, коллеги П.Г. Богатырева по Пражскому лингвистическому кружку Я. Мукаржовского, который вообще ни о ком мемуаров не оставил. Его свидетельство о русском ученом важно не только как дань признательности, оно дополняет облик самого Я. Мукаржовского, труды которого по семиотике, имеющие мировое значение, в последние годы у нас стали активно издавать.

Для истории науки весьма важным представляется интервью П.Г. Богатырева, данное словацким журналистам, а также воспоминания его русских учеников (С.В. Никольский, Н.М. Ведерникова) и чешских коллег более молодого поколения (Я. Колар, Б. Бенеш и др.).

Второй раздел объединяет статьи, посвященные научному анализу наследия П.Г. Богатырева и его довольно непростой биографии. В.Е. Гусев дал краткую, но глубокую характеристику П.Г. Богатырева как ученого, показал значение его функционально-структурного метода для мировой науки. Л.П. Солнцева рассматривает жизнь и деятельность П.Г. Богатырева в межвоенной Чехословакии в контексте культурной, преимущественно театральной, жизни Праги. Такой подход позволяет глубже понять лабораторию ученого, ощутить глубинную связь идей его труда "Народный театр чехов и словаков" с актуальными проблемами развития европейского авангардного театра. Автор делает очень важный вывод о том, что чешский кукольный театр заинтересовал П.Г. Богатырева своей народностью и специфической поэтикой, поскольку в нем старина, традиция оказывались созвучны формам нового левого театра. Обилие цитат из малоизвестных и неопубликованных источников придает дополнительную ценность статье, содержание которой охватывает все основные вопросы богатыревской темы.

Интересные материалы, в том числе архивные, об отдельных страницах жизни и деятельности П.Г. Богатырева содержат в себе статьи К.Г. Элерса, Х. Барана, С.П. Сорокиной.

Особняком стоят «Заметки к эссе П. Богатырева и Р. Якобсона "Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens"» израильской исследовательницы Х. Ясон, в которых предпринята попытка остро критического анализа этой классической работы с точки зрения состояния современной науки. В наблюдениях Х. Ясон много верного, в частности отмечаемый ею парадокс: влияние Финской школы на русских авторов, прошедших через опыт формализма. Однако решение самой Х. Ясон проблемы границ между фольклором и литературой настолько спорно, что вызывает массу вопросов, обсуждение которых выходит за рамки данной рецензии. Отмечу только, что предлагаемое ею понимание категории "народная книга" и ее функционирование в современном обществе опирается на теорию "фольклора средств массовой информации", восходящую к концепции культуры М. Макклюза. В подходе автора явно прослеживаются модернизация и чрезмерная социологизация, однако сам факт подобной публикации весьма полезен, поскольку "от обратного" свидетельствует о важности изучения наследия русской формальной школы.

В третьем разделе сосредоточены статьи современных исследователей, соотносящиеся

с тематикой научных работ П.Г. Богатырева. Каждый из авторов в представленных материалах продолжает свои предшествующие исследования, во многом основанные на идеях и методах П.Г. Богатырева, что создает единый стержень раздела. Интересна статья Б. Бенеша о таком современном фольклорном жанре как *githoug* (слухи, молва и т.п.), где он рассматривается как протофольклорный коммуникат, входящий в *oral history*, не все феномены которой, однако, относятся к фольклору. Н.Ю. Данченкова, анализируя причитания, доказывает сложную организованность жанровой системы плачей, а также то, что интонирование составляет неотъемлемую черту плачей, поэтому его по сути можно считать "дословесной" формой, где текст подчинен фоническому интонированию, что позволяет рассматривать плач как магический акт. А.В. Часовникова при анализе эволюции церковного праздника Богоявления (Крещения) на Руси приходит к важному выводу о том, что церковное действо является полифункциональной моделью, причем его чисто русской спецификой было "обрядовое богословие", постепенно утрачиваемое в XVII в. Л.А. Софронова в статье "Дьявол в сочинениях Г.С. Сковороды" показывает сплав элементов культуры разных уровней в трудах украинского философа. Дьявол у него сохраняет фольклорность образа, поэтому ему присущи три функции, отмеченные еще П.Г. Богатыревым – дидактическая, комическая, устрашительная, но одновременно он наделен чертами более высокой культуры, что говорит о культурной универсальности этого образа у Г.С. Сковороды. Статья А.Ф. Некрыловой "Петербургские разносчики" продолжает ряд широко известных работ автора по народному театру и фольклорным паратеатральным формам. Яркий рассказ с привлечением интереснейшей бытовой мемуаристики сочетается с углубленным анализом феноменов, на семантику которых в повседневной жизни человек обычно не обращает внимания. Тематически к этой статье близка публикация В.В. Усачевой о театральных элементах в структуре славянских ритуальных текстов.

Статья С.Ю. Неклюдова "Вариант и импровизация в фольклоре" не вносит ничего нового в изучение темы вариативности народных текстов, которая в свое время была основательно разработана К.В. Чистовым [1], однако работы К.В. Чистова даже не упомянуты. В.П. Аникин, как представляется, неоправданно противопоставляет филологическую фольклористику и этнографию. Акцентирование филологической составляющей противоречит как комплексному подходу

П.Г. Богатырева к народной культуре, так и разработанным им методам ее исследования. Н.М. Ведерникова предприняла попытку сопоставления символических образов в народной поэзии и народном искусстве, положив в основу анализа глубоко верную идею П.Г. Богатырева об органичной связи отдельных видов народного творчества, составляющих единую художественную структуру. Однако далее общих констатаций, достаточно хорошо известных по более ранним трудам ряда авторов, Н.М. Ведерникова не пошла, что не позволило ей выявить саму структуру символов в народных поэзии и искусстве, не дало увидеть скрытую символичность в бытовых, реалистических мотивах народной живописи, реалистическую достоверность которых автор отстаивает. Хотя в конце концов она делает совершенно справедливый вывод о том, что бытовые сцены осмысляются как символические ситуации. Очевидно, нужно было на конкретных сюжетах показать, как в изоряде крестьянских предметов быт постепенно замещает, но не вытесняет традиционный обряд-символ.

Известная московская исследовательница культуры старообрядцев С.Е. Никитина представляла яркое этнографическое описание, сопровождающееся семантическим анализом феноменов культуры духоборцев Джавахетии, ныне переселившихся в Тульскую область. Она ставит вопрос о фольклорности псалмов духоборцев, ясность в который, как кажется, смогло бы внести введение категории *traditional*, прилагаемой к устойчивым феноменам пограничья устной и письменной, "высокой" и "низкой" культур. В текст очень ценной статьи, к сожалению, вкралась то ли опечатка, то ли ошибка: Бонч-Бруевич, автор публикации в 1909 г. "Животной книги" духоборцев, везде фигурирует с инициалами В.Г., тогда как его отчество – Дмитриевич [2. С. 310–311]. Это тот самый Бонч-Бруевич, широко известный как революционер-большевик, одно время секретарь В.И. Ленина, в 1930-е годы – директор Государственного литературного музея. В мемуарном разделе несколько раз говорится о том, что он в Праге дал П.Г. Богатыреву официальное поручение выявлять в архивах и копировать документы русских писателей, что укрепило в целом не очень-то ясный статус П.Г. Богатырева в Чехословакии. Так, совершенно неожиданно проявилась еще одна параллель богатыревской темы, выявившаяся только в контексте рецензируемой книги.

Последняя статья – "Народная культура как объект социогуманитарных ис-

следований" Н.Г. Михайловой как бы суммирует все вышеизложенное, поднимая исследование народной культуры на культурологический уровень. Автор исходит из тезиса П.Г. Богатырева о единстве народной культуры, включая ее социальные параметры. Анализ сосредоточен на современной народной культуре, ее специфике, ставится теоретический вопрос о том, что такое народная культура, имеющий остро актуальный смысл, показывается ограниченность аксиологического подхода, делает акцент на социальном контексте культуры.

Никаких существенных недостатков в книге нет. Можно было бы несколько по-иному распределить статьи между разделами вторым и третьим, следовало указать, что за народные картинки украсили обложку книги, проставить имена переводчиков статей зарубежных авторов. Главное замечание относится к издательству "Алетейя": давно не приходилось читать книгу с таким чудовищным количеством опечаток и ошибок в написании фамилий. Чешский текст в сносках так искажен при наборе, что даже человеку, знающему язык, иногда невозможно понять, что должно было бы быть. Более того, перед

нами тот редкий случай, когда номера страниц в тексте не соответствуют страничной нумерации в "Содержании". Непонятно, в чем состояла работа указанного в выходных данных корректора.

Большая научная удача богатыревского сборника свидетельствует об актуальности проблем народной культуры. Очевидно, на повестку дня следует поставить новое издание избранных работ П.Г. Богатырева в одной из престижных серий, посвященных классикам науки, а также создание полной научной биографии ученого. Для этого потребуются усилия специалистов разного профиля. То, что такое сотрудничество может быть удачным, доказывает сборник, посвященный Петру Григорьевичу.

© 2002 г. *Г.П. Мельников*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
2. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ФИЛОСОФСКИЕ, ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИСКУССИЙ О ЯЗЫКЕ В СССР В 1917–1950 гг."

5–7 июля 2002 г. в Кре-Берар (Швейцария) состоялась международная конференция "Философские, эпистемологические и идеологические основы дискуссий о языке в СССР в 1917–1950 гг.", организованная Центром исследований в области сравнительной эпистемологии центрально- и восточноевропейской лингвистики (CRECLECO) и Отделением славистики университета г. Лозанны.

В дискуссиях приняли участие и выступили с докладами на русском, французском и английском языках исследователи из Швейцарии, России, Грузии, Украины, Эстонии, Чехии, Турции, Израиля, Франции, Испании, Англии и США.

В обращении к участникам конференции профессор славистики лозаннского университета П. Серно отметил, что одна из основных целей проведения конференции состоит в том, чтобы представить дискуссии вокруг понятия "язык" как один из аспектов недостаточно изученной советской культуры периода 1917–1950 гг. Обратиться при этом было бы интересно не только к работам профессиональных лингвистов, но и к трудам специалистов других областей, затрагивающих проблемы языка, а также к анализу созданных в то время проектов искусственных языков, утопических описаний языков в произведениях советской литературы, а также к осмыслению понятия "марксистская наука" и отношений между наукой и идеологией.

Конференцию открыл доклад московского историка лингвистики *В.Алпатов* "Пробле-

ма марксистской лингвистики в СССР в 1920–30-е годы". Исследователь классифицировал попытки построения особой "марксистской лингвистики", отличной от "буржуазной", на откровенно конъюнктурные (марризм), искренние, но малопрофессиональные (Т. Ломтев) и, наконец, достаточно серьезные с научной точки зрения (Е. Поливанов). Автор доклада проанализировал, в какой степени приверженность советских лингвистов марксизму задавала направление их исследований.

О "двух разных лингвистиках" межвоенного периода в России шла речь в тезисах доклада, присланных *Т. Николаевой* (Москва). Для первой лингвистики проблема исходных первичных единиц языка, имеющих диффузную семантику, была одной из основных, в связи с чем естественным кажется интерес исследователей (С. Карцевский, Л. Щерба и марристы) и к происхождению языка, и к ранним этапам его эволюции. Второе же направление было непосредственно связано с Московским лингвистическим кружком и интересом к фонологии, а также с последующим "поуровневым" представлением языка. Первая лингвистика практически исчезла в России после войны, а тотальная "фонологизация" языкознания принесла лингвистике не только пользу (построение абстрагированных систем), но и вред (вытеснение определенных проблем языкознания из сферы интересов лингвистов).

Доклад *В. Базылева* (Москва) был посвящен возможным политическим и социологи-

ческим причинам попыток возрождения марксизма в современной России.

Несколько докладов касались советской языковой политики. Основываясь на работах и высказываниях лингвистов, этнографов, писателей, правительственных и партийных деятелей, американский исследователь К. Вулизер говорил о политике "языкового строительства" в Белоруссии в 1920–1939 гг. Он выделил два основных идеологических течения, в рамках которых в Белоруссии развертывались дискуссии о языке: "популистское", настаивающее на введении образования на родном языке, и "неоромантическое", представители которого видели в языке высшее и законченное выражение "национального духа". В целях повышения национального самосознания народа, белорусские "национал-демократы" стремились оградить язык от иностранных заимствований, в то время как их противники ("сталинисты") ратовали за сближение белорусского языка с русским, что способствовало бы, по их мнению, преодолению "национальной ограниченности" жителей Белоруссии. И те, и другие при этом полагали, что язык формирует человеческое сознание.

О белорусском языке шла речь и в докладе парижской исследовательницы *В. Симанек*. Его основной темой стала "академизация" белорусского языка как политическая проблема в 1918–1937-е годы. В докладе говорилось и о попытках насильственного "сближения" белорусского с другими славянскими языками.

П. Векслер (Тель-Авив) рассказал о советской языковой политике в отношении языка идиш в 1920–1930 гг., а *Т. Гванцеладзе* (Тбилиси) интересовали теоретические основы "лингвистической войны" на Кавказе в 1917–1950 гг. В осуществлении языковой политики на Кавказе исследователь выделил два этапа: с 1917 по 1935 год (время широкомасштабной кампании борьбы с неграмотностью, создания письменностей для ранее бесписьменных языков, модернизации уже существующих литературных языков, создания широкой сети образовательных учреждений) и период с середины 30-х до конца 50-х годов (тотальное внедрение русского языка, переход с латиницы на кириллицу и т.д.). Политика каждого из периодов имела специфические идеологические обоснования. О грузинской лингвистике говорила и тбилисская исследовательница *Т. Болквадзе*: ключевой фигурой ее доклада стал практически неизвестный на Западе А. Чикобава, в 1950 г. осмелившийся открыто противостоять марксизму.

О чередовании двух противоположных тенденций советской языковой политики по отношению к народам Севера – "консервативной", предполагающей сохранение языков как можно большего количества народов, и "радикальной", ратующей за языковую унификацию, – рассказал исследователь из Санкт-Петербурга *Н. Вахтин*.

Проекты всеобщего языка коммунизма в марксистской перспективе стали темой доклада *А. Дуличенко* (Тарту). В разное время отношение марксистов к искусственным языкам было различным, варьировались расставляемые акценты. Так, сталинский тезис о том, что в коммунистическом будущем все языки сольются в один единый, был непосредственно связан с развитием марксистской концепции создания "пролетарского эсперанто". Позднее И. Сталин высказал иную точку зрения – о формировании так называемых зональных языков (естественных языков широкого международного распространения), которые и выполняли бы функции всеобщих. И если в 20-е годы Э. Дрезен считал, что создание всеобщего языка – дело далекого будущего, а в ближайшей перспективе следует ограничиться решением вопроса о международном вспомогательном языке, в 1968 г. Э. Свадост говорил о том, что созданием всеобщего языка (на основе элементов естественных языков) следует заниматься немедленно.

Три доклада были посвящены творчеству *М. Бахтина*. *К. Збинден* (Лозанна – Шеффилд) сделала сообщение о философских основах концепции диалога и об отношении Бахтина к русским формалистам. О восприятии Бахтина на Западе рассказала *Б. Вотье* (Мадрид), а доклад *К. Брендиста* (Шеффилд) был посвящен соотношению некоторых бахтинских концепций с общим фоном дискуссий о языке в СССР в 20-е–30-е годы.

В докладе *И. Ивановой* (Лозанна) речь шла о проблеме исследования диалога в советской лингвистике 20-х–30-х годов, в частности, о концепции диалога Л. Якубинского. Докладчица отметила, что становление теории диалога следует считать одной из наиболее характерных особенностей мировой лингвистики последней четверти XX в. При этом большинство исследователей диалога ссылаются в своих работах на М. Бахтина как на создателя теории диалога, тогда как имя Л. Якубинского до сих пор практически неизвестно на Западе.

Ж. Фридриш (Женева) рассказала о специфике концепции внутренней речи Л. Выготского и ее связи с другими лингвистическими теориями 1920–1930-х годов, в

частности, работами Л. Якубинского и членов Пражского лингвистического кружка.

В сообщении Л. Геллера (Лозанна) "Язык смысла" речь шла о специфике концепций языка, предложенных в начале XX в. И. Виноградовым и П. Успенским.

Зарождению и развитию функциональной стилистики в СССР был посвящен доклад К. Долинина (СПб.), в котором было показано, что интерес к изучению особенностей функциональных стилей, возникший в советской лингвистике в середине 40-х годов, в 90-е годы практически угасает, объяснением чему можно считать смену социального и идеологического климата.

Доклады П. Серию (Лозанна), Б. Гаспарова (Нью-Йорк), К. Кулла (Тарту), Е. Вельмезовой (Москва – Лозанна) и Т. Гланца (Прага) были посвящены междисциплинарным пересечениям и параллелям в лингвистических, литературоведческих и биологических концепциях в 20-е–30-е годы. В сообщении К. Кулла говорилось о понятиях номогенеза и холизма в биологии и о кризисе дарвинистской парадигмы в 20-е годы. В продолжении затронутой эстонским исследователем проблематики, П. Серию рассказал о возникновении альтернативных дарвинизму концепций в биологии в 20-е годы, а также об их влиянии на лингвистику, в частности, на развитие некоторых концепций и постулатов Р. Якобсона (отказ от идеи случайного в языковом развитии, интерес к типологии, телеология, языковая конвергенция и т.д.). По мнению ученого, упоминание имен Й.В. Гете, К. Аксакова, Л. Берга в "Именном указателе" "Избранных работ" Якобсона не должно казаться странным в свете сближения концепций исследователя с антидарвинистскими течениями. Схождения соответствующих теорий были рассмотрены П. Серию не с точки зрения ставших уже традиционными понятий "эпистемологического разрыва" (Г. Башляр) и "смены научной парадигмы" (Т. Куэн), но в свете предложенных самим ученым терминов "дух пространства" (*l'air du lieu*) и "дух времени" (*l'air du temps*). Возможность применить последние к истории не только точных и естественных, но и гуманитарных наук (в отличие от "парадигмы" Куэна) открывает новые пути в методологии гуманитарного знания.

О Р. Якобсоне шла речь и в сообщении Т. Гланца, проанализировавшего словарь его до конца пока не опубликованных лекций о русском формализме (1935). Как показал чешский ученый, автор лекций многократно повторял слова и словосочетания, несущие, помимо своей основной семантики, и не-

которое вторичное сообщение, суть которого состояла в "идеологическом послании", исходящем из целей сообщения. Контекст мышления Якобсона реконструировался Т. Гланцем с точки зрения риторики языковых средств: их применение непосредственно связывалось с прочими теориями как самого Якобсона, так и других ученых (Н. Трубецкой, Ю. Тынянов).

Б. Гаспаров рассказал об эволюции образного мира О. Мандельштама во второй половине 30-х годов, непосредственно связанной с его пребыванием в ссылке в Воронеже в 1934–1937 г. По мнению исследователя, высказывания поэта о языке в 30-х годах несут в себе параллели как с бахтинской критикой формального метода, так и с отказом Н. Марра работать в рамках классического сравнительно-исторического языкознания, а также с выступлением Т. Лысенко против генетики: общим основанием этих внешне несходных явлений можно считать отказ от авангардного подхода к социальному и культурному строительству, состоящего в стремлении к радикальной перестройке старого мира на новых основаниях.

Е. Вельмезова сделала сообщение о новых концепциях, возникших в лингвистике, литературоведении и биологии в 20-е–30-е годы и об их общих чертах: каждая из этих дисциплин в той или иной степени переживала феномен "стирания границ" между основными объектами своего изучения, будь то язык, литературный жанр или биологический вид. Предложенный Т. Лысенко метод яровизации предполагал возможность скрещивания растительных видов, Н. Марр говорил о скрещивании языков, тогда как О. Фрейденберг обсуждала условный и относительный характер границ, разделяющих литературные жанры. Кроме того, и в лингвистике, и в литературоведении, и в биологии постепенно менялся и характер взглядов на эволюцию языков, жанров и видов, соответственно. Вслед за антидарвинистской концепцией Л. Берга (эволюция видов осуществляется путем конвергенции, а не дивергенции), Н. Марр переворачивает традиционную пирамиду – схему развития языков, разработанную классическими компаративистами: его подход предполагает развитие языков от исходного множества к единству. Наконец, чуть позже О. Фрейденберг ставит целью своих исследований раскрытие "схождений разнородного" в эволюции литературных жанров.

Споры и дискуссии, сопровождавшие многие выступления, выявляли разные подходы к обсуждаемому материалу. Разница была не только методологической, про-

тивопоставившей сторонников традиционных описательного и историографического – и эпистемологического подхода к истории лингвистики (последних среди участников конференции все же было большинство). Часто она объяснялась разными профессиональными взглядами на описываемый материал – среди участников конференции были представители разных специальностей – но также разницей подходов, определяемых научными традициями, "школами", в рамках которых формировались выступающие. Все эти выявленные различия, несомненно, могут иметь важное позитивное значение для дальнейшей исследовательской работы участников конференции.

Конференцию завершила общая дискуссия, участники которой горячо поблагодарили организаторов и признали уникальный характер состоявшегося научного меро-

приятия – фактически, первой организованной в Западной Европе конференции, посвященной эпистемологии советской лингвистики. В самой России эпистемологические исследования в области истории лингвистики ведутся сегодня очень немногими – а потому тем более интересно, по словам П. Серно, было организовать встречу не в России, а "на нейтральной почве", в Швейцарии. Участники конференции выразили надежду на дальнейшее сотрудничество и научные контакты.

К конференции был подготовлен сборник тезисов на русском, французском и английском языках. Тексты докладов предполагается опубликовать в журнале лозаннского лингвистического общества *Institut de linguistique et des sciences du langage* при Лозаннском университете.

© 2002 г. *Е. Вельмезова*

Новые издания Института славяноведения РАН

В 1999–2002 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- * Автопортрет славянина. М., 1999.
- Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центральноевропейские исследования. М., 1999. Вып. 1.
- Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
- Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.
- * Геннадийос. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.
- Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- * Греческая культура в России. XVII–XX вв. М., 1999.
- Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флора Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. М., 1999. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события.
- Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.
- * *Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.
- Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
- Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.
- * Польша и Европа в XVIII в. М., 1999.
- Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- * Славянский альманах. 1998. М., 1999.
- Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.
- * *Адельгейм И.Е.* Польская проза межвоенного двадцатилетия: между Западом и Россией. Феномен психологического языка. М., 2000.
- * *Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.
- * А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.
- * Балто-славянские исследования. 1998–1999. М., 2000.
- Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
- * *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.
- * *Головачева А.В.* Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.
- * *Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
- * *Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000.
- * *Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.
- * Книга в пространстве культуры. М., 2000.
- Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000.
- * *Маркович Д.Ж.* Разговор с друзьями. М., 2000.
- * Международные организации и кризис на Балканах. Документы. М., 2000. Тома I, II.
- * *Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.

- * Политика и поэтика. Сб. статей. М., 2000.
- Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.
- Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.
- * Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000.
- Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1–2.
- * Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.
- * *Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
- * Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
- * Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. М., 2001.
- * Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001.
- * *Гугнин А.А.* Серболужицкая литература XX века. М., 2001.
- * Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.-Новосибирск, 2001.
- * Институт славяноведения. 1999–2000. М., 2001.
- * Исследования по славянской диалектологии. 7. М., 2001.
- * История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3.
- * *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
- * *Молошная Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- * *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001.
- * *Смирнов Л.Н.* Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001.
- * *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.
- Фрейдзон В.И.* История Хорватии. М., 2001.
- * За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- * *Studia Polonica.* К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2002 ГОДУ**

Статьи

Багдасаров А.Р. О нормировании хорватского литературного языка и языковой политике в 80–90-х годах XX века	№ 3
Белова О.В. Межкультурный диалог в свете этнолингвистики: Материалы из регионов Восточной Славии	№ 6
Березович Е.Л. Географический микромир и макромир в русской народной языковой традиции (к изучению культурных коннотаций русских топонимов)	№ 6
Блюмова Д. Личность и образ Т.Г. Масарика в творчестве Виктора Дыка	№ 1
Вельмезова Е.В. Об именах персонажей чешского лечебного заговора	№ 6
Вендина Т.И. Число и счет в старославянском языке	№ 1
Восточные славяне в XVII–XVIII веках: Этническое развитие и культурное взаимодействие. Материалы "круглого стола"	№ 2
Горьяинов А.Н. Трагическая страница биографии В.И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 года	№ 1
Гришина Р.П. Советские спецслужбы и несостоявшийся переворот. Болгария, сентябрь 1922 года	№ 5
Досталь М.Ю. Чешские связи И.И. Срезневского 70-х годов XIX века (К 190-летию со дня рождения ученого)	№ 5
Евстратова А.Е. Македонская литература в общегославских эстетических дискуссиях 1950–1960-х годов	№ 5
Ефимова В.С. Местоимение первого лица в древнейших славянских текстах	№ 4
Запольская Н.Н. Грамматика и теология: проблема библейского антропонимического пространства	№ 1
Золтан А. Славяно-венгерские этимологии	№ 1
Иванов Д.И. Речь Посполитая в планах московских политиков накануне Виленских переговоров 1656 года (Из истории международного кризиса в Восточной Европе середины XVII века)	№ 2
Из словаря "Славянские древности"	№ 6
Косик В.И. "Молодая Россия" (К вопросу о русском фашизме)	№ 4
Косик В.И. Опыт истории страны, которой не было (Сербия в 1918–1941 годах)	№ 5
Крысько В.Б. Отънки и материци	№ 1
Лобанова М.В. Балканские социал-демократические конференции 1909 и 1911 годов и вопрос об объединении левых сил в Болгарии	№ 3
Младенова Д. "Глаза" и "зрение" небесных светил: Связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре	№ 6
Накануне нападения Германии: Внешняя и внутренняя политика СССР в первой половине 1941 года. Материалы "круглого стола"	№ 6
Николеев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII веков и их значение для истории польской литературы	№ 2
Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (По опубликованным источникам РГАДА)	№ 2
Сазонова Л.И. Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян	№ 1
Сазонова Л.И. Общевропейские черты восточнославянского барокко. Из наблюдений над поэтикой: acumen, poesia artificiosa, emblema, picta poesis	№ 2

Смирнов Л.Н. К юбилею сектора славянского языкознания Института славяноведения РАН	№ 1
Софронова Л.А. Философский лабиринт Григория Сковороды	№ 2
Стыкалин А.С. Советская культура в восприятии центрально-европейской интеллигенции (вторая половина 1940-х годов)	№ 3
Толстая С.М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре	№ 1
Турилов А.А. Кому "единоименен" Раннокисум? Глоссы как элемент первоначального замысла и оформления текста Жития деспота Стефана Константина Костенецкого	№ 1
Флоря Б.Н. Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казачьих восстаний 20–30-х годов XVII века и на начальном этапе народно-освободительной войны	№ 2
Хорев В.А. Литература "человеческого документа". Польский опыт 1960–1990-х годов	№ 5
Чуба Г. Текстологическая классификация украинских учительных Евангелий второй половины XVI века	№ 2
Шнирельман В.А. Русские, нерусские и евразийский федерализм: Евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы	№ 4
Юван М. Поэзия Пушкина и Прешерна о поэзии	№ 5
Якушкина Е.И. Современная сербская диалектная лексикография	№ 3

СООБЩЕНИЯ

Герчикова И.А. Чехи в России: история продолжается	№ 5
Горяинов А.Н., Досталь М.Ю. С точки зрения историков науки... (О посмертном сборнике статей С.Б. Бернштейна)	№ 1
Исеева О.Н. Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века (по свидетельствам российских консулов)	№ 3
Калинина Т.М. Этимологическая и этимологическая легенды персидского писателя XI в. Гардизи о славянах	№ 4
Королев Г.И. Изучение гербовых грамот в венгерской, словацкой и чешской историографии	№ 4
Лаптева Л.П. Й. Полишевский (1915–2001). Памяти выдающегося чешского историка XX века	№ 5
Назаренко А.В. Новый труд известного слависта: К выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера	№ 2
Опарина Т.А. "Книги литовской печати" в "спецхране" Московского Кремля	№ 2
Тошович Б. Дисперсия глагола в имени	№ 1

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Аксенова Е.П. Записка А.В. Флоровского 1938 г. "Славянскому институту в Праге"	№ 4
Бонацца С. Южнославянская проблематика в журнале Ватрослава Ягича "Archiv für Slavische Philologie"	№ 4
Ботт М.-Л. "Филология" или "изучение противника"? Славянский институт М. Фасмера в развитии славистики в Германии (1925–1932)	№ 4

ПУБЛИКАЦИИ

Дзевановский М.К. Профессор Михаил Карпович (1888–1959). Вступительное слово Л.Е. Горизонтова	№ 1
Косик В.И. Идея славянского объединения и возрождение России. Шифр "Амур". 1919 год	№ 1
Торбаков И. Письма В.И. Вернадского Ф.И. Родичеву	№ 5

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А царкина Т.А. М. Hrdlička. Predložky ve vyuce češtiny jako cizho jazyka	№ 5
В а с и л ь е в М.А. Неоязычество на просторах Евразии	№ 4
Г а в р ю ш и н а Л.К. Дж. Трифунович. Ка почезима српске писмености	№ 4
Г у с е в В.Е. Glagoljski fragmenti Ivana Berčića u Ruskoj Nacionalnoj biblioteci. Faksimili. S.O. Vialova. Glagoljski fragmenti Ivana Berčića u Ruskoj Nacionalnoj biblioteci. Opis Fragmenta	№ 4
Д е н ь ш и к о в а А.В. Н.Н. Гордеев. Пражская научная школа конца XVII – начала XVIII века	№ 4
Д о с т а л ь М.Ю. С.В. Смирнов. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие	№ 3
Д о с т а л ь М.Ю. L. Harbul'ová. Ladomirovské reminiscencie. Z dejin ruskej pravoslavnej misie v Ladomirovej. 1923–1944	№ 4
Е в с т р а т о в а А.Е. Prešem – A.S. Puškin (ob 200-letnici njunega projstva)	№ 5
З а д о р о ж н ю к И.Е. R. Paradowski. Eurazjatyckie imperium Rosji. Studium idei	№ 4
З а д о р о ж н ю к Э.Г. Т.С. Гузенкова. Политические партии и лидеры в Верховной Раде Украины (1998–2000)	№ 1
К а з н и н а О.А. G.S. Smith. D.S. Mirsky: A Russian-English Life (1890–1939)	№ 4
К а л а ш н и к о в А.А. Słowiańskie słowniki gwarowe	№ 5
К л о п о в а М.Э. Н.М. Пашаева. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.	№ 1
К о р ч а г и н а М.Б. Entstalinisierungskrise in Ostmitteleuropa. 1953–1956. Vom 17. Juni bis zum ungarischen Volksaufstand. Politische, militärische, soziale und nationale Dimensionen	№ 3
К о с т ю х и н Е.А. Е.Г. Водолазкин. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков)	№ 4
Л а б ы н ц е в Ю.А., Щ а в и н с к а я Л.Л. И.И. Калиганов. Георгий Новый у восточных славян	№ 2
Л е с к и н е н М.В. М.А. Корзо. Образ человека в проповеди XVII века	№ 2
Л и т в и н а А.Ф. Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: миграция слов, выражений и идей	№ 2
М а т е й и ч П. А. Fotič. Sveta gora i Hilandar u Osmanskom carstvu XV–XVII vek	№ 4
М е л ь н и к о в Г.П. Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи.....	№ 6
М о р о з А.Б. Е.Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте	№ 6
М у с и е н к о С. История литератур западных и южных славян. Т. III	№ 5
Н и к и т и н С. S. Aloe. Angelo De Gubernatis e il mondo slavo: Gli esordi della slavistika italiana nei libri, nelle riviste e nell'epistolario di un pioniere (1865–1913)	№ 4
П а ш а е в а Н.М. Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского. Каталог	№ 3
Р ы ж о в а М.И. Prešernovi dnevi v Kranju. Simpozij ob 150-letnici smrti dr. Franceta Prešerna	№ 4
С т ы к а л и н А.С. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.	№ 6
Т у р и л о в А.А. А. Джурова, К. Станчев. Описание славянских рукописей Папского восточного института в Риме	№ 4
Т я п к о Г.Г. В.П. Гудков. Славистика. Сербистика: Сборник статей	№ 1
Ф р и д м а н М.В. G. Barbă, L. Cotorcea, A. Crasovschi. Слово о полку Игореве. Cântecului oastei lui Ugor	№ 4
Ш а б л о в с к а я И.В. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2-х т. Том второй. 1970–1980-е годы	№ 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А к и м о в а О.А. Ежегодная Международная конференция "Славяне и их соседи"	№ 2
В е л ь м е з о в а Е. Международная конференция "Философские, эпистемологические и идеологические основы дискуссий о языке в СССР в 1917–1950 гг."	№ 6

В е н е д и к т о в Г.К. Научная конференция "Найден Геров в истории болгарской науки и культуры"	№ 1
Д е м и н а Е.И. Седьмая Международная конференция по социоллингвистике (22–24 IX 2000 г. София, Болгария)	№ 1
Е ф и м о в а В.С. Чтения по проблемам славистики и болгаристики, посвященные юбилею Е.И. Деминой	№ 4
К а л н ы н ь Л.Э., К л е п и к о в а Г.П. "Круглый стол" "Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст"	№ 1
Л а п т е в а Л.П. IX Международный сорабический фестиваль во Львове	№ 4
Л е с к и н е н М.В. Конференция "Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре"	№ 5
Н о с о в Б.В. Международная научная конференция "Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв."	№ 1
П е р ш а й А.Ю. Супруновские чтения в Белорусском государственном университете ...	№ 4
П р о с к у р н и н а М. "Круглый стол" "Постмодернизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы: за и против"	№ 3
П р о с к у р н и н а М. Международная научная конференция "Центральная и Юго-Восточная Европа: литературные итоги XX века"	№ 5
Р ж а н н и к о в а О.А. К выходу в свет "Грамматики болгарского языка для владеющих русским языком"	№ 5
Ф и л и м о н о в а Т. Международный симпозиум "Словенский литературный язык – актуальные вопросы и исторический опыт". К 450-летию издания первой словенской книги	№ 5
Ш в е д о в а Н.В. "Круглый стол" "Художник и власть. Деятели славянской культуры в неволе и о неволе"	№ 3
Я к у ш к и н а Е.И. Конференция по славянской филологии в МГУ	№ 5

ЮБИЛЯРЫ

А к с е н о в а Е.П., Ч е п е л е в с к а я Т.И. Марк Яковлевич Гольдберг	№ 4
К 70-летию Юрия Васильевича Богданова	№ 3
К юбилею Людмилы Норайровны Будаговой	№ 4
Н о с о в Б.В. К юбилею Светланы Михайловны Фалькович	№ 4
С о ф р о н о в а Л.А. К 80-летию Сергея Васильевича Никольского	№ 2
С т ы к а л и н А.С. К 80-летию Владимира Израилевича Фрейдзона	№ 2
С т ы к а л и н А.С. К 75-летию Тофика Муслимовича Исламова	№ 3
Ш е р л а и м о в а С.А. К 70-летию Виктора Александровича Хорева	№ 2
Юбилей Галины Павловны Мурашко	№ 3

НЕКРОЛОГИ

В е н е д и к т о в Г.К., Е ф и м о в а В.С. Памяти Рали Михайловны Цейтлин	№ 2
Н е щ и м е н к о Г.П. Памяти Льва Никандровича Смирнова	№ 4
Памяти Галины Александровны Мартыновой	№ 2
Ш в е д о в а Н.В. Памяти Райсы Романовны Кузнецовой	№ 4
Х о р о ш к е в и ч А.Л. Памяти Натальи Ивановны Щавелевой	№ 2

CONTENTS

The Day Before German Invasion: USSR Foreign and Home Policy in the First Half of 1941. Round Table Materials	3
--	---

ARTICLES

From The Dictionary "The Slavic Antiquities"	40
<i>Berezovich E.L.</i> (Ekaterinburg). Geographical Microcosm and Macrocosm in Russian Folk Language Tradition (Cultural Connotations of Russian Toponymes)	60
<i>Mladenova D.</i> (Sofia). "Eyes" and "Sight" of Heavenly Bodies: Connection of Concepts of Light and Sight in Balkan Languages and Traditional Culture	72
<i>Belova O.V.</i> (Moskow). Dialogue Between Cultures as Seen by Ethno-Linguistics: the Materials from Eastern Slavia	87
<i>Velmezova E.V.</i> (Moskow). On the Names of Personages in Czech Medicinal Charm	94

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Stykalin A.S.</i> Eastern Europe Between Hitler and Stalin. 1939–1941	102
<i>Moroz A.B.</i> Е.Л. Березович. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте	110
<i>Melnikov J.P.</i> Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи	114

SCHOLARLY LIFE

<i>Velmezova E.</i> International Conference "Philosophical, Epistemological and Ideological Jeneral Foundations on the Languge in USSR during 1917–1950"	118
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	122
Index of Articles and Materials Published in the Magazine in 2002	124

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 12.08.2002	Подписано в печать 17.10.2002	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать.	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отт. 5,7 тыс.	Уч.изд.л. 11,9	Бум.л. 4,0
Тираж 545 экз.		Зак. 6661		

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

